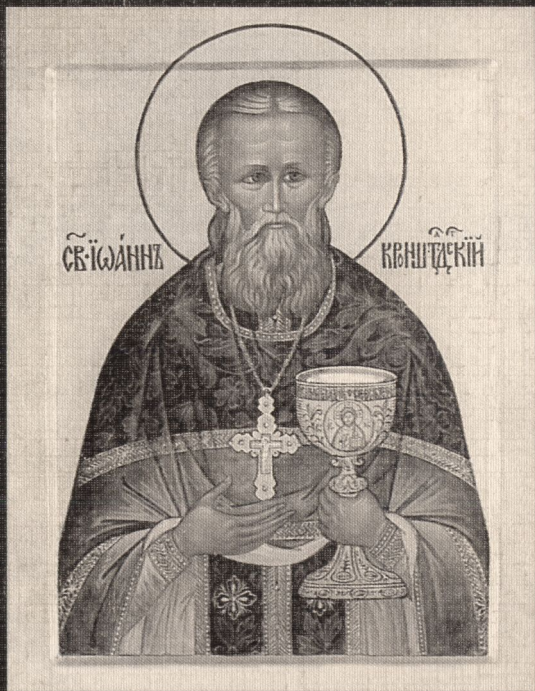

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ИОАНН
КРОНШТАДТСКИЙ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Москва
1999

УДК 159.961
ББК 88.6
Г67

Серия основана в 1998 году

Горбачева Н. Б.

Г67 Иоанн Кронштадский. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 208 с. — (Великие пророки, вып. 10).

ISBN 5-7390-0854-9 («Олимп»).

ISBN 5-237-01652-9 (ООО «Фирма «Издательство АСТ»).

Истинные пророки предсказывают будущие события с целью назидания или предостережения. Именно таким пророком в XX столетии стал отец Иоанн Кронштадтский. Духовное понимание земной истории позволило ему предсказать Первую мировую войну, мученическую смерть Николая II, тяжкую кончину Льва Толстого, объяснить причины многих проблем России заканчивающегося тысячелетия.

**УДК 159.961
ББК 88.6**

© «Олимп», 1999

© Оформление. ООО «Фирма
«Издательство АСТ», 1999

Я человекъ, и во мнѣ непрерывно дѣйствуетъ милость, истина и правда Божія. Богъ то милуетъ и утѣшаетъ, то наказываетъ и опечаливаетъ меня скорбями за внутреннія, противныя Ему душевныя движенія. Но подобныхъ мнѣ людей—полна земля. Значитъ, и въ нихъ Господь являетъ Свою милость, истину и правду, подобно какъ во мнѣ. Онъ *дѣйствуетъ* *ося во осяхъ*.

Св. Иоанн Кронштадтскій
«Моя жизнь во Христѣ»

Всероссийский батюшка

От Кронштадта до самых до окраин...

В конце XIX столетия по Петербургу начала распространяться многоустая молва об исцелениях по молитвам протоиерея Андреевского собора в Кронштадте отца Иоанна Ильича Сергиева. Рассказывали случаи поразительные о выздоровлении совсем безнадежно больных, о прозорливых предсказаниях священника, который читал в душах людей, словно в открытой книге.

Разнообразные проявления удивительной силы духа кронштадтского батюшки были столь чудесны и многочисленны, что слава о нем очень быстро облетела всю Россию и перекинулась за ее пределы — в Европу, Америку и Азию.

Чехов после поездки на Сахалин писал: «В какой бы дом я ни заходил, я везде видел на стене портрет о. Иоанна Кронштадтского. Это был пастырь и великий молитвенник, на которо-

го были с надеждой обращены взоры всего народа»...

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов в Маньчжурии китайцы просили русских посылать святому *бонзе* Иоанну, как они называли отца Иоанна, телеграммы с просьбами помолиться об исцелении безнадежно больных соотечественников.

Каждый день отец Иоанн получал до тысячи писем и телеграмм со всех концов страны и из других стран с неотвязными просьбами помочь в горе, болезни, нужде, дать ответ на насущные жизненные вопросы. У батюшки был целый штат секретарей для ведения переписки.

Каждый день отец Иоанн, отслужив в Андреевском соборе раннюю обедню — с пяти часов он был уже на ногах, — перебирался через пролив в Петербург навещать больных, к которым был приглашен, или добрых знакомых, имеющих в нем нужду. Если жители Петербурга замечали батюшку в карете на улицах столицы, то за ним бежали, у дома, куда он входил, тотчас собиралась толпа. Люди бросались к нему, чтобы получить его благословение, совет или указание, рассказывали друг другу о достоверных многочисленных чудесах, совершенных батюшкой. Когда отец Иоанн поднимался по лестнице, его старались обогнать и зайти в квартиру, куда он был приглашен. Пока народ толпился у парадного подъезда, карета батюшки въезжала во двор дома, и ворота с трудом запирались. Потом он спускался по черной лестнице, пытаясь скрыться от ожидающей его толпы. Но эта

уловка не всегда удавалась — кто-нибудь вскакивал на подножку кареты и ехал стоя. Бывали случаи, когда отламывали дверцы кареты...

Вера в святость отца Иоанна была у народа беспредельна, примеров тому масса, но приведем случай, претендующий стать притчей. Однажды, когда батюшка подъезжал в пролетке к своему дому, какая-то старушка бросилась под лошадей, и пролетка ее переехала. Отец Иоанн в испуге подбежал к старушке. Та встала как ни в чем не бывало и сказала ему: «Я теперь буду здорова, ты меня переехал, и теперь мучительный ревматизм оставит меня».

День батюшки не имел границ. Знавшие его недоумевали, когда он спит. Возвращаясь в Кронштадт к двенадцати часам ночи, он еще два часа ходил по двору, скрестив на груди руки и вперив взгляд в небо, молясь, потом шел домой, читал газеты и писал проповедь, а уже в пять часов утра снова был в соборе. Этот распорядок стал правилом жизни отца Иоанна.

«Самое здоровье его стоит в полной гармонии с его душевными способностями, — свидетельствовал знаменитый профессор нейрохирургии И. А. Сикорский, близко знавший кронштадтского батюшку, — несмотря на свои 63 года, он выглядит человеком, имеющим не более 45 лет: он постоянно бодр, свеж, неутомим. Недостаточный сон и крайнее напряжение сил, которого требует его сложная миссия, не только не оказывают вредного влияния на его здоровье, но, по-видимому, только укрепляют и

закаляют его на новые подвиги. На лице о. Иоанна и во всем внешнем виде его отпечатлены необыкновенная доброта, кротость, приветливость, и нам вполне понятно стремление масс видеть о. Иоанна, *взглянуть* на него. В этом стремлении, несомненно, сказывается потребность видеть этого исключительного, истинного человека — видеть и поучаться...

Не *толпа* ищет о. Иоанна, но люди всякого звания, всякого образования и всех возрастов. Вы увидите здесь взрослых и детей, господ и их прислугу, образованного человека и чернорабочего, учащегося и студента, вы увидите скромных тружениц и падших женщин, увидите больных, истеричных, испорченных и преступных людей. Вы встретите здесь различные религии и различные национальности. Всех приводит к о. Иоанну одно и то же чувство, и, несомненно, хорошее чувство. Оно заставляет людей, приехавших в каретах, выйти из экипажа и стать рядом с обыкновенным, серым человеком; оно объединяет господ и их прислугу; оно побуждает истерических и капризных женщин оставить свои капризы и притворство; оно поднимает падшую женщину из грязи и делает ее человеком. Это Божия искра, стремление к идеалу! Вот что влечет людей к о. Иоанну...

Когда мы говорим о выдающихся дарованиях какого-либо лица, мы ищем доказательств и следов его деятельности — в науке, поэзии, искусствах и практической жизни, мы задаем себе вопрос о специальности. Специальность

о Иоанна — нравственное усовершенствование себя и других. Его труды записаны не в книгах, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и проповедник идеалов, проводящий ежедневно 15—20 часов в сутки то в храме, то под открытым небом, то в многолюдном собрании, словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподает науку жизни. Греческие мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрец сумеет осуществить эту задачу.

В наши дни таким мудрецом, нравственным философом является о. Иоанн Кронштадтский. Единодушное стремление к нему есть знамение времени...»

Как оказалось, это влечение было знамением грядущих трагических перемен, накануне которых люди инстинктивно ищут спасения. Революционные идеи туманили мозги, распространялись повсеместно. Как никто другой, кронштадтский батюшка *знал*, к каким последствиям приведут подобные настроения в обществе. За много лет до Первой мировой войны он занес в свой дневник сведения об участниках войны и предсказал ее исход, военные неудачи царской России, революцию, бесчисленные ее жертвы, потоки крови, несчастье и горе всей России — ни победителей, ни побежденных...

Больше полувека произносит отец Иоанн свои пламенные проповеди, призывая народ русский к покаянию. Людей образованных и богатых он более всего обличал в праздности и непозволительной роскоши, в пристрастии к суетным удовольствиям и в немилосердии к бедным, «простой народ» — в пьянстве и сквернословии.

Пророческие слова святого Иоанна Кронштадтского о причинах русских бед, сказанные в конце XIX столетия, не потеряли своей актуальности и в конце XX века. Большевики снесли Андреевский собор в Кронштадте, желая уничтожить саму память о чудотворце и прозорливце, но остались его письма, слова, воспоминания, продолжают чудеса по его молитвам. Он современен и по сей день, его необыкновенная личность остается примером для подражания.

Начало пути

Отец Иоанн Кронштадтский священствовал 53 года, был митрофорным протоиереем и членом Святейшего Синода, достигнув для лица белого духовенства самого высокого положения. Кроме того, он был обласкан царской фамилией, вхож к трем императорам: Александру II, Александру III и Николаю II, пожалован многими орденами, в том числе тремя звездами: Св. Анны, Св. Владимира и Св. Александра Невского.

Но по происхождению кронштадтский батюшка не принадлежал к сильным мира сего, а родиной его было местечко, которое прославилось только благодаря его заслугам.

Он родился в далекой Архангельской губернии в бедном селе Суре, расположенном на берегу живописной реки Пинеги, в 500 верстах от Белого моря. В этом диком, суровом и малонаселенном краю в древние времена процветало русское монашество. Здесь, на Севере России, прославились своими духовными подвигами св. Трифон Печенгский, Зосима и Савватий Соловецкие, Герман Валаамский и Кирилл Белозерский. С течением времени стремление к подвижничеству стало ослабевать, охладело и усердие русского человека к святым обителям. Многие малые монастыри на Севере прекратили свое существование и превратились в приходские храмы с нетленно почивающими при них мощами угодников Божиих.

У бедных супругов Феодоры и Илии Сергиевых 19 октября 1829 года родился мальчик, на вид такой болезненный, что родители поспешили в тот же день окрестить его, дав имя Иоанн в честь св. Иоанна Рыльского, подвизавшегося на Балканах. Слабенький ребенок быстро окреп и стал здоровым.

Когда мальчику было шесть лет, однажды в горнице он увидел ангела, блиставшего небесным светом, и сильно смутился. Но ангел успокоил его, сказав, что он его Ангел-хранитель, всегда стоящий окрест Иоанна в соблюдение, охранение

и спасение от всякой опасности на протяжении всей жизни.

Мальчик Ваня постоянно ходил с отцом в церковь. Отец служил псаломщиком в бедном деревянном сельском храме, где даже богослужебные сосуды были оловянные. Ваня любил церковные службы и богослужебные книги и под влиянием родительского воспитания сделался послушным и благочестивым. Мать простая, но твердой веры женщина с детства и до самой смерти была для прославленного священника огромным авторитетом. Стоит привести единственный пример...

Однажды отец Иоанн сильно заболел, это было в начале Великого поста. Врачи объявили, что больному непременно надо принимать сытную скоромную пищу, иначе он умрет. Ему настоятельно рекомендовали есть мясо.

— Хорошо. Я согласен, но только спрошу позволения у своей матери, — ответил больной.

— Где же ваша мать?

— В Архангельской губернии.

— Напишите как можно скорее.

По просьбе больного написали письмо, в котором сын просил благословения матери принимать скоромную пищу в пост. Прошла неделя, другая, больному становилось все хуже. Наконец пришло письмо. «Посылаю благословение, но скоромной пищи Великим постом вкушать не разрешаю ни в каком случае». Отец Иоанн равнодушно принял отказ и был даже, видимо, доволен им, есть мясо отказался, даже рыбы

не ел. Ему объявили, что в таком случае он умрет.

— Воля Божия, — ответил батюшка. — Неужели вы думаете, что я променяю жизнь на благословение матери, нарушу заповедь: «Чти отца своего и мать твою»?

Вопреки предречению врачей, больной поправился.

Известно, что односельчане отца Иоанна еще в мальчике Ване увидели большого молитвенника и часто просили его помолиться в трудных обстоятельствах.

На десятом году жизни родители собрали последние деньги и определили Ваню в Архангельское приходское училище. Учение давалось ему туго: он плохо понимал и запоминал. «Содержание отец получал, конечно, самое ничтожное, жить было страшно трудно, — вспоминал отец Иоанн. — Я понимал уже тягостное положение родителей, и поэтому темнота моя в учении явилась для меня особенно тяжким бременем. О значении учения для моего будущего я мало думал и скорбел только о том, что отец напрасно платит свои последние крохи».

Невесело жилось в чужом городе при крайней бедности. Он рос и учился одиноко — без друзей, без родных, погруженный в себя. Кормили скудно, но ребенок давно привык к тому; плохо, что не было ни книг, ни бумаги. В это время более всего грезил мальчик о том, что, когда вырастет, выведет из нужды и отца, и мать и поможет всем-всем...

«Ночью я любил вставать на молитву, —

вспоминал батюшка. — Все спят, тихо. Не страшно молиться, и молился я чаще о том, чтобы дал Бог мне свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне, я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из сказанного. Такая тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок; я вспомнил даже, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и — о счастье! — читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше: все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачку по арифметике — решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал быть уже последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал я в науках и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию».

Суровая жизнь не убила в ребенке любви к людям, к природе. Природа по-прежнему говорила с Иваном Сергеевым «как друг и как учитель о Боге, вечности и правде». На летние ка-

никулы он возвращался домой. «Идешь сотни верст пешком, сапоги в руках тащишь: потому вещь дорогая. Приходилось идти горами, лесами: суровые сосны высоко поднимают стройные вершины. Жутко. Бог чувствуется в природе. Сосны кажутся длинной колоннадой огромного храма. Небо чуть синее, как огромный купол. Теряется сознание действительности. Хочется молиться, и чужды все земные впечатления — и так светло в глубине души»...

В семинарии Иван Сергиев был старшим над архиерейскими певчими, самой некультурной, распущенной, пьяной частью бурсы. Выдержки требовалось много... А следовало запастись знаниями, хотя было еще неизвестно, к чему придется применить их. Кончил семинарию первым учеником. За блестящие успехи Иван Ильич Сергиев был принят на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию. Произошло это в 1851 году, и в том же году умер его еще не старый отец. Мать и сестры остались на попечении молодого студента.

Управление академии предложило Ивану Ильичу занять должность писаря в канцелярии за девять рублей в месяц. Весь свой скудный заработок он отсылал домой. Письмоводительское место дало, кроме жалованья, еще и уединение. У студента появилась «своя» комната — благо, которого были лишены остальные. Эта комната стала местом первых молитвенных и подвижнических трудов праведника.

Студент Иван Сергиев очень любил гулять в академическом саду и там размышлять и молить-

ся. Привычка совершать молитвенное правило под открытым небом сохранилась у него на всю жизнь. Беседовал он и с товарищами на высокие темы, в частности, о привлекавшей его на старших курсах мечте стать миссионером в далеких странах, например в Китае.

Особых, настоящих друзей у Ивана Сергиева не было. Театров и вечеринок он не посещал, все свободное время посвящал чтению. С благодарностью вспоминал отец Иоанн годы, проведенные в академии: «При слабых физических силах я прошел три школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы — разум, сердце и волю. Высшая духовная школа имела на меня особенно благотворное влияние. Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уясняли и расширяли мое мирозерцание, и я, Божией благодатью, стал входить в глубину богословского созерцания...»

На последнем курсе академии Иван Сергиев отказался от своей мечты стать православным миссионером среди язычников. Он понял, что в христианском просвещении сильно нуждается и его родной народ. Несколько раз студент Сергиев видел пророческий сон: отчетливо являлся незнакомый собор, в алтарь которого он, священник, входит северными и выходит южными воротами. Посетив в первый раз кронштадтский Андреевский собор, Иван Сергиев сразу узнал в нем храм, увиденный во сне. Он понял, что

Промысел Божий зовет его к пастырской деятельности.

И так случилось, что после окончания академии Ивану Ильичу Сергиеву предложили место священника в кронштадтском соборе в честь св. апостола Андрея Первозванного.

Ключарь собора протоиерей Константин Невский по старости должен был уйти на покой, и, по обычаю того времени, наиболее желанным его заместителем мог бы стать человек, согласившийся жениться на его дочери. Иван Сергиев познакомился с Елизаветой Константиновной, сделал ей предложение и после окончания академии обвенчался с ней.

Брак этот был из ряда вон выходящим. Супруг, твердо решившись всем своим существом служить Богу и страждущему человечеству, уговорил супругу остаться девственниками. Молодая женщина не сразу согласилась всем сердцем принять на себя этот великий подвиг тайного девства. Она даже обращалась с жалобой к митрополиту Исидору, который вызвал отца Иоанна и с угрозами уговаривал его иметь общение с супругой. Но отец Иоанн не соглашался и в конце концов сказал: «В этом есть воля Божия, и вы ее узнаете». И как только он вышел от митрополита, владыка сразу же ослеп. Тогда он вернул отца Иоанна и стал просить прощения и исцеления и немедленно получил то и другое.

После этого случая митрополит вызвал Елизавету Константиновну и уговорил ее продол-

жать жить девственно. Молодая супруга до конца дней превратилась как бы по обету в сестру милосердия и в помощницу своему мужу.

12 ноября 1855 года в Санкт-Петербурге епископ Винницкий Христофор рукоположил Ивана Сергиева во священника. В течение 350 лет большинство из рода Сергиевых мужчин были священниками.

В первой же своей проповеди, произнесенной отцом Иоанном в кронштадтском Андреевском соборе при вступлении в должность, двадцатипятилетний иерей сказал: «Сознаю высоту сана и высоту соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостойнство к прохождению высочайшего на земле служения священнического... но знаю, *что* может сделать меня более или менее достойным сана священника — это любовь ко Христу и ко всем. Любовь — великая сила; она и немощного делает сильным, и малого великим. Таково свойство любви чистой, Евангельской. Да даст и мне любвеобильный во всем Господь искру этой любви, да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым».

«С первых же дней своего высокого служения Церкви, — вспоминал отец Иоанн, — я поставил себе за правило: сколько возможно искренне относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собой, за своею внутренней жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя как человека, священника и члена общества. Потом я стал вести

дневник, в котором я записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства о избавлении от искушений, скорбей и напастей».

Этот необыкновенный дневник при жизни отца Иоанна был издан под заглавием «Моя жизнь во Христе» и для ищущих веры и спасения стал истинной школой духовной жизни. Эта книга поддерживала дух семейства последнего русского Императора Николая II в Екатеринбурге перед мученической кончиной.

Вскоре «к прежним средствам моего духовного укрепления прибавилось еще одно — самое могущественное». Отец Иоанн поставил себе в неукоснительную обязанность ежедневно совершать Божественную литургию. Впрочем, эта возможность появилась не сразу. «Первые годы я не каждый день совершал литургию, — писал батюшка, — и потому часто расслабевал духовно... потом стал ежедневно причащаться».

Уроки Евангельской любви

Кронштадт, расположенный на острове Колине в Финском заливе, был не только ключевой военно-морской крепостью, защищавшей вход в северную столицу, и базой Российского военного флота, но и местом административной ссылки из Петербурга нищих, бродяг и разного рода провинившихся и пороч-

ных людей, преимущественно из мещан. В Кронштадте их скопилось великое множество. Кроме того, здесь было много чернорабочего люда, работавшего в порту, так как в то время морские суда из-за мелководья не могли доходить до Петербурга и товары с них перегружались на мелкие суда, а иностранные суда нагружались русскими товарами.

Вся эта беднота ютилась на окраинах в жалких лачугах, а то и в землянках, шаталась по улицам, попрошайничала и пьянствовала. Сближение с этой средой у молодого священника началось преимущественно через детей. Сохранился очень характерный рассказ одного ремесленника.

«Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит и на руках сынишку держит и что-то ему ласково говорит. Я было ругаться хотел, вот, мол, шлятся тут всякие. Да глаза батюшки, ласковые да серьезные, меня остановили. Стыдно стало. Опустил я глаза, а он смотрит, прямо в душу смотрит... Начал говорить. Не сумею я передать все, что он говорил. Говорил, что у меня в каморке рай, потому что там, где дети, там всегда тепло и хорошо, и о том, что этот рай не нужно менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит. И вот с тех пор я человеком стал».

Новый батюшка утешал брошенных матерей,

нянчил их детей, пока мать стирала, помогал деньгами, нередко лично покупал продукты беднякам, ходил в аптеку за лекарством, приводил в лачуги врача, вразумлял и увещевал пьяниц. Очень часто все свое жалованье раздавал нуждающимся. Когда не оставалось денег, отдавал свою рясу, сапоги, а сам босой возвращался домой.

Досаждал отец Иоанн властям и высокопоставленным гражданам хлопотами за разных несчастных. Все это в совокупности поначалу воспринималось враждебно. Приличная публика видела, как за отцом Иоанном следуют толпы бедняков, и ее возмущали подобные демонстрации. Достаточно горьких минут пришлось пережить священнику, но духом он никогда не падал.

Когда ему сообщали, что его принимают за юродивого, отвечал: «Ну что же, пусть юродивый». Жене, которая не сразу поняла праведный путь великого мужа, кронштадтский батюшка говорил: «Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно. А мы с тобой посвятим себя на служение Богу».

Не понимали столь высоких духовных подвигов и сослуживцы отца Иоанна — духовенство Андреевского собора. Стали хлопотать, чтобы жалованье священника выдавали его жене. Ходатайство было удовлетворено. Однако в 1857 году «эксцентричный» священник получил уроки Закона Божия в Кронштадтском реальном училище. Плату за них он считал уже точно своим достоянием и продолжал благотворить.

В 1862 году в Кронштадте открылась классическая гимназия, законоучительская должность была предложена получившему широкую известность в городе священнику. Он с радостью взялся за преподавание — ему предоставлялись самые широкие возможности руководить детьми до зрелого возраста, влиять на их нравственность, воспитывать души.

У отца Иоанна был какой-то особый благодатный дар любви к детям. Эта любовь, как заветный ключ, открывала самые недоверчивые ребячьи сердца. Он не ставил двоек, не «резал» на экзаменах, не задавал уроков, а вел в свои часы беседы с питомцами о предметах веры. Спрашивал обычно сначала тех, кто сам изъявлял желание отвечать. За такие ответы батюшка ставил пять с плюсом и награждал еще дорогими для каждого ученика словами:

— Спасибо тебе, дорогое чадо!

Его уроки ожидались, как редкое, праздничное удовольствие. Слушали своего законоучителя затаив дыхание, следя за каждым взглядом его ясных голубых глаз. Случалось, директор говорил ему о каком-нибудь ленивом или дурном мальчике, просил обратить на него особое внимание. Но, придя в класс, батюшка не находил аттестованного «неподдающегося» — настолько он оказывался при батюшке толковым и понятливым.

Наказания отец Иоанн даже в помыслах не держал, потому что и без них дела с учением шли прекрасно. Ученики считали самым великим наказанием, если любимый батюшка был чем-

нибудь недоволен. Когда случалось нечто подобное, они изо всех сил старались вызвать у него улыбку.

Каждый день вся гимназия подходила под благословение отца Иоанна, ученики старались почаще ходить к нему на исповедь. Удивительно, насколько чистосердечно они раскрывали перед ним свои души.

Бывали случаи, когда педсовет гимназии постановлял какого-либо шалуна исключить. Тогда отец Иоанн являлся заступником перед начальством, просил не подвергать провинившегося такому строгому наказанию, брал на поруки и принимался терпеливо исправлять его. Проходило время, и из ребенка, не подававшего никаких надежд, выходил дельный, честный, полезный член общества.

Но батюшка отнюдь не был «добреньким» и не потворствовал всем плохим ученикам. Он прощал до тех пор, пока можно было прощать. Если же дальнейшее пребывание ученика в гимназии было не только бесполезным, но даже вредным для других, то он твердо и решительно подавал голос за увольнение непокорного.

«Что делать с совершенно худыми учениками? — вопрошал отец Иоанн в одном из своих поучений. — Для блага всего сада, всего заведения их надо обрывать со здорового тела да вон выбрасывать, чтобы не заражали других своим поведением, чтобы весь сад состоял из растений здоровых, доброцветных и доброплодных, чтобы ученики неодобрительного поведения и не безобразили собою всего заведения, и места напрасно

не занимали, и не тянули напрасно сок заведения, даром бы не ели и не пили. Достойно и праведно есть. Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь, говорит Апостол».

Дело воспитания подрастающего поколения, по убеждению отца Иоанна, дело «великое и многотрудное». В ложно направленном воспитании праведник видел семена гех плевел богоотступничества, которые могут дать и, к несчастью, дали кровавые цветы революции.

«Что мы хотим сделать из наших юношей? Всезнающих или многознающих ученых мужей? Слишком этого недостаточно, — писал отец Иоанн. — Можно и весьма много знать, как говорится, проглотить науку, быть весьма ученым человеком и в то же время, увы, быть негодным человеком и вредным членом общества. Не ученые ли, например, были французские коммунисты, олицетворявшие в себе так живо в прошлую войну адских фурий? Не на ученой ли почве зарождаются люди с духом отрицания всего святого, отрицания самого божества, божественного Откровения, чудесного, единым словом сотворенного мира и всех существ видимых и невидимых, вообще чудес и даже воскресения мертвых к жизни вечной? Не на ученой ли почве мы встречаем систематический разврат, доказывающий ненужность благословения Церкви для сожития и прикрывающийся именем гражданского брака? Не в ученых ли, наибольшей частью, головах гнездятся ложные убеждения, что храм и богослужение, даже Евангелие с его учением,

чудесами и нравственными правилами, существуют только для черни, но отнюдь не для ученых людей, у которых будто бы есть важнейшие занятия и более разумные? Горе нам, если бы из наших учебных заведений стали выходить такие ученые, с такими ложными взглядами и понятиями о таких важных предметах... Значит, нам нужно образовать не только ученых людей и полезных членов общества, но и — всего важнее и нужнее — добрых богобоязненных христиан. Это мы и стараемся делать. Будем же питомцам внушать, что все знания научные без науки подчинения властям и установленным законам и порядкам общественным не принесут им никакой пользы; что все науки имеют своим центром и исходным началом Бога и Его вечную премудрость, как души имеют своим первообразом Господа Бога, создавшего нас по образу и подобию Своему; что стихийные знания, касающиеся здешнего мира, нужны только здесь, на земле: с разрушением же стихий мира они прекратятся и за пределами гроба нашего будут не нужны; что познание веры и заповедей Божиих, уклонение от греха и добрая жизнь необходимы каждому человеку и здесь, и в будущей жизни. Будем учить их так, чтобы они любили всей душой и всем сердцем Господа и друг друга не забывали; что за пределами времени находится вечность, за пределами видимого мира — невидимый и вечный, прекраснейший здешнего, а за пределами смерти и могилы — жизнь бессмертная: после честных трудов земных, после доброй христиан-

ской жизни — вечное упокоение и блаженство на небе у Отца Небесного».

Удивительное дело, отец Иоанн не формально исповедовал эти прекрасные слова, но осуществлял их на деле.

Об этом остались многочисленные свидетельства его благодарных учеников.

«У нас было немало казенных пансионеров иногородних, которые по недостатку средств должны были оставаться вдали от родных, в стенах гимназии даже по большим праздникам. Этих-то бедняков обыкновенно выручал наш батюшка, снабжая их деньгами на дорогу домой и обратно. А кому из нас была неизвестна никогда не оскудевающая рука батюшки, которая утерла на своем веку немало слез беднякам и сирым? Еще не имея в своем распоряжении больших средств — в первые годы моего пребывания в гимназии, — он делился со всеми бедняками у себя, в Кронштадте, последним; нередко обманиваясь в людях, он, по-видимому, никогда не терял в них веры, а напротив, в нас, учениках своих, возжег яркий светильник этой самой веры, показывая нам ежедневно своим собственным примером обязанность и посильную возможность каждого христианина следовать Евангельской заповеди о любви к ближнему. Часто кто-нибудь из нас во время урока просил батюшку рассказать нам, у кого он бывает в Петербурге, зачем его туда всегда зовут, и батюшкины рассказы, сопровождаемые простыми назиданиями о необходимости и могуществе молитвы, не только нас живо интересовали, но глубоко

умиляли, оставляя добрые следы в нашем мирозерцании. Мы ежедневно могли наблюдать толпу народа, нуждавшуюся в благословении, поучении, совете или помощи от нашего батюшки; его призывали на наших глазах и в барские хоромы, и в убогую лачугу бедняка, и нас живо всегда трогали эти взаимные отношения между добрым пастырем и его паствой, для которой он оставался и останется навсегда тем же наставником и духовным отцом, каким был для нас...»

«Я помню, с какой готовностью мы посещали особенно думскую церковь и церковь в «Доме трудолюбия», где он служил чаще, чем в соборе; нередко, впрочем, некоторые из нас, направляясь утром в гимназию, заходили в собор, где отец Иоанн после утрени молился за тех, кто к нему приезжал за советом и помощью, и мы сами тогда бывали свидетелями того, какая глубокая вера в спасительность батюшкиных молитв перед Господом не только духовно поднимала этих людей, но уврачевала и физические их страдания...»

В жизни отца Иоанна был труд, труд, труд без конца. Уроки детям и юношам в гимназии; кругом — тысячи бедняков; преступное население Кронштадта: пьяницы, блудницы, нищие, безработные, а кроме того, ежедневное служение по домам и богослужение. У отца Иоанна не хватает времени для еды, сна и отдыха.

Любовь народная, слава о нем растут, но среди лишений и многих скорбей. Первые пятнадцать лет служения кронштадтского батюшки — это подвиги непрекращаемого крестоно-

пения и горьких унижений. Многое из извращенного человеческого мнения в форме доносов и жалоб на всероссийского батюшку до сих пор сокрыто в архивах епархиального управления.

«Мне, как стоявшему в послушании отца Иоанна в продолжение тридцати лет, — вспоминал епископ Серафим, — все эти факты хорошо известны. Несколько раз строгий митрополит Исидор допрашивал отца Иоанна, заставлял его служить при себе и доискивался, что есть в нем особенного, даже сектантского, как уверяли и доносили ближайшие священнослужители. К. П. Победоносцев вызвал его к себе, и первое их объяснение настолько характеризует обоих замечательных людей, что я не могу умолчать об этом. К. П. сказал: «Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите; многие так начинали, как вы, а вот чем-то вы кончите?» «Не извольте беспокоиться, — ответил батюшка в дивной своей простоте, — потрудитесь дождаться конца!» Преосвященный Феофан (будущий св. Феофан, затворник Вышенский. — Н. Г.) счел необходимым отнестись к отцу Иоанну письменно, со словами любви и наставления, и высказать, что он взялся за такую подвижническую жизнь в миру, среди житейских невзгод и соблазнов, которая неминуемо должна привести его к страшному падению или окончиться ничем, что *никто* еще со времени принятия христианства не только в России, но и на Востоке не решался на подобный путь, будучи не монахом, а священником, живя вне ограды

и устава монастырского, и непременно *это* (имелось в виду хранение девства в супружестве. — *Н. Г.*) породит величайший соблазн в духовенстве и в народе».

После 1893 года, когда вышли дневники отца Иоанна «Моя жизнь во Христе», епископ Феофан писал о батюшке одной даме из высшего света в Петербурге: «Что касается отца Иоанна Кронштадтского, то я уверен, что он поистине муж Божий. И вы не погрешите, если уверитесь в том же. Книжки его хороши. Тут светлые мысли души, живущей в Боге. Читайте их, перекрестясь».

В глубокой вере черпал отец Иоанн свои силы. По-прежнему ни минуты покоя, тот же старый дом, та же тесная квартира, что и прежде; все подарки, деньги, одежда, обувь раздаются бедным, вплоть до последних собственных сапог. Нестязательность кронштадтского батюшки поистине евангельская, правая его рука не знает, что творит левая. Он часто получал в конверте деньги и, даже не поинтересовавшись суммой, передавал их нуждающемуся. Прозорливость батюшки в подобных случаях проявлялась неоднократно. Приведем лишь несколько характерных примеров.

Подходит к отцу Иоанну просительница, умоляет дать денег. Батюшка достает из кармана нераспечатанный конверт и отдает женщине. Рядом охает благотворительница: «Батюшка, там ведь три тысячи рублей». «Ну так ей они и пригодятся», — отвечает прозорливец. И дейст-

вительно, женщина просила денежной помощи на обучение сына.

Еще одна благотворительница хотела передать отцу Иоанну сто рублей. Тот говорит ей: «Лучше встань завтра рано утром и отдай первому, кого встретишь на улице». На следующий день первым встречным оказался молодой офицер. Женщина не решилась ему отдать деньги и прошла мимо. Однако, вспомнив слова батюшки, вернулась и вручила деньги офицеру. Он был рад до слез, потому что шел в ломбард закладывать последнюю дорогую вещь для того, чтобы купить лекарство тяжелобольной жене.

Один кронштадтский лавочник рассказывал, как отец Иоанн научил его любить бедных. Батюшка имел обыкновение заходить к нему ежедневно в лавку и менять десять — пятнадцать рублей на мелочь, которую тут же раздавал нищим. Так продолжалось шесть-семь лет. И стало это лавочника тяготить. Торговля у него была необычайно бойкая, вдвое больше, чем у других хозяев, лавки которых стояли в людных местах.

Однажды, когда отец Иоанн опять зашел к нему и попросил разменять на медные деньги двадцать рублей, хозяин внутренне разозлился на батюшку. «Такая взяла меня досада, — рассказывал он. — Мелочь самим нужна, народу — хоть разорвись, а тут пересчитывай полчаса копейки на целых двадцать рублей. Я исполнил просьбу батюшки, но подумал: «Хоть бы ты убрался куда-нибудь в другую лавку со своими копейками. Надоел, право».

Отец Иоанн поблагодарил, взял мешочек с медяками и вышел. И больше в лавке не появлялся. Я на это внимания не обратил, даже доволен был... Правда, в тот день вся капуста у меня скисла и пришлось двенадцать пудов ее выбросить... Прошло около месяца... Замечаю я, что с каждым днем торговля моя идет все хуже и хуже, покупателей не только нет толпы, но частенько и никого нет. А тут, как на грех, хлеб, что ни спечешь, — мякина одна, просто выбрасывай, огурцов целая бочка пропала. Словом, через два месяца моя торговля стала неузнаваемой: точно руку кто наложил. И начал я призадумываться о причинах падения торговли: улица та же, жителей даже прибавилось по причине постройки новых домов и «Дома трудолюбия», а торговля такая, что хоть лавку закрывай! Убытки растут не по дням, а по часам.

И пошел я к приятелю посоветоваться. А он спрашивает: «Что это не видать у тебя больше отца Иоанна, что это он перестал к тебе заходить менять деньги на нищих. Не обидел ли ты его чем?»

Эти слова, точно громом, поразили лавочника, ему ясно вспомнилось последнее посещение батюшки и собственные слова, которые он мысленно адресовал отцу Иоанну.

Раскаяние охватило душу, и чуть свет лавочник был уже у батюшки, который встретил беднягу словами: «Я больше не тревожу тебя». Лавочник со слезами бросился в ноги праведнику и стал просить прощения. А отец Иоанн ласково сказал: «Встань, встань. Господь милостив, про-

стит, ты больше бедняков-то люби; ведь братья они тебе, Христос и для них пострадал на кресте... Не отворачивайся от просящего, если можешь помочь ему чем-нибудь, а то и Господь от тебя отвернется».

Отец Иоанн отслужил по просьбе лавочника молебен, а он сам начал с того дня подавать нищим. Батюшка снова стал заходить в лавку, и — о чудо! — покупатели вернулись, и торговля вскоре пошла лучше прежнего.

Превосходные качества человека всегда порождают завистников и недоброжелателей. Были они и у отца Иоанна. Его осуждали за столь щедрую благотворительность. Известно, что за год кронштадтский батюшка раздавал до 150 тысяч рублей. Рука его воистину никогда не оскудевала. Отца Иоанна обвиняли в том, что он раздает деньги без разбора, кому попало. Так казалось завистникам, поскольку они видели, как батюшка раздает деньги, не задумываясь и не спрашивая, то одному, то другому... Но мало кто из злопыхателей мог уразуметь, что в раздаче милостыни великий праведник руководствовался повелениями Духа Святого. И в действительности он давал именно тем, кто нуждался, а не тем, кто выпрашивал не на добро. Таково было свойство его прозорливости. И принимал деньги он не у всех.

Однажды к батюшке в храм явилась роскошно одетая женщина. После литургии, подходя к кресту, она протянула пастырю толстый пакет. На вопрос отца Иоанна, что в пакете, женщина ответила, что туда вложены 30 тысяч рублей,

которые она жертвует на благотворительные цели. Не касаясь пакета, священник спросил, откуда у нее такие деньги. Не следует забывать о пронизательном, понижающем до глубины души взгляде отца Иоанна. Под этим взглядом невозможно было солгать.

Женщина ответила, что жертвует от своего большого состояния, которое она нажила, промышляя пороком. Тогда батюшка сказал, что такие деньги на чистое, доброе, святое дело он взять не может. В отчаянии, всенародно раскаиваясь, женщина умоляла принять деньги, так как она давно уже бросила свое преступное ремесло проститутки. Но отец Иоанн денег этих не принял, а ей посоветовал, как поступить в этом случае. Нажитые злым путем деньги необходимо раздать все без остатка, а затем честным способом заработать хоть несколько копеек и их, как чистую лепту, можно принести в храм. «Верьте, — сказал батюшка, — что эти копейки, честным трудом заработанные, явятся жертвой, угодной Богу, вашей искупительной жертвой, которую я от вас смогу с радостью принять».

В своих проповедях отец Иоанн особенно горячо и часто говорил о милосердии и благотворении ближнему.

«Важным побуждением к милосердию должно служить то, что оно весьма полезно для самих благотворителей, оно укрепляет в них чувство человеколюбия и возвращается дающему с приращением. Бедность или неимение средств не служит отговоркой для нежелающих благотворить. Вместо большого дара принеси усердие.

Великое врачевство будет злополучному, если кто от души пожалеет о нем: несчастье сильно облегчается искренним соболезнованием».

По мере возрастания славы кронштадтского священника все больше и больше сердец разворачивалось к нему по всей стране, росло количество жертвователей, благодарных за молитвы и исцеления батюшки, за его духовные советы. По великому смирению праведника его даже не коснулась страсть к наживе и накопительству, к стяжанию денег. Как и прежде, он ложился спать без копейки в кармане, хотя на следующий день для поддержания только различных благотворительных учреждений ему требовалось более тысячи рублей. И не было случая, чтобы наступающий день обманул его. С раннего утра снова наполнялись — как в сказке — его карманы, а вместе с тем продолжали жить прежней жизнью все его благие учреждения.

Чтобы читатель имел представление о широте благотворительности отца Иоанна, приведем свидетельство епископа Евдокима, побывавшего в Кронштадте. «Личный секретарь отца Иоанна говорил, что за месяц июнь 1895 года им послано по почте разным просителям 25 тысяч рублей, а 28 августа по 192 переводам в один день более 13 тысяч. Мы смотрели этот список переводов. Он весь испещрен значительными суммами: сто, двести, триста рублей. Эти цифры представляют собой как бы уже норму, меньше которой почти не принято посылать. А сколько лично сам раздает батюшка, о чем не только никто не знает, но и он сам не знает и не может

знать! Из карманов, туго начиненных деньгами, он дает направо и налево. Известны люди, которым он давал сразу свыше тысячи рублей. Однажды я просил батюшку помочь ученикам Н-ской семинарии и через три дня получил от него триста рублей. Давал он и вполне состоятельным людям по пятьсот рублей. Почта немалые суммы ежедневно приносит отцу Иоанну, круглым счетом двести пакетов. В какие же суммы превратятся эти ежедневные двести пакетов? Люди, весьма сведущие, нам говорили, что, когда отец Иоанн еще мало выезжал из Кронштадта, доставляли ему почти миллион рублей ежегодно...

На какие только добрые начинания не откликнулся отец Иоанн! Куда и кому только не жертвовал! Его щедрая благотворительность обратила на себя внимание даже государя императора, и с высоты трона посылалась ему не раз монаршая благодарность. Жертвует отец Иоанн громадные суммы по 50 тысяч на монастыри, по тысяче на храмы. Жертвует тысячи на школы и больницы. Какое благотворительное общество не считает его своим членом? Нет епархии в целой России, в которую бы он не сделал тех или других приношений от своих щедрот. Не только в России, но и за ее пределами почти во всех государствах русские люди получали его лепту или на храмы, или на школы, или на больницы, или на дела миссии. Не только общества и церкви, находящиеся за границей, получали от него помощь, но и многое множество людей частных, проживающих вдали от родины.

Мало того, отец Иоанн жертвует не только православным христианам, но и инославным, и не только христианам, но и иноверцам. Так, недавно отец Иоанн пожертвовал значительную лепту в пользу какого-то еврейского благотворительного общества. Месяц назад он послал пожертвование татарам. При распределении пожертвований отец Иоанн руководится следующим правилом:

— У Бога нет ни эллинов, ни иудеев. У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или другое пожертвование. Потому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу.

Отец Иоанн, не говоря ни единого слова, дал однажды католикам нужную сумму для приобретения колокола со словами:

— Да славят они Бога.

Из своей консистории на запрос о колоколе католики не получали ни ответа ни приветия. Жертвует отец Иоанн православным китайцам...

Не буду приводить никаких других примеров благотворительности отца Иоанна. Да и неважно, неинтересно это. Служение отца Иоанна русскому народу заключается не в бряцании денег и не в раздавании их направо и налево, а в чем-то другом, более высоком и важном. Есть что-то в его жизни и деятельности другое, что заставляет ежедневно однообразным темпом течь к нему этот золотой поток, проноситься над его

головой этим тучам с золотым дождем. Это более важное есть обилие благодати Христа Воскресшего. На этом-то главном и должно быть сосредоточено все наше внимание. Деньги везде и всюду рядом с нами, но *беда* наша в том, что мы не умеем их привлечь к себе, не умеем расположить людей к жертве на дело святое и благое».

Необходимо знать, что отец Иоанн сумел «привлечь» деньги из того миллиона притекающих к нему на первый в стране «Дом трудолюбия» и на несколько монастырей, в частности, на любимое свое детище — Иоанновскую женскую обитель в Санкт-Петербурге.

Иоанновские миллионы

Прошло семнадцать лет пребывания отца Иоанна в священном сане и служения его страждущему человечеству. Он понимал: сколько ни раздает он денег кронштадтской бедноте, это коренным образом не меняет материального положения гольтыбы. Батюшка решил создать в городе «Дом трудолюбия», в котором безработные и праздные люди могли бы заработать себе на дневное пропитание, получить ночлег и немного денег.

В 1872 году в газете «Кронштадтский вестник» появилось воззвание отца Иоанна к своей пастве, чтобы она помогла ему осуществить эту великую идею. Удивительно, сколько терпел на-

праслины всероссийский батюшка за все свои благие дела! Его даже стали упрекать в том, что он развел нищих в Кронштадте...

Не отвечая на незаслуженные нападки, отец Иоанн сделал все возможное, чтобы нищих обратить в трудящихся и таким образом дать возможность осуществиться Евангельскому принципу: «А если бы кто, будучи здоров, не захотел работать, то из города долой: Кронштадт не рассадник тунеядства».

Вначале было слово... Оно язвило сердца горожан.

«Многим гражданам, вероятно, и не приходилось видеть полную картину кронштадтской нищеты — картину, далеко не отрадную... Вы заранее отказываетесь ее видеть, вы отворачиваете лицо! Не гнушайтесь, ведь это члены наши, ведь это братья наши, хотя и непривлекательные по наружному виду. Вот эта картина: представьте себе сырые, далеко ушедшие в землю подвалы некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие по 30, 40, 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочке. Тут старые, и взрослые, и малые дети, тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, грязи, в духоте, в наготе, часто и в голоде. Интересующийся сам может проверить истину этих слов.

Но к чему же я утомляю такой картиной воображение читателей, привыкших к изящной обстановке? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказал: «Слава Богу, что я не родился в бедности, что у меня есть капиталец и я обеспе-

чен, слава Богу, что я живу с комфортом и во всяком довольстве. Или: я свою лепту вношу в богадельню, на приют, до нищих этих мне дела нет». Нет, господа, это дело касается всех жителей города, как живущих на жалованье, так и купцов, мещан и прочих имеющих какое-либо состояние...

Не пугайтесь, господа, громадности предприятия, доброму делу поможет Бог! А где Бог, там скоро явится все как бы из ничего. Начальство города, конечно, будет этому содействовать... Ум хорошо, а два лучше; с миру по нитке — бедному рубашка; кто чем может, тем и поможет. Если городу угодно было принять к себе такое множество нищих-мещан, то он, конечно, должен взять на себя обязанность занять чем-нибудь этих праздных людей, сделать их оседлыми, иначе выйдет и вырастет неизбежно зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будут чувствовать себя в безопасности везде и всегда. Пора сделать что-нибудь решительное относительно кронштадтских мещан, или устроить для них рабочий дом, или же, как крайнюю меру, выпроводить часть их куда-нибудь в другое место...

Братья, во имя Христа и Креста возвышаю мой голос: кто еще?»

Несмотря на пламенные проповеди отца Иоанна, потребовалось около девяти лет для закладки здания, которая состоялась только в 1881 году. Наступили времена всероссийского признания кронштадтского пастыря, и тогда «живо дело закипело и поспело в полчаса». Чуть

больше, чем через год, в Кронштадте выросло просторное и прекрасно оборудованное четырехэтажное здание. Умение объединить людей — заслуга батюшки. Он не только положил почин, но и осуществлял главное руководство этим делом.

К несчастью, когда дом был уже почти готов, однажды ночью в находящихся недалеко «веселых заведений» возник пожар, скоро охвативший многие здания и приблизившийся к «Дому трудолюбия». Отец Иоанн просил полицмейстера принять предохранительные меры в районе дома, но в этом было отказано, и он сгорел.

Ценой огромных усилий «Дом трудолюбия» спустя год был восстановлен. При нем открыли храм во имя св. князя Александра Невского. Первоосновой «Дома трудолюбия», который впоследствии разросся в целый городок, были пеньковая и картузная мастерские, где в 1902 году, например, работало одновременно до 7300 человек. Выбранная сознательно специализация не требовала от работников особых знаний, а следовало только проявить добрую волю. Было очень важно без промедления помочь отвыкшим от работы людям вступить на трудовой путь и сразу же получать хоть и скромные, но честно заработанные деньги.

Для детей и подростков в «Доме трудолюбия» существовало начальное и специальное ремесленное образование. Для несовершеннолетних учреждены были следующие начинания:

бесплатная начальная школа, в которой в 1903 году обучалось 259 детей; мастерская для обучения различным ремеслам, главным образом работе по дереву (61 человек); рисовальный класс, для бедных — бесплатно (около 30 человек); мастерские женского труда — шитье, кройка, вышивка (около 50 человек); сапожная мастерская; детская библиотека почти на три тысячи томов; зоологическая коллекция; военная гимнастика.

Для взрослых в «Доме трудолюбия» организовали следующие занятия и учреждения:

воскресная школа, разбитая по степени грамотности посещающих на несколько групп (в 1897 году в ней обучалось 133 мужчины и 34 женщины, большинство моложе двадцати лет); народные чтения (лекции) — часто с волшебными фонарями, иногда с духовным пением (в 1898 году средняя посещаемость составляла 264 человека); бесплатная народная читальня (читатели-дети так набрасывались на иллюстрированные журналы, что их стали выдавать лишь под вечер и по одному на человека); платная библиотека (тридцать копеек в месяц, залог два рубля).

Попечительский совет занимался изданием брошюр, составленных из трудов отца Иоанна. При доме существовала и книжная лавка с доступными ценами.

Постепенно разросшийся городок «Дома трудолюбия» включал в себя приют для детей, главным образом сирот, и дневное убежище для

малолетних; богадельню для женщин; большой каменный ночлежный дом, построенный в 1888 году, — на 84 мужчины и 24 женщины. Плата была три копейки за ночь. Для ночлежников выписывались две газеты. У дома была своя загородная дача для детей и при ней огород.

В 1891 году произошла закладка третьего сооружения странноприимного здания. По замыслу батюшки цель этого учреждения — дать приют бедному люду во время приезда их в Кронштадт к отцу Иоанну. Основная часть мест была бесплатной, только сорок кроватей в номерах оплачивались почтенной публикой.

Домом руководил Попечительский совет, состоящий из лиц, представлявших все классы общества — от аристократа до рабочего. Между ними не существовало никакого разделения, и единомыслие царило удивительное, основанное, конечно, на великой любви людей к своему пастырю, который в основном и содержал дом своими огромными пожертвованиями.

Попечительский совет распределял пособия нуждающимся — деньгами, обувью, одеждой и другими вещами. Чтобы помогать действительно нуждающимся, о них постоянно собирались сведения. Деньги выдавались в сумме от одного до двадцати рублей. Предоставлялась бесплатная медицинская помощь, организовывались бесплатные обеды. Через бесплатную амбулаторию, например, в 1896 году прошел 2721 больной. Народная столовая, работавшая ежедневно в течение одиннадцати часов, отпускала от четырехсот до восьмисот обедов.

Несмотря на создание «Дома трудолюбия» со всеми его отделениями, нищие, казалось, со всей страны в огромном количестве продолжали с утра поджидать отца Иоанна. В ожидании милостыни они выстраивались в одну, две и даже в три шеренги перед домом батюшки или перед кронштадтским собором. Эти шеренги получили прозвище «строй отца Иоанна». Поначалу он лично обходил свой «строй», в котором собиралось порой до тысячи человек, и раздавал по рублю на двадцать нищих. Позже это стали делать доверенные лица.

Еще большее восхищение и удивление вызывает церковное строительство отца Иоанна. Он сооружал храмы Божии и целые монастыри — миллионные сооружения. Тот самый Иоанновский монастырь, где по завещанию похоронен праведник, стоил около полутора миллионов рублей. Но, как всегда, начиналось строительство буквально с нескольких рублей. И только сила молитвы и любви основателя привлекали нужные капиталы.

Идея о постройке Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге на речке Карповке появилась после того, как в 1900 году отец Иоанн отстроил в своем родном селе Суре Архангельской губернии Сурскую женскую общину.

В обширных архангельских лесах в изобилии встречались скиты раскольников - беспоповцев поморского типа. Счет им шел на сотни — а женских монастырей насчитывалось только два. Монастыри были необходимы в том краю для миссионерской деятельности и мирной борьбы с

расколом. Отец Иоанн всегда выступал с обвинением фанатиков, но без всякой тени личной вражды, причем даже оказывал нуждающимся раскольникам помощь.

Отец Иоанн начал с того, в чем более всего нуждалось православное население, — с церкви. В Суре, правда, стояли две ветхие церкви, которым было двести и триста лет. Они уже покосились, что давало беспоповцам основание для обвинения православных и повод называть храмы «кривыми». Действительно, и та и другая скорее походили на простые крестьянские избы.

Отец Иоанн обратился к своим почитателям, и вскоре на руках у него оказалось 55 500 рублей. Помимо денежной помощи, от жертвователей привозились иконы, хоругви, церковная утварь, облачения, богослужебные книги. В 1891 году храм был готов и 27 июня освящен.

Окончив первое святое дело, кронштадтский батюшка задумал осуществить и другое — построить на родине женскую общину, которая могла бы стать приютом для вдов, сирот, престарелых и безродных девиц. В 1899 году было начато строительство, а через год к приезду на родину отца Иоанна уже возвели церковь и корпус для сестер.

Устроив и освятив Сурскую женскую общину, основатель решил упрочить ее существование. Для этого было задумано построить два подворья в Архангельске и Петербурге. Постройка в Архангельске была не особо затруднительной — дешевизна земли, лесного материала и рабочих рук облегчала задачу. Что же касается

постройки подворья в Петербурге, то батюшке немало пришлось похлопотать.

Самым трудным оказалось найти удобное место для строительства в столице, поскольку земля стоила очень дорого. Но неожиданно нашелся благотворитель — купец Симеон Раменский, который пожертвовал свой участок земли в 500 квадратных сажени на доброе дело. Участок оказался очень удобным. Он находился на Аптекарском острове, на берегу реки Карповки, и хоть и был удален от шумного центра, но находился вблизи Каменноостровского проспекта, по которому ходил трамвай, связывающий с центром города.

Получив разрешение от епархиального начальства, отец Иоанн решил сначала вести дело в скромных размерах. Но сразу же явилось несколько крупных благотворителей, в том числе и талантливый архитектор Н. Н. Никонов, который очень быстро составил проект всех архитектурных работ. С той же быстротой начались сами работы. В короткий двухлетний срок появилось грандиозное сооружение, которое по обширности и красоте не уступает лучшим архитектурным памятникам столицы.

Осенью 1902 года отец Иоанн обратился к петербургскому митрополиту Антонию: «...Я нашел, что это сооружение в столице слишком художественно и обширно, чтобы ему быть подворьем... и что ему лучше быть петербургским самостоятельным женским монастырем в ведении одного митрополита Санкт-Петербургского, с тем неизменным всегда условием, чтобы третья

часть доходов обители (только не от доходов каменного пятиэтажного дома при обители) поступала ежегодно в разные сроки года в Сурскую женскую обитель и чтобы на первых порах не облагать эту новую обитель разными обязательствами и налогами, требующими больших денежных расходов». Просьба основателя монастыря была уважена, и Сурское подворье превратилось в Иоанновский женский монастырь, названный так в честь небесного покровителя отца Иоанна — св. Иоанна Рыльского.

17 декабря 1902 года состоялось торжественное освящение главного монастырского храма в честь св. Двенадцати Апостолов с приделами Казанской Божией Матери и св. Андрея Критского. К тому времени в монастыре уже жили монахини, большинство перешло из Сурской общины; тридцать бедных девиц подготовлено к монастырской жизни в Аеушинском монастыре игуменьей Таисией. В подвальном помещении храма находилась еще одна церковь, в честь пророка Илии и преподобной Феодоры, чьи имена носили родители отца Иоанна.

В январе 1909 года определением Святейшего Синода Иоанновский монастырь получил статус первоклассного. Еще при жизни батюшки его молитвами и трудами монастырь стал вполне благоустроенным и находился на полном самообеспечении. В обители проживало более 350 насельниц. В монастыре работали золотошвейная и белошвейная мастерские, типография, большая иконописная мастерская, лазарет на десять коек, просфорня с двумя печами. Перед монастырем с вос-

точной стороны был разбит небольшой сад, а с западной находился образцовый огород, с которого сестры ежегодно снимали богатый урожай, несмотря на его небольшие размеры.

Со дня основания монастыря пошел счет последним годам жизни великого праведника России, все сильнее обличал он своих соотечественников в отходе от веры, все грозней были его пророчества о судьбах России. В эти беспокойные годы отец Иоанн очень любил бывать в своей тихой обители на берегу реки Карповки, здесь он отдыхал душой...

Когда наступила предреченная батюшкой Иоанном эпоха «нечестивых правителей», монастырские здания были отобраны властями, и в 1923 году монахинь выселили. В эти трудные годы монашескую общину по-прежнему возглавляла духовная дочь отца Иоанна игуменья Ангелина, руководившая сестрами до своей смерти в 1927 году. В четырехэтажном здании монастыря размещалось более двадцати организаций. Сосуществовали театр и вычислительный центр, ДОСААФ и бомбоубежище, общежитие и райтрест столовых. Вся структура помещения была нарушена. В этом хаосе уже невозможно было почувствовать гармонии, в которой изначально возводился монастырь.

Почитаемая всей Россией усыпальница создателя была осквернена, мраморное надгробие уничтожено. Само имя Иоанна Кронштадтского находилось под запретом, на протяжении десятилетий любые сведения о нем в официальной печати сопровождались официальным же ярлыком

«реакционер и черносотенец». Но и во времена самых лютых гонений на Церковь верующие помнили отца Иоанна: переписывались и собирались рассказы о его чудесах; к стенам бывшей обители приходили богомольцы и обращались с молитвами к святому праведному Иоанну Кронштадтскому. Над окном спальни, расположенном в метре от тротуара, был начертан православный крест; его много раз смывали, и тогда кто-то сумел высечь крест в гранитном цоколе над окном. Под ним возжигали свечи и клали цветы. Благодарная любовь народная никогда не иссякала и не была посрамлена.

В 1990 году отец Иоанн был причислен к лику святых Поместным Собором Русской Православной Церкви. Его молитвенным предстательством, трудами Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в бытность его митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским здание монастыря в 1989 году было возвращено Церкви, и в нем возобновилась монашеская жизнь, первые искры которой возжег святой праведный Иоанн Кронштадтский.

«Ищите прежде Царствия Небесного»

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...» Нищие духом — это смиренные. «Смирение, что может ему противиться, какая злоба его победит, какая сила пойдет против него? Когда оставишься перед преградой и задашь себе вопрос,

как сломить ее — силой или смиренной любовью, — всегда отвечай себе: «возьму смиренной любовью», — и победишь!» — писал Иоанн Кронштадтский.

Необыкновенное, вышеестественное смирение — вот тайна личности отца Иоанна. Никогда и ничем он не возгордился, за то и была дана ему благодать преодолевать самые серьезные препятствия. Более всего он сокрушался об отсутствии в людях смирения.

Приняв сан, будучи из белого духовенства, кронштадтский батюшка любил и почитал монашество, называя его в своих дневниках «ангельским чином».

Но особенно он был внимателен, как уже, вероятно, заметил читатель, любвеобилен и жертвен по отношению к женскому монашеству. Один из обетов монашества есть обет отсечения своей воли, дабы в полноте творить волю Божию. Истинно исполняющий сей обет есть монах смиренный. На протяжении всех веков христианства святые отцы не уставали говорить, что смирение — главная добродетель не только монашества, но и мирского человека, ищущего спасения, то есть Царства Небесного.

Особая любовь отца Иоанна к монашкам есть, надо полагать, признание этой добродетели смирения именно у женщин, что, впрочем, не открытие в нашей истории. Сложилась даже целая традиция.

Все прославленные святые последних времен радели именно о возникновении и процветании женских монастырей. Так, преподобный Сера-

фим Саровский основал Дивеевскую женскую обитель, предсказав ей стать первой женской лаврой, св. Амвросий Оптинский — Шамординскую, недалеко от Оптиной пустыни, святой праведный Иоанн Кронштадтский — Иоанновский монастырь.

Последний превзошел первых. Отец Иоанн являлся благоуукрашителем и благоустроителем многих женских монастырей: Сурского в Архангельской епархии, Воронцовского в Псковской, а особенно Леушинского в Новгородской епархии. С почтенной старицей игуменьей Таисией, настоятельницей Леушинского монастыря, он переписывался в течение восемнадцати лет. Игуменья являлась тридцать пять лет духовной дочерью отца Иоанна и ничего без его благословения не предпринимала.

Леушинская обитель созидалась и устраивалась понемногу неусыпными трудами и заботами настоятельницы и сестер. Но, несмотря на все их самоотверженные труды, они часто испытывали нужду, порой не было даже хлеба насущного. Чтобы монастырь имел пусть небольшой, но постоянный доход, игуменья Таисия решилась приобрести участок земли в Петербурге, дабы поставить на нем церковь или часовню, доходы с которых поддерживали бы обитель. Заручившись благословением митрополита Исидора, она стала искать в столице подходящее место, надеясь только на помощь Божию, — денег у сестер не было.

С октября по декабрь все самые усердные поиски игуменьи оказались бесплодны: мест

много, но одно — на безлюдной улице, другое имеет неподходящее соседство, третье — не по средствам. Игуменья Таисия пожаловалась на безуспешность поисков отцу Иоанну, на что пастырь ответил: «Трудись, трудись, матушка, видно, надо еще поработать, ведь счастье прямо с неба-то не валится, надо усиленно искать. Господь не оставит — утешит».

В декабре она узнала о продаже небольшого места на Бассейной улице. Когда вошла во двор, поняла, что место самое подходящее. Хозяин земли И. Бобков просил девять тысяч. Матушка Таисия, ничего не ответив, пошла к выходу. Хозяин окликнул, мол, что же вы, ничего не сказав, уходите, смеетесь, что ли?

— До смеха ли, если у меня и девяти рублей не найдется, — ответила игуменья.

— Так зачем же вам место искать, если денег нет? — спросил хозяин.

— Место под церковь, а относительно средств я подумаю, у кого можно было бы спросить денег, — сказала матушка.

— Ну так для церкви и цена другая будет, кому ж не дорого, чтоб на месте его жительства храм Божий воздвигся, — ответил хозяин.

И Бобков запросил восемь тысяч. Игуменья попросила отсрочки на десять дней. В тот же день она пошла вечером на Балтийский вокзал, откуда отец Иоанн имел обыкновение возвращаться из Петербурга в Кронштадт.

Выслушав игуменью, место батюшка одобрил, сказал, что сам Бог послал его, и дал в благословение на почин сборов двадцать копеек, по-

желав, чтобы на них она приобрела двадцать сотен. На следующий день игуменья Таисия, отстояв литургию в Казанском соборе, пошла к знакомому купцу Д. В. Кононову, который тоже одобрил место, выдав две тысячи рублей — «двадцать сотен», по слову батюшки. После этого она стала ходить по всем знакомым благодетелям и в течение недели собрала шесть тысяч рублей, с которыми и направилась к Бобкову. Тот уступил еще триста рублей на поминовение своих родных, а оставшиеся деньги обещал подождать.

Дело происходило в конце 1891 года, а к осени 1894 года подворье было окончено и освящено. Вся стоимость подворья равнялась 87 тысячам рублей, из них значительную часть составляли жертвы отца Иоанна. Все хлопоты по строительству, украшению, обустройству подворья надорвали крепкое здоровье игуменьи, она опасно заболела. Врачи уже считали не дни, а часы ее жизни. Скорбели сестры, миряне, начальствующие лица. Отец Иоанн навещал ее ежедневно, усердно молился об исцелении и утешал болящую. Однажды, встретив у больной врача Печковскую, сказал ей: «Будем поднимать больную, она нужна еще». На что та ответила: «Разве что чудом, батюшка. Такие болезни переживают один из сотни, а матушке уже далеко за шестьдесят». Тем не менее по молитвам отца Иоанна игуменья поправилась и через полтора месяца вернулась в обитель, к общей радости.

Зная о даре отца Иоанна читать в душах людей, игуменья Таисия с радостью принимала

в свой монастырь девиц, которых он сам направлял с сопроводительными письмами.

«Достопочтенная матушка Таисия! Прими эту агницу Христову, подательницу записки, в ваше необуреваемое пристанище. Она слезно просит моего ходатайства. Протоиерей Иоанн Сергиев, ваш смиренный молитвенник».

«Матушка Таисия! Присылаю к тебе будущую монахиню для Суры, Матрону Дмитриевну Горбунову. Прими ее, как свою дочь. Протоиерей Иоанн Сергиев».

«Дорогая Матушка Игуменья Таисия! Надеюсь на твое обычное великодушие и сострадание ко всем, по возможности ищущим спасения. Прошу тебя не отринуть от твоего сердца хорошую девицу Люд. Ш. (я видел ее у Корсаковых в Питере). Извини, что я часто утруждаю тебя такими просьбами. Протоиерей Иоанн Сергиев».

Определив будущих подвижниц в Леушинский монастырь, отец Иоанн при всей своей занятости и обширности знакомств помнил своих «протеже» и как настоящий отец следил за их жизнью в обители. «Каково живут у тебя мои кронштадтские: Евдокия, Екатерина, Елена? Нет ли у них какой шероховатости?» — спрашивал, например, батюшка в письме, написанном в августе 1899 года. Он часто посещал и Сурскую, и Леушинскую обители, во все тщательно вникая и всюду поспевая, как самый лучший игумен. Из Суры шли письма в Леушино:

«Как твое, Матушка, драгоценное здоровье? Как сестры поживают и спасаются? Да будет всем вам помощь свыше. Сестры Сурские все

вам кланяются. Моему прибытию и гостьбе у них чрезвычайно рады. Был сегодня в общей трапезе: она имеет тот же порядок, что и у вас. Поют сестры хорошо, усердия к Богу и службе видно много. Слава Богу! Построек возведено довольно, и еще строится корпус вновь. Есть у нас лесопильный и кирпичный завод, мукомольная машина: видел производство — пилку, кирпичную машину и мукомолку. Все хорошо, все полезно. Дай Бог, чтобы все совершенствовалось. У тебя полагаю быть 22 или 23 июня, при содействии Божиим. До свиданья. Недостойный богомолец твой Протоиерей Кронштадтский Иоанн Сергиев».

Отца Иоанна называли «пасхальным» батюшкой. Действительно, в его присутствии всех охватывала необыкновенная духовная радость, одним только взглядом он восхищал сердца горе — от земли к небесному. Свидетельство о подобной радости оставила игуменья Таисия, обладавшая даром прекрасной рассказчицы.

«...Во время заездов его к нам в монастырь летом, на обратном пути с родины, мы получили поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней или даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины с. Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас, и мое дело было встретить его в назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, т. е. буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем,

бывало, с ним от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса. И станет батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же Имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою спрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т. п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках наперерыв спешат поднести своих деток — хоть бы ручкой коснулись их батюшка. Только и слышно: «Батюшка кормилец, родимый ты наш, красное солнышко...» А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки, тут встречают сестры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» и далее с пением провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители

ли, гости, приехавшие к нему, туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить¹.

Потом пойдет гулять по аллеям сада один или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только батюшка проходит через террасу в дом — сад пустеет, все расходятся... Если случалось, что батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики: тут же на траве разостлана большая простая скатерть, на которой стоит сотня чашек, сахар, подле стоят мешки с кренделями и баранками. Как только подъедет батюшка, сестры певчие грянут любимое батюшкино: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, затем начинается чаепитие. Батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он

¹ Подобная раздача чая из рук батюшки происходила повсеместно. Частенько он сам его и заваривал. Это не было только жестом вежливости и любви. На отце Иоанне в избытке почивала Божья благодать, которая чудесным образом передавалась через предметы, которые он раздавал, благодатный же чай пили — и выздоравливали, укреплялись духом, избавлялись от уныния и т. п.

уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида...

Батюшка очень любил цветы и вообще приходу: ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу (правую руку. — Н. Г.), создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!»

Подержит, бывало, в руке батюшка свой цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих, и сколько радости получает с этим цветочком и обладатель его! А батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из сада, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагий! Поймите — Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и улаживает нас, лакомит ягодами, фруктами — и какими разнообразными по вкусу — одни лучше других!»

Кто-то из приезжих заметил ему при этом однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура культурой, а Творец Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им: возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал, прежде всего самого себя, а затем и другие творения

Божии, пусть хоть и дерево, и плоды, все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращивать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой. Из готовой воды можно и водопады устраивать! Из готовых веществ — земли, песка, глины можно какие угодно громады возводить. А при отсутствии этих веществ что бы вы сделали? О Творче всеблагой, доколе же создание Твое не познает Тебя и не падет ниц пред величием Твоим?»...»

У отца Иоанна был не просто острый ум, но истинная мудрость, и, по словам многих, приходилось лишь удивляться, как он любой, даже самый заурядный, случай, каждое слово обращал в назидание. Но такова была его глубочайшая вера в Бога, которому он служил ежесекундно, каждое мгновение, как это делают ангелы на небесах, и в этом смысле кронштадтский батюшка был причтен к «ангельскому чину». Он достиг святости и потому своей воли никогда не творил, различая в душе гласы Божии, Его повеления. Таким-то праведникам Господь поручает высшее служение — пророческое.

«Однажды батюшка сидел углубленный в свои мысли, — вспоминает игуменья Таисия, — а я думала о нем: «Господи, что это за человек?» Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные кротости и мира глаза и говорит: «Пытай!» Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже

глядя прямо в глаза: «Я не пытаю, батюшка; могу смотреть вам в глаза прямо, потому что не фальшивлю перед вами. Но не задумываться о вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни. Вот и я часто о вас думаю, батюшка: что вы за человек и чем все это кончится?» «Ишь ты, куда заглядываешь: «чем кончится», — ответил он. — Начало и конец — милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: «по плодам их познаете их»...

...Как очевидна истина Слова Божия «ищите прежде Царствия Божия и правды его, а все остальное приложится вам!» Это я испытываю на себе с тех пор, как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвами и делами милосердия ближним и другими, я почти не имею надобности заботиться о себе, т. е. о своих внешних нуждах, меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия».

Я на это отвечала ему: «А если бы вы знали, батюшка, как приятно что-либо сделать для вас, хотя чем-нибудь послужить вам! Да и поверите ли, батюшка, что за все, что для вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

Отец Иоанн сказал: «Верю, я сам вижу на деле, да это и в порядке вещей. За все воздает нам Бог, даже за чашку холодной воды, поданную во имя Его».

А я в этом отношении часто припоминаю

слова из Евангелия: «Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника». Я знаю, что это сказано апостолам, и не в том отношении, в котором мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, т. е. к людям, всецело отдавшим себя Богу.

Отец Иоанн спросил: «А помнишь апостольское слово: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, котору!о вы оказали во имя Его, послуживши и служа святым»? Конечно, не святых, на Небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать на них безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: «Касающийся вас (т. е. избранных Божиих) есть касающийся зеницы ока Его (Божия)». Видишь, Своим «оком» называет их Господь...»

Сам отец Иоанн и был тем «оком» Божиим, человеком истинно святой жизни. Стремилась к нему те, кто понимал это. Но очень и очень многие — сами ли по себе или поверив мощной клеветнической кампании, раздутой левой прессой, — не только не считали отца Иоанна святым, но и дерзали насмехаться над ним. В таком случае часто и очень быстро наступал суровый суд Божий. Приведем лишь один пример.

«Мы жили втроем в одной комнате, — признавались студенты, — и вот наше безверие довело нас до ужасного обмана. Один из нас

решил притвориться больным, а мы должны были попросить отца Иоанна приехать к нам на квартиру и помолиться о ниспослании выздоровления болящему. Сказано — сделано. Приехал отец Иоанн и, увидев мнимобольного в кровати, сказал: «Теперь я тебе не нужен, но скоро понадоблюсь». Потом он помолился, денег с нас не взял и уехал. Мнимый больной хочет встать с кровати, но не может. Его приковала к одру неведомая сила. Сначала мы не поверили, думали, что он йритворяется, шутит, а потом и сами струхнули не на шутку.

Прошло два-три дня. Больной не встает. Тут чувствуем, что дело плохо, вдвоем едем к отцу Иоанну и со слезами на глазах каемся ему в своем проступке. Он отпустил нас с миром домой, утешив, что друг наш здоров. И действительно, мнимобольной радостно ходил по комнате, совершенно оправившись от своей странной болезни. Этот урок сделал всех нас на всю жизнь верующими людьми».

Хранил Бог избранника Своего от многих бед, но были случаи, когда приходилось ему принимать настоящее мученичество, которое, несомненно, можно назвать мученичеством за Христа. Об одном нападении рассказывал сам батюшка. Произошло это в 1905 году, когда вышел Манифест о свободе совести, или, как его называли в народе, «о свободе жить без совести».

«Однажды, когда я служил обедню в Андреевском соборе и вышел из царских врат с Чашей со Святыми Дарами, то увидел студента, кото-

рый закуривал в храме папиросу от лампы перед иконой Спасителя. Я сказал ему: «Что ты делаешь?» Студент, не отвечая, ударил меня по щеке, да так сильно, что Дары с Телом и Кровью Христовыми расплескались на каменный помост. Я перекрестился, подставил ему другую щеку и сказал: «Ударь еще раз». Но народ схватил студента. Камни с помоста, на которые разлилось Причастие, потом были вынуты и брошены в море». С тех пор отец Иоанн стал очень плохо слышать.

О другом садистском нападении на батюшку рассказывала духовная дочь его — домовладелица из Архангельска А. А. Анкирова.

«В Петербурге на Тимофеевской улице жила молочница Надежда, у которой я брала молоко. Муж у нее был пьяница, и она часто его за это бивала. Ей посоветовали обратиться к отцу Иоанну Кронштадтскому, что она и исполнила. Отец Иоанн исцелил ее мужа от пьянства. Она так обрадовалась, что сдала свое хозяйство мужу и всей душой стала служить дорогому батюшке и часто сопровождала его в карете к больным. Однажды ее упростили богатые люди привезти батюшку к тяжелобольному. Надежда стала просить батюшку поехать, но батюшка ответил: «На заклятие меня повезешь?» Надежда испугалась этих слов, но ничего не поняла.

В карете были еще две женщины, которые оберегали батюшку. В дороге он два раза повторил: «На заклятие меня везете», а потом прибавил: «Господи, да будет воля Твоя».

Приехали они в очень богатый дом, в столовой был сервирован стол и стояли всевозможные закуски. Батюшка спрашивает: «Где больной?» Ему показывают на комнату рядом и приглашают войти, а когда сопровождающие женщины захотели пойти вместе с ним, их быстро отстранили, и щелкнул замок. Женщины забеспокоились. За дверью слышалась возня. Женщины начали стучать в дверь, а Надежда побежала за кучером, который был богатырской силы. Кучер вбежал в комнату и изо всей силы плечом ударил в дверь и сломал замок. Представилась ужасная картина: батюшка лежал поперек кровати, на нем были подушки, а на них сидели три изувера, на полу кровь. Кучер сбросил изуверов, взял на руки батюшку и отнес в карету. Женщины обливались слезами и просили у батюшки прощения, потому что не знали, что повезли его к изуверам. Они порезали батюшке в паху. Когда батюшка пришел в себя, то строго запретил кому-либо говорить об этом, чтобы не было погромов. На другой день в газетах появилось объявление, что батюшка болен».

С тех пор отец Иоанн стал хворать, окончательно не поправился и тяжело страдал до самой смерти.

После пресловутого Манифеста от 17 октября 1905 года в газетах и журналах появилась пакостная писанина о царе Николае II и об отце Иоанне с несомненной целью очернить их обоих в глазах народа. Нападки на батюшку вскоре стали столь многочисленны и бесстыдны, что го-

рячие почитатели семидесятишестилетнего старца решили учредить Общество для защиты его от подобных безобразий.

Для обсуждения этого вопроса собрались известные священники, в том числе настоятель Петропавловского придворного собора отец Александр Дернов, священник Михаил Прудников (прозорливый старец и молитвенник), а также миряне. Был прочитан и одобрен проект Общества защиты отца Иоанна от всякого рода нападков. Присутствующие выбрали депутацию, которой поручили съездить к отцу Иоанну и просить его благословения на это дело. Отец Иоанн был настолько растроган этим начинанием, что прослезился и поцеловал проект устава Общества.

Однако когда представили этот проект на утверждение митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому), он не разрешил учреждать подобное Общество. Митрополит завидовал славе кронштадтского батюшки и не любил его. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что после кончины великого старца митрополит запретил служить молебны в церкви-усыпальнице отца Иоанна. Люта была смерть митрополита. У него случился удар, он лишился зрения и возможности говорить, но все слышал и понимал в течение шести дней...

Казалось, что святость отца Иоанна была доказана и всей его жизнью, и чудесами, творимыми во множестве, прозорливостью и огромным почитанием народа... Да видно, эта часть почитателей была лишь горсткой всего русского

народа православного. И случился с этим народом, подобно истории с митрополитом, апокалиптический удар, потому что не послушал народ своего пророка, перестал искать Царства Божия, забыл заветы Святой Руси.

Но прежде чем мы коснемся грозных пророчеств кронштадтского праведника о России, убедимся, что чудеса его и прозорливость засвидетельствованы многими и многими спасенными им от духовной и физической смерти, от уныния и отчаяния, от безысходности, порока и опрометчивого шага.

Духовные таинства

Бессребреник и целитель

В середине восьмидесятых годов прошлого века в газетах стали появляться заметки об отце Иоанне, об исцелениях им сотен больных, совершенных посредством молитвы и простого наложения рук. Сообщалось также о чудесном свойстве проповедника видеть и ощущать события, происходящие в сотнях верст от него, а также о его даре проникать мыслью сквозь завесу грядущего.

В 1887 году жена артиста императорских театров М. П. Правдина была серьезно больна, ей угрожала смерть. Ей посоветовали обратиться к отцу Иоанну Кронштадтскому. Ему отправили телеграмму с оплаченным ответом. Через несколько дней был получен ответ: «Вчера помогил за вас». И действительно, больной стало лучше. По этому поводу отец Правдина, лютеранин, немец, сказал: «Самый лучший доктор в

России — отец Иоанн Кронштадтский: помога-ет и ни копейки не берет».

Генерал-лейтенант И. К. фон Бурзи, комендант Бобруйской крепости, в 1894 году тяжело заболел. Врачи предупредили семью, что, если случится третий удар, он будет смертельным. Осмотрев больного, они признали его положение безнадежным. Маленькая дочь, которая слышала в семье рассказы про исцеления отцом Иоанном больных, без ведома старших отправила в Кронштадт телеграмму следующего содержания: «Помолитесь за папочку. Аня Комендантова». Комендантовой ее называли в городе. Генерал, находившийся в течение нескольких суток без сознания, пришел в себя в тот день, когда телеграмма была получена отцом Иоанном. Через некоторое время он совершенно поправился.

«На Страстной неделе 1893 года, — рассказывал Б. Н. Сергиевский, полковник генштаба, — мать моя, Анна Ивановна Сергиевская, неожиданно тяжело заболела... Жили мы в Петербурге. Отец мой, профессор университета, находился в отъезде. Домашние и прислуга растерялись совершенно. К вечеру у матери стала ослабевать деятельность сердца. Три собравшихся около больной врача предупредили об ожидающейся с минуты на минуту кончине. Горничная, Александра Ивановна Антонова, девушка из Кронштадта, глубокая почитательница отца Иоанна, вместе с кухаркой решили просить его телеграммой помолиться за больную. Телеграмма была послана в двенадцатом часу ночи. Около часу ночи больная, все слабее метавшаяся в по-

стели, вдруг резко затихла, закрыв глаза. Это продолжалось с минуту. Затем она открыла глаза и слабым голосом проговорила: «Какое блаженство...» Увидев испуганное лицо стоявшей в ногах кровати женщины-врача М. Ф. Колоколовой, лучшей своей подруги, она услышала голос одного из врачей: «Пульс, ищите пульс!» — а затем его голос: «Хорошо же блаженство!» К их общему изумлению, больной было уже несомненно лучше. Около двух часов ночи принесли телеграмму на имя горничной: «Помолился, будет здорова»... Со времени описанного случая мать стала очень религиозной.

Житель г. Гавра, г-н Куррэ, внезапно помещался и был помещен в дом умалишенных в Париже. Никакое лечение не помогало, и врачи объявили опечаленной жене, что ей придется оставить всякую надежду. Г-жа Куррэ читала во французских газетах об Иоанне Кронштадтском и в отчаянии решила обратиться к нему. Она написала письмо, в котором просила священника помолиться о ее муже. Вскоре последовал ответ за № 689 от секретаря отца Иоанна Костина. Этот ответ г-жа Куррэ принесла в редакцию «Русского парижанина» с просьбой перевести. Он гласил:

«Уведомляю вас, что батюшка преподает вам свое пастырское благословение и молит безмерную благодать Божию простереть свою милость на вас, молитесь и уповайте на милосердие Пресвятой Богородицы. Просьбу вашу батюшка исполнил и собственноручно написал больному мужу вашему письмо, которое и отправил ему

вместе с образком». Письмо отца Иоанна было передано больному. Читать по-русски он, конечно, не мог, но тем не менее в его состоянии вскоре появилось улучшение, и через месяц врачи признали возможным выпустить его из больницы. Г-н Куррэ вернулся к своим обычным занятиям. Образок, присланный отцом Иоанном, он постоянно носил на груди.

В 1899 году хорунжий В. С. Евлампиев на вокзале Брест-Литовска был свидетелем следующего случая, о чем и написал в газету.

«У моих знакомых шестилетний сын был болен дифтеритом, и местные врачи признали его безнадежным. В это время родители умирающего мальчика узнали, что отец Иоанн Кронштадтский едет в поезде и прибудет на Брест-Литовский вокзал в таком-то часу. Жена сказала мужу, что пойдет на вокзал и попросит отца Иоанна помолиться о спасении жизни умирающего. Муж возражал: «Куда ты пойдешь, тебя затолкают, не пустят, я сам пойду». Жена стала его упрашивать, чтобы он взял ее с собой. Но муж не соглашался, говоря: «И вообще, чего там ходить, все равно бесполезно!» Муж так и не взял жену, пошел один. Когда подошел поезд, то я видел и слышал следующее. Отец Иоанн, выйдя из вагона, направился прямо к отцу умирающего ребенка и сказал ему: «Что же ты жену не взял с собой, ведь она тебя так просила!» Отец умирающего мальчика растерялся настолько, что не знал, как и ответить. Отец Иоанн, пожурив его немного, сказал: «Ну ничего, иди,

сын твой здоров!» И действительно, сын его выздоровел».

«В 1890 году жили мы в Шуваловском парке, в нескольких верстах от Петербурга, — рассказывал А. Шнеур, полковник. — Мне было в то время шесть лет. Как-то мы с матерью возвращались из города по железной дороге, я высунулся из окна, и горящий уголь из паровоза попал мне в правый глаз. Возникло ужасное воспаление. Профессора Беллярминов, Тихомиров и доктор Мор тщетно пытались спасти мне зрение. Я помню и теперь, как мучили меня сильными лампами прожектора, исследуя внутренность глаза. Спустя какое-то время я ослеп и на левый глаз. Решили произвести операцию. С повязкой на опухших глазах меня возили в коляске. Обычно перед завтраком отец вывозил меня к небольшому озеру перед горкой, называемой «Парнасом». Тут в густой тени он приоткрывал мне повязку, но только мутный зеленый свет видел я перед собой.

В одно из воскресений накануне операции отец, по обыкновению, повез меня туда около десяти часов утра. Там пробыли мы около часа. Затем отец двинулся к нашей даче, поправив мне повязку. В это время нам повстречалась небольшая толпа народа, и среди нее священник.

Увидев больного мальчика в повязке, священник отделился от толпы и подошел к нам. Отец мой, лютеранин, не знал, что это был отец Иоанн Кронштадтский.

— Это болящий? — спросил священник.

— Да, батюшка, — сказал отец. — Вот ви-

дите, горе-то какое, ослеп мальчик, горящий уголь в глаз попал.

— Ничего, будет здоров, — сказал священник и резко сорвал повязку с моих глаз.

Я увидел худенького небольшого священника, уходящего с толпой. Зрение мое было совершенно ясно и осталось таковым на всю жизнь.

Когда мы вернулись домой, взволнованный отец стал рассказывать матери о происшедшем. Я посмотрел в окно и увидел толпу народа во главе со священником, выходящую из сада соседней дачи.

— Мама, вот этот батюшка! — закричал я.

— Да ведь это отец Иоанн Кронштадтский, — сказала она.

Мать была верующей православной. После моего исцеления вера в отца Иоанна в нашей семье была безграничной. Отец мой в случае смерти завещал похоронить себя по православному обряду. Это еще более удивительно, потому что в нашем роду были почти все лютеране, а близкий родственник отца Беренс был даже суперинтендантом лютеранской церкви».

«Однажды я была больна воспалением брюшины после родов, — рассказывала Е. А. Ефимова, жена преподавателя в школе «Дома трудолюбия». — Тогда муж мой отправился к отцу Иоанну, который в этот день справлял день Ангела. Отец Иоанн предупредил мужа вопросом о моем здоровье. Муж рассказал о болезни. Отец Иоанн вынул розу из стоявшего на столе букета, вручил ему, приказав передать мне, и ве-

дел: «Скажи, чтобы больше не болела! Поправится, поправится!» И действительно, я поправилась».

В девяностых годах прошлого века жена начальника станции Гуты, что недалеко от Харькова, четыре дня мучилась в родах и не могла разрешиться от бремени. Она страшно, душераздирающе кричала, так что на всю округу было слышно. Случилось так, что отец Иоанн Кронштадтский проезжал мимо станции Гуты, на которой поезд стоял всего одну минуту. Начальник станции принес ему в вагон подушку больной и умолял его помолиться. Отец Иоанн перекрестил подушку. Начальник станции принес подушку домой жене, и она тотчас благополучно разрешилась от бремени.

Последние два из описанных случаев напоминают евангельское повествование из Деяний Апостолов, где говорится об апостоле Павле: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них».

Мы уже рассказывали о том, что в пору все-российской известности к отцу Иоанну приходило ежедневно до тысячи телеграмм и писем, которые конечно же он не мог физически прочесть, но тем не менее происходили исцеления больных. Батюшка каждый день служил литургию и каждый день всю эту охапку писем и телеграмм приносил в алтарь перед Престолом Божиим и дерзновенно молился: «Господи, помяни всех, заповедавших меня о них молиться!» Отец

Иоанн был целителем преимущественно безнадежно больных людей. Исцеления получали православные и инославные христиане, евреи, магометане и даже язычники в России и за границей. Способы исцелений были разнообразными: иногда он служил водосвятный молебен и окроплял больного святой водой или промывал ему глаза и другие больные места. Иногда он причащал больного Святых Тайн, иногда возлагал руки свои на его голову, иногда исцелял одним словом.

«Сколько мне приходилось видеть больных, истаявших, как воск, — говорил сам отец Иоанн, — от болезней, совершенно расслабших, погасавших, и, когда я причащал их Божественных Тайн, которых они требовали или по моему совету, или по своему сердечному влечению, они дивным образом быстро поправлялись. Так, одного старика старше восьмидесяти лет, живущего в бедности с семейством, я причащал два раза в разные времена, причащал тогда, когда он был отчаянно болен, изготовил заветование и благословил всех домашних, и он в оба раза, на второй или третий день, вставал с постели и выздоравливал.

В гимназии один ученик низшего класса три месяца был нездоров, воспалением живота, не имел аппетита и под конец весь исхудал до скелета, весьма был недалек от смерти. Я посмотрел его, советовал ему причаститься Святых Тайн, — возбудил в нем желание их. Затем вскоре пришел причастить его. Причастил, и больной стал есть, пить, быстро поправляться, в

скором времени он встал с постели и готов был идти в класс.

Еще один купеческий мальчик болел шесть недель горячкой, но лишь причастился Святых Тайн — выздоровел. Замечательно, что пораженные болезнью организмы как бы ожидают Божественных Тела и Крови и по принятии их тотчас оживотворяются и поправляются. Это только три случая, которые я сразу мог припомнить. Но свидетельствую Богом и своею священническою совестью, что случаи быстрого выздоровления больных после Причастия — неисчислимы от множества.

Как же после этого христиане боятся пригласить священника к больному, чтобы, как они думают, не испугать больного мыслью скорой смерти, и допускают его таким образом таять в своей болезни и оставаться без утешения христианского, без источника бессмертия, Святого Тела и Крови Христовой! О маловерные! Не бояться надо Святых Тайн, а желать всей душой Причастия их в самом начале болезни всякому больному и прежде всякого лекарства принимать это Божие врачевство! И самим так надо поступать, и другим советовать так же делать. Тогда болезни наши самые жестокие проходили бы очень скоро и не стали бы томить нас в постели, не стали бы нам надоедать многоразличными лекарствами, деньги на врачей и лекарство остались бы дома и могли бы быть употребляемы в пользу бедных людей и на наши необходимые нужды.

Не отвергаю я врачей и естественных средств

врачевания: нужны врачи — Господь даровал их, и врачебные пособия Господь указал. Но они должны быть употребляемы после Животворящего рудного Врачевания. Предварительно же тогда только должны употреблять лекарство, когда болезнь приключится вдруг и не терпит отлагательства во врачебной помощи».

Среди многих поучений отца Иоанна в его книге «Моя жизнь во Христе» о таинстве Причастия есть поучения, в которых он говорит, что Тело и Кровь Христовы — Причастие столь всеильны, что могут простить, исцелить и спасти даже того, кто причащается без должной подготовки. Причащаться надо чаще.

Исповедь и Причастие — эти два таинства суть очищение, омовение души и духа от скверны грехов. Поэтому откладывание этого омовения несомненно от лукавого, старающегося отвратить человека под разными благовидными и неблагоприятными предлогами от очищения от грехов и соединения через Причастие со Христом. Мудрствования тех людей (в особенности предреволюционной, обезверившейся интеллигенции), которые говорят, что часто причащаться не годится, так нельзя надлежащим образом приготовиться и привыкнешь к таинству, перестанешь его ощущать... эти мудрствования подобны тому, как если кто-нибудь говорил: «Я не могу мыться каждый день, я должен ходить в грязи, чтобы основательно подготовиться к мытью, мне будет не по себе, если я каждый день буду ходить чистым».

Отец Иоанн придавал огромное значение

предсмертному покаянию и исповеди людей. Прозорливость отца Иоанна при излечении больных простиралась до того, что он точно отвечал, будет ли человек жив. Можно привести и другие случаи, когда он предвидел совершенно нечаемую смерть.

Вот, например, рассказ генеральши М. В. Масоловой, которая окончила свои дни монахиней.

«В 1889 году к отцу Иоанну приехал А. Н. Юрьев, человек из высшего общества, бывший лицеист, и просил помолиться об исцелении его сына, семилетнего мальчика, больного костным туберкулезом. Но отец Иоанн, как бы не слыша его просьбы, стал расспрашивать его самого о его жизни, спросил, давно ли он причащался, и, узнав, что четыре месяца назад, сказал, что ему необходимо причаститься и исповедаться теперь же, завтра у обедни. Юрьев ответил, что приехал только на один день и что у него есть важные дела и он не может остаться до завтра. Но отец Иоанн стоял на своем и наконец уговорил его остаться, исповедаться и причаститься. Вернувшись домой, Юрьев скоропостижно скончался».

На встрече со священниками в г. Сарапуле, состоявшейся 21 июля 1904 года, отец Иоанн рассказал о том, как он узнал о своем чудесном даре:

«У вас, братия, мои сослужители, несомненно является вопрос в душе, как я имею дерзновение ездить по всей России, молиться за столь мно-

гих, кто просит моей молитвы. Быть может, кто-то назовет это дерзостью... Но я не решился бы, братия, на такое великое дело, если бы не был зван к тому свыше.

Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня уже и тогда была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося исполнения над болящим Его святой воли.

Но неожиданно приходит ко мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная, верующая женщина, отдавшая жизнь на служение ближним. Приходит она ко мне и настойчиво требует, чтобы я молился о болящем не иначе, как о выздоровлении. Помню, я тогда почти испугался. «Как я могу, — думал я, — иметь такое дерзновение!» Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем.

Тогда я исповедовал пред Богом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию в том деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему Свою милость — он выздоровел. Я же благодарил Бога за эту милость.

В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Неотступные просьбы и уверения той старушки, наконец, победили меня, и я стал с твердым упованием и надеждой обращаться с мольбой к Богу об исцелении болящих и ослабленных душой и телом. Господь слышал

мои, хотя и недостойные, молитвы и исполнял их: больные и расслабленные исцелялись. Это меня ободрило и укрепило. Я все чаще и чаще стал обращаться к Богу по просьбе тех или других лиц, и Господь за молитвы наши общие творил и творит доселе многие дивные дела. Много чудес очевидных совершилось и ныне совершается. В этом я вижу указание Божие мне, особое послушание от Бога — молиться за всех, просящих себе милости от Бога...»

Благодатная старица

Следует хоть немного рассказать о той благочестивой старице-костромичке, Параскеве, посредничестве которой мир узнал о великом чудотворце и молитвеннике отце Иоанне Кронштадтском.

Параскева Ивановна Ковригина родилась в 1816 году в благочестивой семье крепостных князя Долгорукова. Кроме нее у родителей было еще четыре сына и дочь. Параскева стала самой младшей в семье. Не отмечена она была красотой телесной, но отличалась кротостью, смирением и молчаливостью. За добрый нрав многие искали ее руки, отчего отец, опасаясь насильного замужества за крепостного, выкупил ее на свободу. С двадцатилетнего возраста, навсегда отказавшись от замужества, Параскева стала усердно ходить по богомольям, хотя к тому времени на ее призрение остались до двадцати человек сирот-родственников. Параскева успевает

повсюду: работает в доме, принимает странников, подолгу с ними беседуя о предметах духовных, посещает святыни русские и не забывает своей приходской церкви. Множество насмешек и издевательств пришлось выслушать ей за свою набожность от окружающих, но все насмешки разбивались о невозмутимый терпеливый характер девушки.

Особенно полюбила ее Решминская обитель, в которой подвизался в то время ученик святого старца Серафима Саровского старец-иеромонах Илларион, имевший громадное влияние на душу Параскевы. Он с первого же взгляда, по дару прозорливости, усмотрел в ней стремление ко всему возвышенному и неземному, а потому стал руководить ее духовной жизнью. На своем смертном одре прозорливец Илларион изрек Параскеве свою волю — идти в Кронштадт, где живет великое светило Церкви — отец Иоанн. Старец в духе благословения и пророчества завещал служить ему.

За семнадцать лет до своей смерти Параскева Ковригина перебралась в Кронштадт, где издавна жили ее родные братья. Но не к братьям поехала она, а к тому, которого даже никогда не видела... Как, должно быть, обрадовалось ее сердце, когда она впервые увидела отца Иоанна в кронштадтском соборе за Всенощной! Параскева подошла к батюшке и попросила у него благословения, вскоре открыла душу на исповеди. После этого отец Иоанн привел ее к одной бедной женщине Е. П. Шляпниковой и просил принять Параскеву Ивановну, как родную мать.

Через некоторое время жители Кронштадта имели возможность наблюдать за тем, как Параскева Ивановна подолгу прогуливалась по улицам города с отцом Иоанном Сергеевым, всюду сопровождала его, смиренно беседовала с ним. Это было время, когда в сорокалетнем священнике народ не видел еще ничего выдающегося, кроме странных поступков, когда он отдавал последнее беднякам, посещал самых порочных, возился с нищетой в то время, как собственная жена не имела самого необходимого.

Параскева Ивановна на скромные и нескромные вопросы по поводу прогулок с пастырем твердо и просто отвечала, какого рода беседы она ведет с батюшкой, и настаивала на том, что искренне раскрывший перед ним душу на исповеди действительно внутренне обновляется. Постепенно около старицы образовался небольшой кружок людей, которые шли к ней со своими духовными язвами.

Имея цель сблизить пасомых со своим пастырем, Параскева Ивановна убедила отца Иоанна устраивать духовные беседы в достойных домах для жаждущих духовного просвещения. Поначалу на беседы собиралось немного людей, но со временем появлялись все новые и новые желающие послушать ученого священника. На беседах давались различные советы и разрешались проблемы, рассказывалось о жизни по заповедям Божиим. То, что не сразу усваивалось на беседе, разъяснялось на досуге Параскевой Ивановной, которая хорошо знала Священное Писание и учения святых отцов. Для многих

старица стала доступной, понятной, доброй и смиренной наставницей.

В 1881 году Параскева Ивановна, не довольствуясь утвердившимися в Кронштадте традиционными духовными беседами, поспешила в столицу, чтобы и там сеять доброе. Она не только рассказывала об отце Иоанне, но и знакомила многие семейства с пастырем, по молитвам которого в этих семействах водворялся мир, уничтожались супружеская неверность и семейное несогласие, происходили исцеления. Как и в Кронштадте, отец Иоанн начал опекать не дворцы и богатые дома, а обитателей Сенной, перебивавшихся с хлеба на квас. Оттуда пошла слава о чудотворце и целителе.

«Существуя с многочисленной семьей единственно торговлей, — вспоминал К. Ф. Кудрявцев, — мне при ограниченных денежных средствах неоднократно приходилось испивать горькую чашу полнейших неудач, ставящих меня в безвыходное положение. И Параскева Ивановна всегда появлялась именно в эти критические минуты, как добрый ангел, находя выход из безвыходного, единственно благодаря ее твердому упованию в Промысел Божий. Но перечислять их все в подробности было бы слишком растянуто и мелко, а главное — унижительно для памяти Ковригиной, духовное влияние и сила любви которой проявлялись в более важных событиях. При этом духовное влияние лиц высоко нравственной, благочестивой жизни на других вообще плохо поддается описанию. Надо на себе испытать это благотворное влияние...

Не менее меня обязан благим советам и наставлениям Параскевы Ивановны и мой собрат по духу и ремеслу Г. Н. Тягунов, с которым мы безоговорочно и с рвением выполняли все ее внушения и намерения, боясь поплатиться за послушание, чего, однако, не избежал Тягунов. Это было в 1883 году. Страдая вместе с женой около четырех лет ногами и прослышав про дивную силу молитв отца Иоанна, Тягунов возымел желание пригласить его к себе на квартиру. Нашлись добрые люди, которые посоветовали повидаться с Ковригиной. Она вскоре же и посетила их, одобрила намерение болящих, но предупредила, чтобы они внимательно отнеслись ко всем советам батюшки. Отец Иоанн в тот же день и приехал.

Помолившись об исцелении, побеседовав на душеспасительные темы, отец Иоанн предложил болящим приехать в Кронштадт, на что они с радостью согласились. Но каждый раз, собираясь туда, они всегда были чем-то отвлекаемы и даже порешили, что и в Петербурге есть свои священники. Все это стало известно Параскеве Ивановне. Придя к Тягуновым, она настояла, чтобы они немедленно ехали к отцу Иоанну. Каково же было их удивление и стыд, когда они, подойдя в Кронштадте к отцу Иоанну под благословение, не только не получили его, но были обличены им в своем сомнении, невнимательности к своей душе и небрежности к духовенству. Отец Иоанн читал в душах, и это заставило Тягуновых искренне покаяться в своих заблуждениях и легкомыслии. Получив прощение и настав-

ление от отца Иоанна, Тягуновы причастились Святых Тайн. Напутственные благословением, они возвратились в Петербург, исцеленные от своего недуга.

Сильное духовное влияние старица Параскева имела на всех тех, кому приходилось обращаться к ее посредничеству. Таких лиц было весьма много, и особенно женского пола, потому что женщины, стесняясь отца Иоанна, откровенней и проще могли объясняться в своих душевных тайнах с Параскевой Ивановной, которая была близка по духу с отцом Иоанном. Даже на людей, к которым она обращалась по частному делу, Ковригина успевала производить глубокое и неизгладимое впечатление.

Во всех ее движениях, манерах, походке было какое-то невозмутимое спокойствие и степенность, в ней не было ни малейшей тени ханжества. Старческое, благообразное и в высшей степени симпатичное лицо, именно лицо милой девственницы, но с особым отпечатком долголетних нравственно-душевных и сердечных страданий, великого горя и житейских невзгод. Взор ее выражал полную покорность и преданность воле Творца своего. Речь — самая безыскусственная, простая, но плавная, ровная, краткая. Проще говоря, это был человек не от мира сего, ангел по духу, каждое посещение которого для незакоснелой души надолго оставляло сладостное, благотворное и невыразимое во многом состояние духа.

Надо сказать, что во время знакомства моего с отцом Иоанном и старицей вся моя семья стра-

дала от различных недугов. У меня был сильный, застарелый ревматизм и чувствовалась нестерпимая боль в голове, груди и ногах. Жена была какая-то расслабленная и не имела аппетита, дочь была бледна, худая, изнурена и таяла, как свечка, с каждым днем. Истратив на врачей большие деньги, я не улучшил здоровья своей семьи. Беседа с Параскевой Ивановной укрепила во мне веру в ходатайство отца Иоанна, и она привезла его к нам на квартиру. Причем отец Иоанн, едва войдя в комнату, сказал, что день его посещения да будет и днем исцеления моей семьи. Потом отслужил молебен и, благословив нас всех, уехал. Все мы постепенно освободились от своих недугов, имея до сего дня прекрасное здоровье...

В числе получивших полное исцеление были и такие лица, болезнь которых самой медициной признавалась неизлечимой. Не менее достойно удивления избавление одной жены маляра от злого духа, которым она была одержима двенадцать лет, причем не могла стоять в церкви, неистово кричала и билась. Во время этих припадков бешенства десять человек не в силах были ее удержать. Кто и что ни говори о несуществовании будто бы ныне бесноватых, но из сказаний святых отцов известно, что все видимое воздушное пространство переполнено злыми духами, которые могут в разной степени и видах вселиться в любого. Так что если в человеке не изобилует благодать Святого Духа, то в нем непременно обитает и господствует дух злобы поднебесной, присутствие которого для имеющего очи

видеть можно встретить на каждом шагу. Так, сильный гнев, снедающая человека зависть, другие порабощающие страсти, от которых человек при всем желании не в силах избавиться, доказывают порабощение его злым духом. Именно такие болящие, а потом исцеленные привлекают к себе особое внимание, так как в этих случаях и сама воля человека совершенно бессильна, и все медицинские средства развеиваются, «яко прах пред лицом ветра». Из числа страдавших такими недугами было двое мужчин и две женщины, причем все четверо, предаваясь сильному пьянству, вели распутную жизнь, отбились от честного труда и считались совершенно погибающими. По молитвам отца Иоанна все четверо вернулись на путь истины, стали трудиться и ведут трезвый образ жизни.

Все эти исцеления и чудотворения отца Иоанна засвидетельствованы. Двигателем, ключом, путеводителем для сих несчастных, чаявших движения воды, как у Силоамской купели, была дивная старица Параскева Ивановна Ковригина. Силой своей энергии и неутомимости она двинула благородные сердца получивших исцеления и другие блага по молитвам отца Иоанна оповестить об этом весь православный мир, возложив все хлопоты по этому делу на меня с Тягуновым. Благодаря нашим хлопотам, самая популярная газета «Новое время» откликнулась первой 20 декабря 1883 года и напечатала «Благодарственное заявление» для назидания желающих и на память потомству»...

В 1885 году исполнилось тридцать лет слу-

жения отца Иоанна Сергиева в священническом сане. Эта дата не прошла незамеченной, ее отмечали уже достаточно широко. Лишь год после этого прожила почтенная старица, радуясь тому, что исполнила волю своего духовника иеромонаха Иллариона и что тот светильник веры, о котором он предсказывал, разгорался все более и более. В последние месяцы своей жизни Параскева Ивановна часто повторяла: «Как бы я хотела пожить еще два годика, чтобы видеть, как будут стекаться к отцу Иоанну Сергиеву тысячи людей и встречать его, и провожать огромными толпами...»

Отец Иоанн ежедневно навещал больную старицу, по своему обыкновению беседуя с ней о душе, о Боге, о покаянии и загробной жизни. Все остальное время Параскева Ивановна проводила в чтении и пении псалмов и богомыслии. В этом состоянии она и скончалась 24 сентября 1886 года. Погребение ее было хотя и скромное, но многочисленное и состоялось в церкви Александра Невского при «Доме трудолюбия».

Отец Иоанн сказал надгробное слово: «...Незадолго до твоей кончины ты просила меня, раба Божия Параскева, сказать слово при провождении тебя в другую жизнь, разумеется, с тем, чтобы собравшиеся тебя проводить получили назидание и утешение в самой кончине твоей. Поистине не только жизнь твоя, но и смерть твоя для всех знавших тебя весьма назидательна и поучительна. Ты своим словом и примером многих привлекла к Святой Церкви и благочестивому житию, многих научила чаще ис-

поведоваться и приобщаться Святых Тайн для укрепления в христианской жизни. И скончалась ты мирно и назидательно, с молитвой на устах и в твердом уповании на милость Божию к тебе и по смерти. Ты не боялась смерти: ты торжествующим духом встретила ее, как благовестницу Божию. Прими же от нас, как последнюю дань тебе, сии погребальные моления и пение. Да водворит Господь душу твою в селениях праведных, откуда отбегает болезнь, печаль и воздыхание. Аминь».

При жизни отца Иоанна некоторые, даже самые большие, почитатели батюшки считали унижительным упоминание рядом имен столь высокопочитаемого и ученого пастыря и чудородной, неученой старицы. Но это был суд человеческий. В духовном же смысле старица и пастырь были истинными братом и сестрой во Христе. О них обоих можно было сказать: «Добродетельный невольно привлекает на себя взоры всех... Посмотрите на самую наружность добродетельного, на его лицо. Это ангельский лик. Кротость и смирение разлиты по нему и пленяют невольно своей красотой. Обратите внимание на речь его, от нее еще больше благоухания, тут вы как бы лицом к лицу с его душой — и таете от его сладкой беседы».

«На большинстве портретов батюшки отца Иоанна не уловлена та бесконечная любовь, какая светилась в глазах этого любвеобильного и праведнейшего пастыря, то бодрое радостное настроение, какое одухотворяло это лицо, с приветливой улыбкой снисхождения, беспредельной

терпеливости и крайнего милосердия. Тот, кто имел счастье в жизни своей видеть вблизи отца Иоанна, с грустью убеждается, что почти все его портреты не передают духовной красоты его лица, его неземного благолепия. Лицо его было свежее, всегда с ярким румянцем, происходившим оттого, что отец Иоанн ежедневно, зиму и лето, во всякую погоду переезжал через море в Петербург и обратно» — так вспоминал кронштадтского прозорливца один валаамский инок.

Отец Иоанн часто снимался — этой просьбой одолевали его со всех сторон почитатели. Но не было в этом море карточек двух одинаковых — везде разное выражение лица. Действительно, выражение это менялось часто, и иногда с поразительной быстротой, особенно когда он служил в церкви. Иногда солнце, заливая потоками света землю, чудным образом играет своими золотыми лучами на зелени, цветах, деревьях, переливаясь всеми цветами радуги, нежно и поразительно разнообразно меняя тон, сгущая и ослабляя краски. Нечто подобное можно было наблюдать и в лице отца Иоанна. Оно светилось каким-то внутренним светом, который то усиливался, то ослабевал, появлялся то в глазах, то на щеках, то на всем лице.

Здесь уместно вспомнить предание Церкви о том, как некогда хотели снять изображение с живого Иисуса Христа. Несмотря ни на какие усилия, это никому не удавалось, потому что выражение лица Спасителя постоянно менялось. Говорили, что, глядя на лицо отца Иоанна, люди, может быть, впервые убеждались, как

верно Православная Церковь изображает на иконах святых — с венчиком света вокруг их лиц — сухих, изможденных постом, постоянными трудами, а более всего переживанием сердца о грехах мира.

Лицо отца Иоанна бывало лучезарно и сияло тем нетварным Светом Божества, которое обитало в нем — не образно, а вполне существенно. И чем дальше, тем яснее это становилось всякому. Внимательно изучив весь альбом фотографий, снятых на протяжении нескольких десятков лет, можно проследить историю внутренней жизни отца Иоанна, историю его духовного роста, радостей и скорбей, молитвенного устроения и смены настроений, вызываемых в нем окружающими людьми и обстоятельствами. Благодатная старица Параскева прозорливо умела читать в лице отца Иоанна, а потому верно чувствовала, что предпринять дальше для того, чтобы духовный светильник России возгорался ярче и ярче, освящая и просвещая нуждающихся и обремененных.

Тьма кромешная

Подумаем о том, что приходилось освещать всероссийскому батюшке... Внутреннее мучительное состояние души — гневной, тоскующей, унывающей, боязливой, малодушествующей — отражается на лице, которое и есть зеркало души человеческой. Таинственная кромешная тьма, о которой гово-

рится в Евангелии, овладевает душой незримо и дает о себе знать на лице человека. Каждому, наверно, приходилось видеть, как зеленеет лицо у завистливого, чернеет у развратившегося, меркнет у тоскующего, бледнеет у трусливого...

Но сущий ад на душе у опустившегося пьяницы, и лицо его становится мерзко и глумливо. Вот таких-то отверженных восстанавливал неоднократно отец Иоанн, который боролся с этим злом с первых дней своего пастырства. И на это дан был святому при жизни особый дар, который перешел с ним в вечность. Ныне праведному отцу Иоанну Кронштадтскому молятся об исцелении недуга пьянства.

— Батюшка, — в свое время говорил ему один писатель, — я всегда и в настоящее время особенно настойчиво ратую против пьянства и тех, кто спаивает народ водкой. Но находятся люди, которые негодуют на это, обвиняют меня в пристрастности, говорят, что преувеличиваю...

— Пишите, дорогой, пишите! — засверкали вдохновением глаза пастыря кронштадтского. — Больше пишите, я вас благословляю на это! Никого не слушайте и ни на кого не смотрите! Вы получите награду от Господа, если больше будете писать! Нет *зла* столь великого, нет *врага* сильнейшего, как народное пьянство. Хорошо делает ваш редактор, что восстает против этого врага Церкви, нравственности, семьи и народа от мала до велика! Ах, знаете ли, я видел доброго, хорошего семьянина, который спился и с ножом бросался на жену, чуть не зарезал ее, а

жена такая кроткая, добрая. Только вино, одно вино превратило его в зверя.

Пьянство не только есть непотребство, оно рождает массу других пороков, оно развращает целые деревни и города... Ребенок-идиот оказывается у отца, пившего запоем. Дитя, хронически больное, оказывается, было зашиблено в пьяном виде нянькой. Юноша-пьяница оказывается сыном пропойцы-отца, жестоко бившего детей во хмелю. Чахоточная мать — жертва пьяных оргий мужа. Расслабленный двадцатипятилетний «старец» — герой беспашашных кутежей. «Нищий-миллионер» — бывший мот и кутила, спустивший наследство разгулом. Надо бороться с пьянством...

В своих многочисленных проповедях отец Иоанн выступал против пьянства с чрезвычайной — даже для него — энергией.

«Никто еще не родился пьяницей, а сделался им в жизни. Конечно, часто наследственное предрасположение играет здесь роль, но корень и причина зла кроются внутри, в нас самих. Если сила веры властна настолько, чтобы поднять со смертного одра, то она имеет достаточно мощи заставить нас пить умеренно, то есть остановиться на той рюмке, после которой мы перестаем носить образ и подобие Божие, приближаемся к животному.

И еще... не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воин, который боится встречи с неприятелем. Если ты будешь бегать от водки, как от властного твоего соблазнителя, то рано или поздно попадешь к нему в лапы...»

По случаю пожара, истребившего *девятую* часть Кронштадта, отец Иоанн говорил: «Что навлекло на нас это бедствие? Грехи и беззакония наши! Ибо что ни воскресный или праздничный день, то у нас в городе пьянство, распутство, сквернословие, бесчинные драки, крики, разбои, истинный Содом и Гоморра. Зато после безумного веселья многих встретило великое горе, когда увидели они имущество свое в пламени. За грехи беззаконников пострадали и многие честные люди. Так на нас праведный Господь мгновенно посылает пламень огненный. А мы все не вразумляемся. Все продолжаем воспламенять души адским пламенем страстей. Все продолжаем с крайней неосторожностью играть огнем, этими дымящимися трубочками из бумаги и одуряющего растения и пресерьезно расхаживать с ними по улице, переулкам, чердакам и подвалам. Кстати, уже немного остается непочатых огнем мест. *Истинно*: если все питейные дома и трактирные заведения в городах в воскресные и праздничные дни будут открыты с утра до вечера и русский народ будет кошунствовать во дни святые, Богу определенные, пить и напиваться, курить и накуриваться — то немудрено, что в какое-нибудь столетие *русские сами выжгут свои города*. И сколько уже и теперь выгорело их?»

О силе влияния отца Иоанна на пьяниц лучше всего свидетельствуют следующие истории.

Приказчик Лесной биржи А. В., пивший за поем, шел по Обводному каналу недалеко от

Варшавского вокзала. Вдруг увидел, что около одного из домов собрался народ. Все говорят: «Иоанн Кронштадтский тут». Но ворота заперты, не пускают.

«Я, — рассказывал приказчик, — был совсем пьян, но захотелось мне увидеть батюшку. Стучу в ворота. «Василий, — кричу, — отвори!» Кричу вроде как наобум, неизвестно для чего, но вижу: отворяют. Впустили меня во двор. Вижу, батюшка идет к карете. Я стал у кареты, отворил ему дверцы, сам стараюсь держаться попрямее. Он взошел в карету и смотрит. А я прошу про себя, мол, батюшка, не говори вслух, какой я пьяница, не оконфузь при всех... и дрожу весь. Потом взглянул ему в глаза, а глаза-то его смотрят на меня не то гневные, но глубокие без конца, чем дальше смотришь, тем глубже... и горят таким огнем, что мне стало жутко. Я за голову схватился: не в шапке, мол, я — так страшно стало. Разгневался батюшка, видно. Потом, верно, смиростивился и говорит: «Зачем, голубчик, пьешь?» Вот с тех пор и не пью».

«Был я в Петербурге довольно крупным себрюяником, — рассказывал Петр Ермолаевич. — На тридцать втором году жизни, когда на моем попечении были четверо детей, жена и мать, стал пить запоем. До этого дела шли блестяще: имел капитал, много выгодных заказчиков, в мастерской работало до 25 подмастерьев. Пить начал в компании приятелей, приучаясь с ними просиживать целыми вечерами в трактирах. Я все больше и больше пил, все меньше занимался

в мастерской своим делом, скучал в своей семье, дома был зол и раздражителен, перестал следить за заказами. Очень быстро моя фирма потеряла репутацию аккуратной, исполнительной и добросовестной мастерской. Стали отказываться от службы лучшие подмастерья, все пошло к упадку. Из-за этого я стал вообще пить запоем. Мастерская закрылась, я стал пропивать деньги из дома, бил жену и детей. Из трактиров пришлось перейти в кабаки, где водка в два раза дешевле. За два с половиной года от достатка осталось одно воспоминание! Жене удалось как-то уехать с детьми на родину в деревню. Я сделался настоящим нищим в рубище, ночевал под забором или в лучшем случае — в ночлежке. В отвратительных трущобах я встречал таких же, как я, отверженных, голодных, оборванных забудыг, которые жили раньше не хуже меня, иной и в богатстве...

Лет пять я считался горьким пьяницей. Пробовал служить, но после первого же жалованья исчезал, пропивая его до гроша. Нередко меня встречали с подбитым глазом, трясущимися руками, однажды заподозрили в краже, но до преступления, слава Богу, дело не дошло. Я находился уже в таком состоянии, что должен был просить Бога о прекращении своей никчемной жизни.

Еще во времена своей нормальной жизни я слышал об отце Иоанне Кронштадтском. В одну из минут невольного — за отсутствием даже гроша — отрезвления я вспомнил о нем — совсем неожиданно. И у меня точно что-то упало

внутри, так стало весело, радостно на душе, чего я в своем состоянии и предположить не мог. Упал на колени, пытался молиться, но слова молитвы давно были забыты... Я решил сейчас же идти пешком в Ораниенбаум, оттуда как-нибудь пробраться в Кронштадт. Было лето, начало смеркаться. На Балтийском вокзале я решил идти пешком по шпалам. Шел бодро. Все мои мысли человека, вернее, уже почти и не человека сосредоточились на отце Иоанне, которого я никогда раньше не видел. Иногда становилось мне до отчаяния нехорошо, хотел возвращаться назад, но как будто кто мне нашептывал: «Иди».

Когда я наконец добрался до пристани, увидел приближавшегося пастыря, которого толпа, казалось, несла на своих плечах. Я увидел его ясное лицо и весь задрожал от волнения, потому что теперь в нем было все мое спасение, последняя надежда. В это время батюшка поравнялся со мной, и я вдруг упал на землю, прямо ему под ноги, зарыдал.

— Батюшка, — простонал я, когда увидел удалявшегося отца Иоанна.

Батюшка остановился и повернулся к бежавшему за ним оборванцу — это был я. Мы встретились лицом к лицу. Я ничего не мог говорить, снова упал на колени, крепко ухватился за его рясу. Потом я услышал его ласковый, но повелительный голос:

— Встань, голубчик. Пойдем на пароход...

Я вскочил как под действием электричества и, не смея поднять глаз на священника, поплелся

сзади. К отцу Иоанну до самого парохода подходили люди для благословения. Дошли до парохода, батюшка, не поворачиваясь, прошел по трапу. Я — за ним. Когда пароход отошел от пристани, ко мне вдруг подошел матрос.

— Пожалуйста в рубку, вас батюшка просит, — сказал он.

Как, думал я, войду к нему, такой грязный и оборванный, но пошел, едва передвигая ноги. Но меня что-то влекло к батюшке. Остановился на пороге каюты, на него не смотрю.

— Здравствуй, подойди ко мне... Как зовут тебя? — спросил.

— Петром...

Батюшка указал мне на место рядом с собой, и я машинально сел, хотя чувствовал, что сидеть рядом с ним просто святотатство с моей стороны.

— Расскажи же мне свое прошлое. Как дошел ты до этих лохмотьев? Пил, верно?

— Пил, батюшка, — зарыдал я.

— Ничего, ты успокойся. Помни, что любящим Бога все во благо. Если ты потерял все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерял. Плохо, конечно, дойти до этого рубища через кабак... Но кто знает, какими путями ведет Господь нас к Себе. Может, иначе ты бы никогда и не вспомнил о Боге, о славе Его, для которой мы должны жить.

Чем больше говорил батюшка, тем легче мне становилось. Он не обличал меня, но говорил, как виновен пред Богом, что забыл свою семью, перестал быть хозяином мастерской, подавал ра-

бочим дурной пример и т. д. Он говорил долго, пока пароход не пристал к пристани. Но я за это время стал другим человеком — как будто меня наградили орденом. Моя воля стала такой крепкой, что я захотел тут же сделаться другим человеком, и я уже был уверен, что я — другой, недоставало только приличного костюма. Это были величайшие минуты в моей жизни. При расставании он сказал:

— Ты найди себе ночлег где-нибудь, а завтра приходи к ранней обедне в собор. Мы помолимся с тобой, потом ты исповедуйся, причастись Святых Тайн и поезжай обратно в Петербург.

Отец Иоанн протянул мне руку, и я почувствовал, что он сунул мне какие-то бумажки, сказал:

— Возьми, это тебе пригодится. Тебе надо одеться и привести себя в порядок.

Я уже больше ничего не мог сказать, потому что батюшку окружили люди — на пароход хлынула толпа.

В руке оказалось 94 рубля — целое состояние для меня, но деньги меня не радовали... Где-то пробило два часа ночи. Улицы Кронштадта были пустынные, и я побрел искать Андреевский собор, долго искал, но все же нашел. Обширная площадь перед собором, безукоризненная чистота и мощный вид огромного, совсем нового, точно вчера открывшегося храма произвели на меня отрадное впечатление. Я поднялся по ступеням на паперть, опустился на колени и стал молиться. Не могу сказать, чтобы мне удалось

сосредоточиться на молитве, — все никак не мог забыть окружающее и свое ничтожное состояние. Было самое раннее утро, ударил колокол, к собору вереницей потянулись богомольцы. Целыми партиями шла самая разнообразная публика. Я диву дался — словно в светлое Христово Воскресение народ спешит к заутрене. Когда же кончилось богослужение, то народ не повалил, как обычно, из храма, а, наоборот, ближе столпился около амвона. Каждый чего-то ждал... У всех к батюшке было свое «дело». Увидев меня, он позвал:

— Пойдем, я тебя исповедую, а завтра за ранней обедней ты приобщись Святых Тайн.

Мы отошли к аналою. Я только и могу сказать: получил сильное душевное потрясение от исповеди, сопровождавшейся вразумлениями... В конце батюшка встал на колени рядом со мной и молился. Потом благословил меня и сказал:

— Иди с миром и постарайся не грешить, не допускай прежде всего мыслей греховных: после мыслей придут дела худые, тогда труднее бороться. Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебе не справиться со злом самому, беги к духовному отцу и проси приобщить тебя Святых Тайн. Это великое и всеильное оружие в борьбе с пьянством. Не стыдись перед священником назвать свои грехи настоящим именем и не скрывай сего в душе своей. Иначе нельзя получить прощения и силы в борьбе. Православная Церковь никому из сынов своих не отказывает в Святых Таинствах, а литургия совершается у нас ежедневно. Ступай.

На другой день я причастился, предварительно переменив свой внешний вид. В Кронштадте я купил себе белье, платье и вернулся в Петербург вполне приличным господином. Прежде всего я нанял небольшую квартирку, купил верстаки и оставшиеся тринадцать рублей отослал жене, прося ее сейчас же приехать ко мне вместе с детьми. «Я по милости Божией и по молитвам отца Иоанна Кронштадтского сделался опять человеком, — писал я жене. — Возвращайся ко мне, забудь и прости прошлое. Я твердо уверен, что Православная Церковь не будет считать меня заблудшим, погибшим сыном. С помощью Божией я надеюсь вести трудовую жизнь христианина». Я писал правду.

На второй же день по возвращении в Петербург я без труда получил работу. За аккуратное и по умеренным ценам ремесло меня быстро завалили работой, так что я в первый же месяц нанял себе подмастерьев, а через год опять имел собственную мастерскую. Через пару лет открыл собственный магазин, а недавно купил каменный дом.

Жена возвратилась ко мне и не раскаивалась в этом, детей мы определили в учебные заведения. Каждое воскресенье и праздник всей семьей ходим в церковь, каждый вечер посвящаем чтению Писания. Ни один бедняк у меня не получает отказа в помощи. Более всего я люблю жертвовать на свою приходскую церковь: позолотил ризы, покупал иконы, ремонтировал паникадила. Церковь дала мне все, пожалею ли я чего-нибудь для нее? И говорю всем: вижу, что

каждая жертва на церковь, каждая помощь бедным возвращается сторицей — в виде хороших заказов, выгодных работ, мира и спокойствия в моем доме...»

Даже представить невозможно, что перед отцом Иоанном проходили *тысячи* погибающих от пьянства мужчин и женщин. Он постоянно выслушивал их исповеди о тех ужасных драмах жизни, которые произошли только из-за пьянства. Многих — у кого была хоть капля надежды на исправление — батюшка вернул к осмысленной жизни, но повсеместное пьянство считал бичом России. Все те обличительные слова, которыми отец Иоанн взывал к совести порочных, не потеряли своей актуальности и в наше время. Хотя, возможно, обличения звучали бы теперь куда резче и настойчивей. Тьмы крошечной как будто бы уже никто не замечает...

«Братия, — взывал кронштадтский пастырь сто лет назад, — пьянство — дьявольская сеть, дьявольская отравка, ибо пьянство губит души человеческие, а вместе с душами и тела. Что такое питейные дома? Западни дьявола. В домах ставят какую-нибудь посуду с мухоморной водой для изведения мух: мухи напьются ее, опьянеют, а потом издыхают. Подобны этому и питейные дома. Вино, не в меру принятое, чело-векоубийственная вещь, а человек жаден, это его природная немощ, унаследованная от прародителей. Винопродавцы, простите мне, — не чело-векоубийцы ли вы? Как так? Очень просто. Человек, особенно простой, необразованный, да и всяк, — слаб, грешен: его легко втравить во вся-

кий порок. А содержатели питейных домов втравляют бедный народ в пьянство. Но горе тому человеку, говорит Спаситель, через которого соблазн приходит, потому что Сын Человеческий, Сын Божий пришел *«взыскать и спасти погибающих»*. Горе строящим и умножающим питейные дома, в которых люди гибнут телесно и душевно, как мухи от мухоморной жидкости, а содержатели этих домов виновны в их гибели. Если содержатели питейных домов и те, кои попускают им строить их во множестве, хотят заслужить помилование на Страшном суде Господа: да очистят немедленно питейные дома от вина и пусть обратят их в жилые дома или для других настоящих надобностей: время перестать играть вином и губить тела и души бедного народа. А вы, люди Господни, немедленно перестаньте пьянствовать и разорять себя и свои семейства. Именем Господним умоляю вас: бросьте пьянство и особенно — по воскресным, праздничным дням. Дни Господни надо святить воздержанием, молитвой и добрыми делами, а не осквернять пьянством, буйством, сквернословием и другими непотребными делами. Не растлевайте же себя пьянством, помните, что ваши тела — нерукотворенные храмы Духа Святого и, «если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы». Стало быть, и здесь подвергнет болезням и при кончине самому смрадному тлению, а в будущем веке — вечному тлению в вечном огне. Аминь».

Общая исповедь

Отец Иоанн нес на себе ярмо жизни — и не ослабел, не затосковал, не покорился суете. Именно *на это* со всей России бежала посмотреть толпа народная, алчущая правды, плачущая о грехах. Она, видя немощи свои, хотела хоть чуточку духовно обогреться около того, чья жизнь была «во Христе», который для русского народа много лет был своего рода духовным костром, к нему устремлялись презыбшие в греховной суете люди.

Несколько сот человек были духовными чадами отца Иоанна, многие из которых стали впоследствии священниками или монахами, продолжая его молитвенную практику, но не в состоянии достигнуть того горения духа, каковое бывало у Учителя во время богослужения.

«Меня поразила тогда необычайная огненная вдохновенность отца Иоанна. Он служил, весь охваченный внутренним «огнем». Такого пламенного служения я не видел ни раньше, ни после. Он был действительно как Серафим (пламенный. — Н. Г.), предстоявший Богу. Сослужившие ему священники и наш вдохновенный отец ректор Антоний Храповицкий, впоследствии митрополит, в сравнении с ним казались вялыми, безжизненными, деревянными, какими кажутся лица при вспышке магния. Лицо отца Иоанна все время обливалось слезами».

«...Он читает, как бы разговаривает с Богом, голос чистый, звучный, произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово

скороговоркой, другое протяжно. Во время чтения как бы волнуется, то наклоняется головой к самой книге, то, наконец, во время пения ирмоса преклоняет колена, закрывает лицо руками. Это горячая, искренняя молитва, льющаяся из глубины его чистой души, и есть истинная причина различных необыкновенных жестов. Кончив чтение канона, быстро входил в алтарь и падал в глубокой молитве перед престолом... начали петь стихиры... быстро — скорее выбежал, чем вышел он из алтаря на клирос, присоединился к певчим и начал петь вместе с ними. Пел, регентуя сам, опять подчеркивая отдельные слова и замедляя темп там, где это было нужно».

«Но вот он склонился к дискосу, на который положен приготовленный Агнец. Боже мой! Как ласкался отец Иоанн к этому Агнцу, как проникновенно улыбался он, смотря на него! Так только одухотворенные матери ласкают дорогих деток своих: *так* обращаются только с живыми лицами... А люди, следившие за отцом Иоанном, в это время благоговейно плакали. Они умилялись «жизнью его во Христе», они иставляли от любви к Тому, Кто ради нас был Младенцем, страдавшим в жизни и поруганным, как злодей. Тут-то за литургией, которую служил отец Иоанн, я понял, почему народ действительно любит «дорогого батюшку». На него смотрели, как на живую благодать Христову, и искали случая только прикоснуться к нему... Когда отец Иоанн молился, чувствовалось, что он именно говорит с Богом, как бы воочию Его перед собой видя. Он требовал, умаливал, упрасивал.

Словно схватился за ризу Христову, готовый не выпустить ее из рук до тех пор, пока не будет услышан. Он «вопьял», как некогда та жена Хананейская, о которой воскликнул Христос: «О жена! Велика вера твоя: будет тебе по вере твоей!» Надо было видеть отца Иоанна в алтаре за литургиею, чтобы понять, как осязательны были для него те тайны, в которые мы верим так холодно и косно...»

Кажется, приведенные воспоминания со всей очевидностью свидетельствуют о том, что отец Иоанн не просто служил, он истинно *священнодействовал*. Плодами этого была чудодейственная молитва пастыря о своих пасомых и «осязательность» таинств Церкви, которая подобно току передавалась всем присутствующим. Отец Иоанн имел необыкновенный дар мгновенно и непосредственно заражать людей своей верой. Только благодаря этому дару стало возможным то уникальное, удивительное явление, которое называется «общая исповедь отца Иоанна».

Он конечно же не отменял индивидуальной исповеди, принятой в Православной Церкви. Но как он мог исповедать до пяти тысяч человек, Великим постом стекавшихся к нему в Андреевский собор в Кронштадте! Это было невозможно физически. Духовному титану была дана особая благодать.

Редактор и издатель журнала «Кронштадтский маяк» Н. И. Большаков, близко знавший отца Иоанна и много сделавший для увековечивания памяти святого, вспоминал:

«Перед нами было море голов. Скоро на

амвон вышел отец Иоанн с книгой в руках и, обратись к тысячной толпе народа, звучным, твердым голосом приглашает предстоящих грешников и грешниц к сердечному, искреннему и нелицемерному покаянию. Толпа сплотилась еще теснее, ближе придвинулась к амвону, точно стадо заблудившихся овец, ища предстательства и защиты у своего пастыря. Началась его речь, отрывочная, звучная, полная изумительной силы, проникающая в глубину души.

— Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Спасителю нашему покаяние в грехах и потом приступить к Святым Тайнам... Приготовились ли вы к восприятию столь великого таинства? Знаете ли, что я великий несу ответ пред Престолом Всевышнего, если вы приступите, не подготовившись? Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь и Сам невидимо присутствует здесь и принимает ваше искреннее покаяние, покаяние с воплем крепким о своих согрешениях от сердца сокрушенного и смиренного. Се икона Его пред нами, я же свидетель, посредник и молитвенник за вас пред Богом... Слушайте. Буду читать покаянные молитвы, — и тотчас же начинает читать их, обратясь лицом к народу, умиленно и восторженно. — «Господи, Спаситель наш, прости рабов Твоих сих...»

При этом своей раскрытой десницей проводит над головами внизу стоящих, как бы отдельно указывая каждого милосердному Судье. Невольно дрожит сердце каждого, чувствуя, что

105

вот именно он, а не кто-либо другой должен дать отчет Богу за прожитое время, за все свои дела. Не укрыться ему теперь за другими.

В храме начинается сдержанное гудение голосов, точно рой пчел поднимается с места. Прочитав первую покаянную молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно «протолковать», и продолжает свое поучение. Говорит без тетрадки, просто безо всяких ораторских приемов, но с внутренней силой и властью.

— Братия, ах, как силен грех! Грехи — это воры, разбойники, которые постоянно обкрадывают нас. Они облакаются обыкновенно в благородные, заманчивые одежды, обольщают нас и делают бедняками пред Богом и даже врагами Его. Кто из нас без грехов? Кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не обижал друга? Кто не болгал ближнего своего?..

Какое-то особенное настроение, незримо откуда-то сходявшее в души слушателей, начало овладевать толпой. Сначала слышались то там, то здесь лишь легкие вздохи; то там, то здесь можно было наблюдать медленно катившуюся слезу по лицу умиленного слушателя. Но чем дальше шло время, тем больше можно было слышать глубоких вздохов и видеть слезы. А отец Иоанн, видя их, о них-то больше всего и напоминал в своем поучении.

И я что-то необыкновенное стал ощущать в себе. Откуда-то, из какой-то неведомой глубины души что-то начало подниматься во мне, охватывая все мое существо. Сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли доселе, по-видимому,

равнодушные, более любопытствующие люди. Но вот и они преклоняют колена и проливают слезы. И у меня растеплилось сердце черствое, огрубелое. Скатила слеза и у меня... А что творилось в это время в народе! Со всех сторон кричали:

— Батюшка, прости! Батюшка, помилуй! Все мы грешники, помолись за нас!

Море голов бушевало. Стало так шумно, что больше ничего не было слышно из речи отца Иоанна. Он властно кричал:

— Тише, тише, слушайте! — и начинает слова второй молитвы. — Ей, Владыко человеколюбче, Господи, услыши нас, молящихся Тебе... и яко многомилостив, прости им все согрешения и вечные муки избави...

С глубоким чувством и выразительностью прочитав эту молитву, отец Иоанн снова начал «толковать» ее. Он говорил о том, что в жизни нам дано очень много времени одуматься, чтобы мы поскорбели, погоревали, поплакали о душе своей. Но люди ленятся, не хотят заботиться о душе своей, не хотят бороться с грехами, которые, как разбойники, врываются в душу. Господь Бог все делает для любящих Его, а которые дерзко отталкивают десницу Божию — не желают сами себе добра, сами идут на погибель. А без Бога мы и одной секунды существовать не можем: своей жизнью, дыханием, воздухом, которым дышим, солнечным светом, пищей, питием — всем обязаны мы Христу. Мы Его неоплатные должники...

— Батюшка, батюшка, — снова отовсюду закричали люди, — прости, помолись. — Кое-где уж слышны и рыдания.

Отец Иоанн снова водворяет тишину и продолжает:

— Господь Бог страшный и праведный Судия. Он не помиловал падших ангелов, возгордившихся против Самого Бога, но осудил их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту и своими грехами прогневаем Господа и в то же время несчетно пользуемся всеми Божественными благами. Отчего же нам такое снисхождение? Бог Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного, Который принял на Себя грехи всего мира, пострадал за грехи людей, снял с людей проклятие, тяготевшее над ними со времен грехопадения первых людей и Своими крестными страданиями избавил нас от вечной муки. Это мог сделать только Сын Божий — Богочеловек. Бог Отец отдал Ему всю власть суда над людьми, Господь Иисус Христос дал власть апостолам, а те — архиереям и священникам, в том числе и мне, грешному иерею Иоанну, — разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи их, судя по тому, как люди каются. Если человек искренне кается, с сокрушением сердечным, то священник разрешает его от грехов. Наоборот, если человек кается неискренне, то священник не отпускает ему грехов, чтобы опомнился. Итак, чтобы получить прощение грехов, необходимо каяться искренне, горячо, сердечно. А у нас что за покаяние? Все мы только

верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет, корни грехов вырывать надо...

Что же такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, данный для самоосуждения, самообличения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить свою прежнюю греховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всею душой, примириться с Богом, со своей совестью. Покаяние есть твердое упование, надежда, что милосердный Господь простит все наши прегрешения. Кто не кается, тот делается врагом Церкви. Как гнилые сучки или ветки отпадают от дерева, так и грешники нераскаянные отпадают от Главы Церкви Христа. Сам Христос есть лоза виноградная, а мы веточки, питающиеся жизнью, соками этой лозы. Кто не будет питаться соками этой дивной лозы, тот непременно погибнет...

Братья и сестры, каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грехи свои? Ленились вы Богу молиться? Пьянствовали, прелюбодейничали, клятвопреступничали, богохульствовали, завидовали, хитрили, злобствовали, злословили, воровали, не повиновались старшим и властям, лукавили? Были неблагодарными, корыстолюбивыми, строптивыми? Играли в карты, зря суетились, в праздности губили время, потворствовали чужим грехам? Злорадствовали, сквернословили, были небрежными в молитве и в своих делах, отчаивались, унывали, гневались, вероломничали, может, били кого-нибудь? Не радели к чтению Евангелия и вообще

к духовным книгам, вместо этого пристрастились к чтению пустых и соблазнительных книг? Проклинали ближнего, убивали словом или делом, уничтожали зачатый плод, вы, мужчины и женщины? Свращали в секты и расколы, распространяли ложные и хульные учения и мнения, суеверия? Вертели столы, занимались спиритизмом, гипнозом, разговаривали с духами — чем особенно грешна интеллигенция... Да множество грехов у нас, всех и не перечислишь! Кайтесь, кайтесь! Кайтесь, в чем согрешили...

Напряжение достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу народа. Это можно было сравнить со стихийным пожаром. Пламя огня, охватившее внутренность здания, дает знать о себе сначала лишь незначительными огненными языками, вырывающимися изнутри то здесь, то там, и густыми облаками дыма. Потом, пробившись наружу, оно со страшной силой поднимается вверх и почти мгновенно распространяется по всему зданию, быстро перелетает на соседние дома. В эти минуты человеку остается только почти безмолвно смотреть на совершающееся пред ним.

Нечто подобное представляла собой и толпа в данный момент. Стоял страшный, невообразимый шум. Кто плакал, кто громко рыдал, кто падал на пол, кто стоял в безмолвном оцепенении. Многие вслух перед всеми исповедовали свои грехи, не стесняясь тем, что их слышали все вокруг.

— Не молимся, ругаемся, злы, ворует, — доносилось из всех частей храма.

Трогательно было смотреть в это время на отца Иоанна. Он стоял глубоко растроганный и потрясенный. Уста его шептали молитву, взор был обращен к небу. Он стоял, скрестив руки на груди, как посредник между небесным Судией и кающимися грешниками, как земной судия со-вестей человеческих. По лицу его катились крупные слезы, они капали на холодный церковный пол. Кто может изобразить его душевное состояние в эти минуты!.. Отец Иоанн плакал, соединяя свои слезы со слезами народа, как истинный пастырь стада Христова, скорбел и радовался душой за своих пасомых. А эти овцы заблудшие, увидев слезы на лице своего любимого пастыря, стыдились себя еще больше, и рыдания становились сильней: вопли, стоны и чистая река слез покаяния обильней текла к Престолу Божию, омывая в своих струях загрязненные души. Казалось, весь храм дрожал от потрясающих воплей людей,

— Кайтесь, кайтесь, — время от времени повторял отец Иоанн, обращаясь взорами к какой-нибудь определенной части храма, где начинали особенно чувствовать его взгляд. Здесь усиливались стоны и голоса кающихся...

Потом снова везде восстанавливался один ровный тон. Такое продолжалось не менее пяти минут: пастырь могуче владел всей этой массой народа и чувствовал состояние души *каждого*.

Знаком поднятой руки отец Иоанн успокаивал людей:

— Слушайте! За ваше усердие и искреннее, горячее, от сокрушенного сердца покаяние я

властью, данной мне Богом, прощаю и разрешаю ваши грехи и накрою вас епитрахилью¹, и Сам Господь благословит вас. Наклоните ваши головы...

Тысячи голов смиренно преклоняются. Отец Иоанн читает разрешительные молитвы и благословляет епитрахилью крестообразно на все четыре стороны, а на головы близстоящих налагает епитрахиль. Благочестивые люди говорили, что не однажды было видение, что конец небольшой епитрахили простирается на всех и касался голов самых крайних исповедников.

После разрешительной молитвы всем становилось как-то особенно легко, будто тяжелое бремя свалилось с души.

Затем происходит вынос Святых Тайн. «Верую, Господи, и исповедую...» — звучит молитва ко Причастию, и народ волнообразно устремляется к св. Чаше.

— Дорогой, золотой батюшка, причасти...

— Батюшка, голубчик, причасти...

— Батюшка, причасти, я больная, почки болят, умираю...

— Батюшка, нездоров я, причасти...

— Верую, батюшка: причасти!

Люди подходят умиротворенные, ласковые, благоговейные. Сколько слез я видел, стоя рядом с отцом Иоанном. У некоторых слезы

¹ Е п и т р а х и л ь (греч.) — «нашейник», одно из облачений священника, надеваемое на шею. В знак отпущения грехов священник непосредственно после исповеди накрывает епитрахилью голову исповедавшегося.

брызгали моментально, когда они подходили ко св. Чаше, как будто источник открывался.

— Целуй Чашу-то, благодари Бога, — говорил многим отец Иоанн, причащая народ...»

Причащение порой продолжалось два-три часа, особенно в Великий пост, и это при том, что выносили сразу двенадцать Чаш. И все ждали окончания этого таинства, чтобы приложиться ко кресту и выслушать напутственную проповедь отца Иоанна. Многие после подобной исповеди исцелялись духовно или физически, и если бы записывали все исцеления, то набралось множество томов описаний подобных чудес.

Об одном удивительном чуде у себя в дневнике отец Иоанн написал собственноручно:

«Замечательное видение одного мирянина в храме во имя святого апостола Андрея Первозванного (Андреевский собор в Кронштадте. — Н. Г.), именно — видение Спасителя, простирающего Божественные руки Свои и объемлющего всех предстоящих во время *общей исповеди* и разрешения грехов мною. Благодарю Господа за сие видение, за свою милость, известную, что дело общей исповеди Ему приятно и делается согласно с Его Божественною волею».

Еще раз подчеркнем тот факт, что при том даре приводить к покаянию тысячи людей отец Иоанн по прозорливости своей некоторым людям отказывал не только в благословении, но и в исповеди, даже гнал их от себя, и никакие слезы и вопли не могли поколебать его решения. Это бывало тогда, когда он видел, что проситель

пришел не с искренним сердечным раскаянием, а по суеверию или любопытству или из простой необходимости совершить «обряд». Отец Иоанн знал, что в таком случае исповедь не принесет пользы для спасения души, а вот некоторые муки и волнения, страхи отвергнутого великим праведником, скорее всего, принесут пользу. Получивший отказ, если у него имелась хоть малая искра раскаяния, не прекратит раздувать ее, будет продолжать внутреннюю борьбу с собой, вернется еще раз к отцу Иоанну, и тогда, если получит просимое, оно достигнет цели.

Известно, что одному московскому купцу «мироеду» пришлось крепко задуматься над своим образом жизни... Однажды для «успокоения совести» он решил съездить «поговорить» к отцу Иоанну, хотя продолжал всех бессовестно обирать и эксплуатировать. Отец Иоанн не только отказал в исповеди, но и наговорил много горьких истин купцу. Мольбы и заверения не помогли, он уехал, не получив Святых Даров. Спустя полгода купец снова явился и снова уехал ни с чем. Только в третий раз, когда купец приостановил свою преступную деятельность, рассчитался со всеми обиженными и сделал достаточно пожертвований, решив заниматься честным трудом, отец Иоанн ласково его одобрил, допустил до исповеди и Причастия и, благословив, отпустил домой с миром.

Побывав же хоть раз на подобной благодатной исповеди — общей или частной — у отца Иоанна, каждый человек стремился вновь и вновь вернуться к нему и снова окунуться в «ку-

пели второго крещения», как называют исповедь, а затем получить обновление духовных и физических сил, причастившись Тела и Крови Христовых.

Если пасомые так стремились к тому, что же чувствовал сам пастырь? Об этом отец Иоанн сам неоднократно писал и говорил.

«Господь, с Которым я ежедневно соединяюсь чрез святое причащение, подкрепляет меня. Иначе где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу Имени Его, во спасение ближних моих».

«Я умираю, когда не служу литургии... В нас нет истинной жизни без Источника Жизни — Иисуса Христа. Литургия есть источник истинной жизни, потому что в ней Сам Господь, Владыка жизни, преподает Самого Себя в пищу и питье верующим в Него и в избытке дает жизнь причастникам Своим, как говорит: «Ядущий Мое Тело и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную».

Духи немощи

В Евангелиях неоднократно рассказывается о том, как Иисус Христос одним Своим Словом исцелял бесноватых. Всем, наверно, памятен евангельский гадаринский бесноватый, из которого Господь изгнал «легион бесов», повелев им войти в стадо свиней, и бе-

сы потопили стадо, заставив свиней спрыгнуть с крутого обрыва в озеро. «Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и селениях. И вышли видеть происшедшее; и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся».

В Евангелии от Луки сказано: «В одной из синагог учил Он в субботу, там была женщина, восемнадцать лет имевшая *духа немощи*: она была скорчена и не могла выпрямиться. Иисус, увидев ее, подозвал и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга своего». Итак, Господь одним Словом Своим изгоняет бесов.

В церкви всегда существовали заклинательные молитвы против бесноватых. Не каждый священник — только сильнейшие из сильнейших духом — брались и доселе берутся за чтение этих молитв... Таковым несомненно являлся и отец Иоанн, которому был вверен, по существу, апостольский дар изгнания злых духов не заклинательными молитвами, а непосредственно именем Божиим.

Однажды вбежала в церковь женщина, стала кричать и бесноваться. Отец Иоанн подошел к ней, она набросилась на него, пригнула к земле и протаскала несколько шагов. Батюшка не выпускал ее, был очень бледен. Страшным голосом бесноватая стала выкрикивать: «Я уже стар... на смерть сделано, не выйду!» Наконец она стала утихать, смиряться и опять басом спросила:

«Куда велишь идти?» Батюшка победно улыбнулся и тихо-тихо проговорил: «В бездну». Тем и завершилось исцеление, которое требует не большого комментария.

По-видимому, это чудо исцеления относится к первым годам чудотворений отца Иоанна, ибо в последние годы благодать в нем была столь сильна, что бесы не осмеливались ослушаться его. На крики бесов «не выйду» отец Иоанн отвечал: «Нет выйдешь, со мною Бог», и те повиновались.

Священник Лев Матвеев в журнале «Кормчий» в № 41 от 6 октября 1901 года сообщал:

«30 августа 1901 года, по окончании литургии в только что освященном отцом Иоанном Кронштадтским Кончанском каменном храме, Суворовская комиссия, в лице ее представителей, профессоров академии и Генерального штаба, предложила духовенству и почетным гостям завтрак в местной Суворовской земской школе. Во время этого завтрака к отцу Иоанну была поднесена на руках бывшая в этот момент в бессознательном состоянии жена крестьянина Румянцевой Горки Авдотья Афанасьева, 32 лет, находящаяся в замужестве семь лет и одержимая злым духом. Отец Иоанн спросил местного настоятеля, ничего не зная про женщину:

— Она бесноватая?

После утвердительного ответа отец Иоанн приказал больной смотреть на него. Она, будучи без сознания, казалось, не слышала приказания, которое мягким и повелительным тоном было повторено несколько раз. Отец Иоанн немного

приподнял веко больной, и все присутствующие увидели ее мутный и блуждающий взгляд, постепенно прояснявшийся и устремлявшийся в лицо отцу Иоанну. После этого он велел ей встать, но принесшие больную возразили, что она стоять не может. Батюшка нервно возвысил голос:

— Оставьте ее, она будет стоять!

Больная осталась на ногах, поначалу несколько шатаясь и как бы ища равновесия, а затем совершенно твердо и уверенно.

— Перекрестись! — сказал отец Иоанн.

Глаза больной стали закрываться, чувствовалось нежелание ее повиноваться, но батюшка повелительно сказал снова:

— Перекрестись же, перекрестись! Говорю тебе — перекрестись!

С большим трудом осенила она себя крестным знамением, на лице была вялость, глаза полузакрыты.

— Открой же глаза, перекрестись еще!

Глаза больной открываются. Уверенным движением руки она начинает креститься и вдруг целует батюшку в уста. После этого отец Иоанн отходит от больной на два шага и приказывает ей подойти к нему. Первый неуверенный шаг — и глаза снова полузакрываются. Вновь приказание смотреть на батюшку и перекреститься. Больная повинуетя, глаза открываются. Взор совершенно ясен. Крестное знамение — твердое.

— Обойми меня!

Больная припадает к плечу батюшки, целует его в уста. Он молитвенно склоняется над нею.

В мертвой тишине оцепенелых зрителей ближайшим к батюшке слышится его слово: «Изыди!»

Засим отец Иоанн нервно встряхивает головой и уже громко говорит больной:

— Иди и молись Богу!

Заметив движение желавших поддержать исцеленную, отец Иоанн сказал:

— Оставьте, она сама пойдет!

Больная действительно повернулась лицом к присутствующим. Это лицо лучилось какою-то неземной радостной улыбкой. Нервное напряжение присутствующих разразилось рыданием. Всех, за каким-нибудь единичным исключением, охватило единое и общее чувство умиления. Рыдали простолюдины и плакали интеллигенты. Увлажнились глаза генерала, за несколько дней до этого случая орлиным полетом пропешедшего всю Маньчжурию, видевшего все ужасы китайской войны...»

Сам корреспондент рассказывал, что крестянка Авдотья Афанасьева лет восемь до этого случая была прихожанкой отца Льва. За все это время она ни разу не могла сознательно поцеловать святой крест или причаститься Святых Тайн. Когда ее подводили ко кресту или к Причастию, она делалась как бы мертвой. А когда измученные родные обратились к священнику с просьбой прочесть над больной закликательные молитвы, то отец Лев, несмотря на свою восемнадцатилетнюю пастырскую практику и виденные им до того многие случаи эпилепсии и кликушества, пришел в настоящий ужас от того, что

делалось с больной во время заклинательных молитв. Больная шипела по-змеиному, мяукала по-кошачьи, лаяла совершенно как собака и кричала криком различных птиц, свистела и нечеловечески кричала: «Не выйду!» Живот ее при этом вздувался, образуя непостижимо острый угол, затем больная каталась бревном по церковному полу, и верчение это останавливалось пред алтарем у амвона. Последнее особенно пугало присутствующих, всем было ясно, что некая сила владеет больной. Следует добавить, что исцеление Авдотьи Афанасьевой отцом Иоанном произошло всего за две-три минуты, свидетелями этого события стали 70 человек. Крестьянка совершенно выздоровела и 8 сентября, в местный престольный праздник, при стечении массы народа в первый раз за восемь лет сама причастилась, выслушала благодарственный молебен и после литургии подошла ко кресту.

5 августа 1907 года в Андреевском соборе был после ранней литургии исцелен мещанин города Ефремова А. В. Шмаров, подверженный беснованию с семнадцатью лет.

Бесноватого привезли в то время, когда отец Иоанн уже выходил из собора северными вратами. Увидев приближающегося священника, больной начал вырываться из рук крепко державших его четырех сильных мужчин, стал лаять и пищать каким-то противным голосом: «Пустите, опалил меня, сжег всего, выйду, выйду!»

Отец Иоанн, будто не видя и не слыша всего этого, продолжал свой путь к экипажу, благословляя присутствующих, которые слышали

дикие вопли бесноватого и осторожно говорили: «Батюшка, исцели его, он сильно страдает...» Но отец Иоанн в задумчивости продолжал свой путь, не обращая внимания на просьбы. И лишь тогда, когда все эти просьбы соединились в одну горячую общую мольбу, пронизанную верой, что исцеление, чудо возможно, старец внезапно повернулся лицом к толпе и спросил, где он. Бесноватого подвели. Лицо его было ужасно, перекоженное и застывшее одновременно. Отец Иоанн стал крестообразно дуть ему в лицо, возложил свою руку на его голову.

— Исцелит тебя Сам Господь, — твердо сказал он.

При этих словах бесноватый кричать перестал.

— Тебе говорю, сатана, выходи из него. Сам Господь повелевает тебе, — продолжал отец Иоанн.

— Не пойду, — хрипло отвечал бес.

— Тебе говорю, выходи из него сейчас же! — повелевал отец Иоанн. — Сам Господь Бог повелевает тебе сие. Я говорю — выходи! — Спустя короткое время спросил: — Как твое имя, как зовут тебя?

Бесноватый молчал. Отец Иоанн переспросил. Тогда бесноватый, глядя куда-то мимо батюшки, дико, зверообразно закричал:

— Зачем спрашиваешь? Сам знаешь, как звать. Ты изгнал меня на Леушинском подворье и теперь гонишь! Не гони меня, я еще год пробуду в нем! Не пойду...

Присутствующие оцепенели от страха, всем

было просто жутко — от близости и реальности духа злобы, пребывающего совсем рядом, в бесноватом. Наступила полная тишина, в которой слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание и вскрики бесноватого и спокойный, ровный голос.

— Батюшка, имя ему Алексей, — выкрикнул кто-то из толпы.

Но бесноватый перебил его, дико крича:

— Что говорите ему, он сам знает, сам знает!

Отец Иоанн строго взглянул на него и сказал:

— Алексей, открой глаза!

Но бесноватый как-то дико взмахнул руками, закричал.

— Ты Николай-чудотворец, Николай-чудотворец, — стал повторять беспрестанно. И в это время чем-то смрадным, зловонным пахнуло от бесноватого, который продолжал кричать: — Не пойду, не открою... Ты Николай-чудотворец! — Крики становились все тише.

— Твои слова ложны, — спокойно возразил отец Иоанн. — Открой глаза и смотри на меня.

Бесноватый как-то сразу притих, начал понемногу открывать закатывающиеся глаза и наконец посмотрел на чудотворца спокойным, ясным взглядом. Чудо свершилось. Как только люди это поняли, стали креститься, и все взоры обратились с великим умилением на старца, который в это время говорил исцеленному:

— Перекрестись, Алексей, и возблаговари Бога, Сам Господь исцелил тебя!

Батюшка прижал голову Алексея к своей груди и, обняв, дал поцеловать свой крест. Ис-

целенный же, счастливо улыбаясь, с любовью припал к груди отца Иоанна и просил:

— Дорогой батюшка, избавь меня, чтобы не вернулся он ко мне вновь, благослови причаститься мне!

— Проведите его ко мне на квартиру, — сказал отец Иоанн и добавил: — Я причащу тебя через полчаса, приходи.

Так окончилось видимое всем удивительное событие. Подобных случаев можно считать на десятки, но описаны случаи еще более удивительные, когда бесноватые исцелялись в отсутствие отца Иоанна благодаря его портретам или медальонам.

«Это было в декабре 1906 года, — написала в журнал «Кронштадтский маяк» Е. А. Матис, петербургская мещанка. — Ехала я из Кронштадта на Кавказ, сделав небольшую остановку в Ростове-на-Дону. Когда решила продолжить путешествие, пришла на Ростовский вокзал, купила билет и пошла по вагонам искать места. Наконец, оно было с трудом найдено, я села и стала дожидаться отхода поезда. В моем вагоне было человек 40. Тут мне сделал замечание один из пассажиров, что вагон откуплен пассажирами, ехавшими из Киева, и в нем посторонним сидеть нельзя. Я не обратила внимания на это замечание, и меня оставили в покое. Дело в том, что я везла с собой из Кронштадта портреты отца Иоанна Кронштадтского, освященной воды и несколько просфор, все это лежало у меня на коленях. И вдруг одна из пассажирок (как я потом узнала, это была бесно-

ватая по имени Матрена) начинает мне выговаривать:

— Зачем ты пришла сюда, уйди прочь! Ты везешь портреты отца Иоанна, святую воду и просфоры, мне очень тяжело, уйди прочь!

Я была просто ошеломлена. Женщина же начала просто кричать:

— Я убегу отсюда, мне очень тяжело от портретов отца Иоанна!

Она уже вскочила, чтобы убежать, но несколько мужчин постарались удержать ее. Однако она сделалась такой сильной, так отчаянно билась и вырывалась, что ее еле-еле сдерживали. Видя страшные мучения несчастной, я поняла, что надо делать. Развязала узел, достала портрет любимого моего батюшки Иоанна и возложила его на голову женщины. Она как-то съежилась, осунулась, закричала еще сильнее каким-то нечеловеческим голосом:

— Снимите с меня эти вериги, эту тяжесть непосильную, снимите портрет, мне тяжело, снимите, я видеть его не могу!

В вагоне наступила гробовая тишина, между криками бесноватой слышалось только ее тяжелое дыхание. Я достала освященной воды и с помощью мужчин постаралась влить ей в рот несколько глотков. Она рванулась и упала на пол вагона. С ней сделался ужасный припадок, во время которого больная не переставала кричать:

— Ох, как мне тяжело, снимите портрет, выхожу вон, не могу тут быть, меня запоили святой водой! — Она выла и визжала.

Я продолжала держать над ее головой по-

ртрёт дорогого батюшки. Припадок продолжался, смотреть на ее мучения было невыносимо. Ей делалось все хуже и хуже, скоро она впала в полное беспамятство и пролежала так с полчаса. Через некоторое время произошло истинное чудо: больная свободно встала и сказала:

— Дайте святой воды, как мне легко, отрад-но. Чувствую себя хорошо и теперь совершенно здорова.

Все в вагоне, кого я только могла видеть, начали креститься. Народу собралось на ее визги очень много: контролеры, кондукторы, пассажиры из других вагонов. Я рассказала, кто такой отец Иоанн Кронштадтский, потому что многие не знали, но теперь уверовали в его чудодейственную силу. Многие записали адрес дорогого батюшки и надеялись побывать у него со временем и увидеть его лично».

Заметим, что бесноватая исцелилась благодаря возложению на ее голову портрета еще жившего отца Иоанна. Стало быть, это уже был не просто портрет, но святая *икона*, как знамение, что Господь причислил праведника к угодникам Своим святым при его жизни. В подтверждение сего приведем еще один описанный случай. Полковник петербургской столичной полиции Густав Аполлиналиевич Шебеко, католик по вероисповеданию, серьезно заболел: глубоко в горле у него образовался нарыв. Врачи сказали, что помочь они не могут и теперь все зависит от того, куда прорвется нарыв: если наружу, то больной спасется, если же внутрь — смерть неизбежна. Больной лежал в постели и с ужасом

ждал неизбежного... Это было днем. Он задремал, и ему было видение, будто в его комнате перед кроватью на воздухе стоит икона Иоанна Кронштадтского, который тогда был жив. Пробудившись от дремоты, полковник увидел, что кровать и пол залиты гноем нарыва, прорвавшегося наружу. Он был спасен.

Приведем еще один интереснейший случай исцеления бесноватого уже после смерти отца Иоанна Кронштадтского. О нем рассказал архиепископ Феофан Полтавский, бывший духовником царской семьи.

«В 1909 году по всему Петербургу разнесся слух о том, что шестнадцатилетний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, был привезен к литургии в Иоанновском монастыре на Карповке. Здесь произошло с ним следующее. Во время Херувимской песни он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, а затем по воздуху пронесся над народом к западным вратам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного его взяли и принесли к гробнице Иоанна Кронштадтского. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему отец Иоанн, дал ему наставления, поведал его и велел ему ехать в Валаамский монастырь¹. Что именно происходило во сне, больной, проснувшись, не хотел говорить. И если бы не

¹ Подавляющая часть монашествующих Валаамского монастыря последней трети XIX — начала XX столетия состояла из благословленных на иноческий путь отцом Иоанном Кронштадтским.

отрывочные фразы, сказанные вслух во время сна: «Отец Иоанн, прости, помолись, исполни», то, возможно, все бы и скрыл. Но когда он услышал от окружающих свои слова и понял, что они знают о происшедшем, тогда все открыл.

Вот что произошло с ним. Он увидел отца Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. Отец Иоанн сказал ему: «Ты видишь меня в том виде, в каком меня никто не видел. Служи по мне панихиды, как то установлено Церковью. Но Богу угодно меня прославить. Придет время, и мне будут служить молебны». После этих слов отец Иоанн дунул крестообразно на больного, благословил его и добавил: «В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать для полного исцеления». Сказав это, скрылся. В это время окружающие больного видели, как он, сонный, грыз зубами мраморную гробницу отца Иоанна и диким голосом кричал: «Выхожу, выхожу, о великий угодник и пророк Иоанн, но не совсем». Конечно, кричал не он сам, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоровел.

В том же 1909 году Павел из Петербурга переехал в Выборг и с благословения архиепископа Финляндского поступил в послушники Валаамского монастыря и поселился в архиерейском доме в г. Сердоболе, исполняя послушания на огороде и чтеца в церкви. Так он жил до октября 1911 года. 19 октября, в день Ангела отца Иоанна и в день памяти его небесного покровителя св. Иоанна Рыльского, после Всенощной послушник Павел читал акафист Божией Матери и в это

время был восхищен душой, будучи разлучен с телом. Его духовному взору было открыто дивное видение.

Первоначально в неопишуемой славе явился отец Иоанн с преподобным Иоанном Рыльским, затем Павел Фивейский и Афанасий Афонский и множество других преподобных отцов. Все они приветствовали друг друга радостными возгласами: «Радуйся, Иоанне! Радуйся, Павле! Радуйся, Афанасие!» Наконец за ними явилась Сама Богоматерь в неизреченной славе, при появлении которой хор преподобных отцов торжественно воспел песнь «Взбранной воеводе победительная...». После этого отец Иоанн подошел к послушнику Павлу и сказал: «А теперь выйди из тела и душой последуй за нами».

Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил и последовал за преподобными. «Они мне показали, — говорил Павел, — первоначально райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных, а затем мучения грешников нераскаянных. Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию человеческим языком. Когда было все показано, отец Иоанн стал наставлять меня, как жить. Для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в мое тело и отправиться в Оптину пустынь к отцу Варсонофию, оптинскому старцу (ныне причисленному к лику местночтимых святых. — Н. Г.)».

В ноябре 1911 года послушник Павел во исполнение повеления отца Иоанна Кроннштадтско-

го ездил в Оптину пустынь к отцу Варсонофию в сопровождении иеродиакона Валаамского монастыря Варсонофия. Старец уже был предупрежден о приезде больного с провожатым, принял послушника и dokonчил все, что было поручено исполнить от отца Иоанна Кронштадтского. Он исповедал его и причастил, после чего последовало полное исцеление Павла¹.

Из записок самого Павла Ильина становится понятным, почему его постиг столь страшный недуг... Во время пребывания своего в Москве, перед самым приездом в Петербург, Павел впал

¹ Все это есть удивительное сцепление событий. Начнем с того, что еще при своей жизни отец Иоанн прозорливо предсказал полковнику Павлу Ивановичу Плиханкову (такое было мирское имя отца Варсонофия) духовную стезю. Однажды он, будучи молодым офицером, должен был повидать в Москве отца Иоанна, который как раз служил в церкви Кадетского корпуса. Плиханков зашел в алтарь, где отец Иоанн переносил Святые Дары с Престола на жертвенник. Увидев офицера, он вдруг поставил Чашу, подошел к нему и поцеловал его руку. Произошло замешательство, офицер смутился. Потом присутствующие стали говорить, что это, должно быть, означает какое-то грядущее событие его жизни, например, он станет священником. Офицер только рассмеялся: ему это и в голову никогда не приходило. Тем не менее так и случилось. Он стал не только священником, но и монахом-схимником. Далее, отец Иоанн, посмертно явившись Павлу Ильину, посылает его для полного исцеления к старцу Варсонофию, тем самым прославляя его, указывая, что ему действительно дан Богом дар чудотворений и прозорливости, что старец неоднократно уже являл, однако даже священники не все верили этому. Чудо с Павлом Ильиным произошло в Оптиной пустыни за полгода до кончины старца Варсонофия.

в тяжелую нужду. Нигде не мог найти он себе работы, все близкие и знакомые отказались от него. Безысходная, как ему казалось, нужда доводила его до уныния и отчаяния, неоднократно приходила ему мысль о самоубийстве. В одну из таких минут внезапно явился ему «таинственный старец» и сказал: «Я помогу тебе, если ты собственной кровью письменно удостоверишь, что будешь верен мне и здесь, на земле, и по смерти твоей!»

«Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя или тебе доверяться?» — спросил Павел. «Я тот самый, которого не любит и ненавидит ваша Церковь», — ответил явившийся. «Хорошо, я буду верить тебе!» — заявил ослепленный отчаянием Павел и дал требуемую подписку. «Ну а теперь ты должен сбросить со своей шеи лишнюю обузу», — сказал «таинственный старец» и указал при этом на нагрудный крест. Юноша снял крест и таким образом отрекся от Христа, предав свою душу дьяволу. За это отречение от Христа и вселился в него дьявол, и с тех пор он стал одержим духом беснования. От этого-то духа и исцелил его отец Иоанн Кронштадтский, частью непосредственно, частью через благодатного оптинского старца отца Варсонофия.

Из всего изложенного с достаточной очевидностью вытекает следующее заключение. Бесноватые или одержимые нечистыми духами существуют и в настоящее время, как некогда существовали в древние времена. Духу беснования предаются люди за нечестивую жизнь и особенно за грехи богоотречения и богохульство. Но

существуют в настоящее время, как некогда существовали в древности, и праведники, угодившие Богу, которые имеют силу и власть изгонять злых духов из одержимых ими.

Величайшим из таких чудотворцев последнего времени является отец Иоанн Кронштадтский, столетие со дня рождения которого (эта проповедь архиепископа Феофана была произнесена в Болгарии в 1929 году. — Н. Г.) будет праздноваться в настоящем году. Он настолько угодил Богу своей святой жизнью, что уже ныне числится в райских обителях в лице преподобных, наряду с Антонием Великим, Павлом Фивейским, Иоанном Рыльским. И по собственным словам отца Иоанна Кронштадтского, Богу в скором времени будет угодно прославить его на земле, как он прославлен уже на Небесах. И таким образом мы будем в скором времени иметь нового молитвенника и ходатая за нас пред Богом. А глубокопоучительное повествование об отроке Павле, помимо своего непосредственного значения, имеет глубокий символический смысл. Этот бесноватый отрок прообразует собой нашу несчастную и многострадальную Россию. И она, несчастная, как этот отрок Павел, предана духу беснования за свои грехи и за свое нечестие. Предана не по причине оставления ее Богом, а по причине особенной любви Его к ней, для спасения, ибо «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает», «да спасется дух его»...

Истинно только подобным образом можно

объяснить все происшедшее в XX веке с Россией, о чем неоднократно пророчествовал отец Иоанн. Но как сказано, нет пророка в своем Отечестве — для людей духовно слепых, он виден только духовно зрячим.

Орлиной ясностью зрения обладают святые, которых в лихую революционную годину явилось на Руси множество, несмотря на беснование почти всего российского народа. Отец Иоанн Кронштадтский был из святых XX века величайшим, канонизации которого жаждали страдалцы за веру, царя и Отечество. Вполне возможно, эти чаяния сбылись не в 1990 году, а еще в кровавых двадцатых...

А. В. Базилевская, вдова московского губернского предводителя дворянства, свидетельствовала: «Между 1920 и 1923 годами я была сестрой при храме Христа Спасителя. Духовником моим был протоиерей Хотовицкий¹, ключарь собора. Однажды отец Хотовицкий предупредил меня, что завтра патриарх Тихон будет служить в храме и совершит чин величания отца Иоанна Кронштадтского, предшествующий канонизации его. Я присутствовала при этом служении и помню, что много раз пели величание отцу Иоанну. Хотовицкий мне сказал, что патриарх Тихон решил вслед за величанием совершить ка-

¹ Протопресвитер Александр Хотовицкий (1872—1937) — новомученик российский, последний ключарь храма Христа Спасителя, ближайший сподвижник святого патриарха Тихона. Расстрелян. К лику святых причислен в 1994 году.

ионизацию отца Иоанна, то есть причисление его к лику святых».

Святой патриарх Тихон, сам прозорливец и великий молитвенник, провидел, что ходатайства пред Престолом Божиим святого Кронштадтского есть залог будущего восстановления России, освобождения ее от «духов немощи», коль скоро при жизни и бесы ему повиновались, а народ православный видел в нем русского Николая Угодника.

Архиепископ Серафим (Богучарский), будучи еще семинаристом Рязанской духовной семинарии, спросил однажды знакомых крестьян села Шатравина, слышали ли они об отце Иоанне Кронштадтском. Мужички ответили:

— Как не слышать! Слышали, да мы и портрет его держим вместе с образами во всех хатах и молимся ему.

Так же и мы теперь, спустя почти столетие, можем сказать, что и мы слышали... Но молимся ли мы ему?..

Пророк в своем Отечестве

Судьбы людские

Пророки были всегда. Но никогда не переводились и лжепророки, призванные и посланные не от Бога, которые предсказывали по собственным измышлениям, — ко вреду ближних, совращая их с пути праведного.

Служение истинного пророка состоит главным образом в *назидании, увещании и утешении*. Именно с этой целью, а также для указания или предостережения пророк предсказывает будущие события. Через него непосредственно открывается воля Божия, по Евангельскому слову: «Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святыи Божии человеки». Авторитет истинного пророка всегда был безграничен, потому что он обладал особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором

он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, душу человека, его прошлое и будущее.

Такое высокое призвание не может быть не сопряжено с высочайшим нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни и требовалась от пророка с первых времен христианства, он должен был иметь «нрав Господень»...

Именно такой нрав отличал праведного Иоанна Кронштадтского. Он действительно назидал, увещевал, утешал, предостерегал и предсказывал будущее. Случаи его прозорливого вмешательства в судьбы людей столь же многочисленны, как и поразительные исцеления.

Заметим, что все попытки усомниться, пренебречь или посмеяться над прозорливостью кронштадтского батюшки заканчивались плачевно для одних и назидательно для других. Однажды во время путешествия отца Иоанна к себе на родину один сурский крестьянин подошел к нему и сказал: «Иван, дай 25 рублей, у меня кобыла больна лежит». Кронштадтский батюшка молча вынул деньги и дал ему. Лошадь у односельчанина была здорова, но захотелось ему покутить. Вернувшись домой, крестьянин с ужасом обнаружил, что кобыла его сдохла. Раскаялся крестьянин, плакал перед батюшкой, был прощен. Потом всем рассказывал этот случай, чтобы никто не смел и дерзать шутить с «Иваном».

Некто Н., прослышав о том, что отец Иоанн бесконечно щедр к нуждающимся, отправился к батюшке просить займы 400 рублей, якобы на

лечение матери, которая на самом деле давно умерла. Отец Иоанн благословил Н., дал требуемую сумму и отпустил с миром. Получив деньги, Н. стал всем рассказывать со смехом, как ему удалось провести «прозорливца», сам же эти деньги прокутил. Прошло некоторое время, деньги понадобились вновь. Н., нисколько не смущаясь, снова отправился к батюшке просить денег, теперь уже на похороны матери. Отец Иоанн принял просителя чрезвычайно ласково, но денег не дал, сказав, что дает только на добрые дела, а не на кутежи, а людей, обманывающих его, даже не благословляет... Н. до того растерялся, смутился и усовестился, что разрыдался, упав к ногам священника. Батюшка поднял его, усадил рядом, обласкал, успокоил и, помолвившись вместе с обманщиком, отпустил его домой — другим человеком.

Полковник Крылов сообщил о случае со знакомым прокурором из Ярославля. К одному больному в этот город был приглашен отец Иоанн. Накануне приезда в близком Крылову кругу людей стали говорить об этом событии. Сидевший за картами прокурор начал кощунственно высмеивать батюшку. Тем не менее на следующий день он пошел к обедне в соборный храм, где служил отец Иоанн по приезде: многим любопытно было взглянуть на человека с громкой всероссийской славой. После обедни, когда все стали подходить ко кресту, кронштадтский батюшка слегка ударил прокурора по лбу и сказал: «А ты проходи, проходи!» — и ко кресту приложиться не допустил. Отец Иоанн про-

читал все атеистические мысли прокурора, и это произвело впечатление потрясающее, произошел полный внутренний переворот маловера.

Подобный случай на всю жизнь запомнила инспектриса Смольного института М. А. Неклюдова. Однажды в Смольный приехал отец Иоанн. Все институтки были выстроены в широком коридоре. Перед каждым классом стояла инспектриса. Проходя мимо инспектрис и классных дам, отец Иоанн благословлял их. Когда же стал приближаться к Неклюдовой, то за несколько шагов он перешел на другую сторону, точно прозрев мысли ее. Неклюдова так и не получила тогда благословения, и встретиться с батюшкой больше ей не пришлось...

Князь Г. М., занимавший видное общественное положение, тяжело заболел. Испробовали все врачебные средства, не помогло. Тогда, предчувствуя свою смерть, князь попросил родных вызвать отца Иоанна. Необходимо сказать, что и сам больной, и вся его семья были совершенно неверующими людьми, думали, мол, вдруг поможет, позвав его, ничего не теряем. Отправили телеграмму и стали ждать. Через короткое время пришел ответ, очень всех разочаровавший: «Приехать не могу: не считаю возможным принести пользы. Ждите трех часов ночи». Ровно в три ночи князь скончался.

Настоятель церкви подворья Леушинского монастыря протоиерей отец Гронский рассказывал, что однажды батюшке сказали, что его приглашают приехать к себе такие-то. На это отец Иоанн ответил: «Меня пригласили за картами,

не поеду!» Когда это передали приглашавшим, то они подтвердили, что действительно играли в карты, когда кому-то пришла в голову мысль позвать отца Иоанна.

И среди людей, близко знавших отца Иоанна, находились малoverы, которые хотя и были свидетелями многих его чудес и прозрений, однако не верили в его сверхъестественные дары. Так, дворник дома, где жил отец Иоанн, с удовольствием получал плату, иногда весьма значительную, от приезжавших почитателей батюшки только за то, что пропускал их во двор и позволял хоть взглянуть на отца Иоанна.

Скопив приличную сумму денег, дворник после смерти праведника переехал в Петербург и намеревался открыть торговлю. Когда все было готово и он получил деньги из банка, чтобы заплатить за приобретенное предприятие, Божиим попущением эти деньги по дороге у него украли. Несчастный сребролюбец с горя решил утопиться. Подойдя к морскому каналу, он осмотрелся и, увидев, что никого вокруг нет, бросился в воду с отвесной гранитной набережной. Вдруг какая-то сила выбросила его из воды, и он увидел рядом с собой отца Иоанна, который строго сказал: «Нельзя — грех» — и, как туман, исчез. Пораженный чудесным явлением батюшки из загробного мира, спасенный утопленник воскликнул со слезами благодарности: «Теперь и я верю, что Иоанн Кронштадтский — святой», душевная зараза сребролюбия тотчас оставила бывшего дворника, и он взял на себя подвиг

странничества — сборщика на храмы и монастыри.

В наше время странники перевелись, но на Руси благочестивые странники были любимы народом. Рясофорный монах Валаамского монастыря отец Алексий рассказывал, как в молодости был странником. «Захотел я на себя принять подвиг странничества, так как много пил, но не решался принять сам на себя этот подвиг, боялся совсем спиться и решил пойти за благословением к отцу Иоанну Кронштадтскому. Батюшка сразу меня принял, говоря: «Иди, но не проси». Благословил меня, и я пошел, хотя был немного смущен: как же так — не просить?

Приехав в Петербург, взял свою котомку и пошел. Действительно, пока не просил, добрые люди звали меня сами, кормили, поили, одевали. Однажды сапоги вконец износились, а была зима, я был озабочен... Но, проходя мимо лавки, вдруг услышал, как какой-то человек зовет: «Странничек, зайди!» Вхожу, а купец выносит мне пару новых сапог. И так во всем. Вот что значит благословение отца Иоанна Кронштадтского и — скажу — его наказ. Когда я ослабел в подвиге и стал сам просить, тогда люди начали от себя гнать меня палкой. После смерти отца Иоанна пошел я спасаться в Валаамский монастырь...»

Особенно опасно было самочинное непослушание словам святого батюшки для лиц духовного звания. Один монах даже отрекся от обетов монашеских и «повернул вспять, став неблагонадежным для Царствия Небесного». Монаха

звали Феодор Гросман, он был православный эстонец. Феодор просил у отца Иоанна благословения идти на Афон иночествовать, и батюшка ему ответил: «Бог благословит! Будешь монахом и иеродиаконом, но иеромонахом (монахом-священником. — Н. Г.) не будешь!»

Феодор прибыл на Афон и поступил в братство русского Андреевского скита, стал помощником аптекаря и способным певчим; пострижен в монашество с именем Фаддея и вскоре рукоположен в иеродиакона. Всем он чистосердечно рассказывал о пророчестве отца Иоанна. Однако, пробыв несколько лет иеродиаконом, стал сомневаться в этом пророчестве и высмеивать праведника, думая, что все равно станет иеромонахом. Однажды его обошли в рукоположении, рукоположив более молодого иеродиакона в иеромонахи. Из-за этого Фаддей еще больше ожесточился, а когда появилась в скиту некая имябожническая смута, то он примкнул к имябожникам — но не по ревности к смуте, а из простой злобы на игумена за то, что не представил его к священству. Конец истории был грустным, потому что отцу Фаддею пришлось покинуть Афон вместе с имябожниками. В Петербурге он снял монашескую одежду и женился, но брак оказался неудачным, через год он развелся с женой и женился на другой. Жалкая судьба отвергнувшего обеты монаха...

Был другой монах на горе Афонской в русской обители во имя Иоанна Богослова — брат Мартиниан. Двадцать лет он уже подвизался в монастыре и был известен своим упрямым ха-

рактором. Задумал брат Мартиниан съездить ня родину и повидаться с родными. Настоятель, зная его упрямство, не стал противоречить, а дал благословение на поездку и поручение: «Отец Мартиниан, похлопочи, чтобы нам вернуться в Россию, а то нас тут всюду притесняют. В центре России, конечно, все монастыри заселены старожилками, но в Сибири и на Кавказе есть еще достаточно мест для новых монастырей». Отец Мартиниан сразу же поехал к кронштадтскому батюшке, который при встрече сказал ему: «Если хочешь добиться желанной цели, то сегодня же выезжай из Кронштадта во Владикавказ к тамошнему епархиальному епископу, никуда не заезжая и по дороге не замедляя, а если куда заедешь и прервешь свое прямое направление, то знай, что твоя цель никогда не будет достигнута».

Отец Мартиниан немедленно поехал. В Москве он лишь перебрался с вокзала на вокзал и двинулся дальше. Но вот поезд подъезжает к родному селу, в котором монах не был больше двадцати лет. И он решил заехать туда на самый малый срок, только до другого поезда, чтобы повидаться со старухой матерью. Повидавшись с родными, он другого поезда не захватил, пришлось ждать почти сутки.

По приезде во Владикавказ он пошел в архиерейский дом, чтобы встретиться с владыкой, но того дома не застал, так как всего лишь несколько часов назад он уехал на свидание с наместником Кавказа. Энергичный отец Мартиниан поспешил поехать в указанное место до Баку,

чтобы там застать епископа и наместника. На полпути он узнал, что наместник остановился у одной старинной заброшенной крепости и долго ее осматривал. Отец Мартиниан слез на указанной станции и пошел по направлению к видневшейся на горе крепости. По дороге он повстречался с владикавказским епископом, который возвращался на станцию с военным священником. Отец Мартиниан бойко и толково объяснил цель своего путешествия, но владыка с сожалением ответил: «Ах, если бы вы были здесь на несколько часов раньше! Наместник тут же, на месте сем, утвердил бы своим указом быть в этой крепости монастырю, так как отметил, что эта крепость более подходит для монастыря. Если бы нашлись монашествующие тут жить, то и я приложил бы все свое старание к их безбедному тут пребыванию. Что бы вам на несколько часов раньше явиться! Наместник срочно уехал в Тифлис. Советую вам немедленно туда ехать с моим письмом.

Отец Мартиниан, получив письмо, поехал в Тифлис, но в Тифлисе ему сообщили, что наместник спешно уехал по вызову в Петербург. После этого отец Мартиниан, сколько ни ездил, куда только ни обращался, везде получал отказы. Не выполнив своей миссии, он вернулся на Афон в Грецию и умер там схимником.

«Моя тетка часто ездила говеть в Кронштадт, — вспоминала монахиня Мария Родевич. — Однажды батюшка уехал и долго, четыре дня, не возвращался. В его отсутствие приехала в «Дом трудолюбия» из Сибири молодая

женщина. Она сильно волновалась, дожидаясь его, много плакала, боясь, что придется уехать, так и не повидавшись с отцом Иоанном. Тетка, видя ее страдания, уговорила остаться еще на день и взяла в свою комнату ночевать. Как раз на следующий день возвратился батюшка, зашел к тетушке. Он выглядел очень усталым, и она коротко рассказала ему о своих скорбях. А та женщина ничего не говорила, стояла сзади и плакала от счастья, что увидела батюшку. Он вдруг сказал: «Вот что, выходи ты замуж за того, кто к тебе сватается сейчас. Он будет тебе добрым мужем и детям твоим хорошим отцом». Молодая женщина, пораженная этими словами, бросилась тетушке на шею, стала целовать. Оказывается, именно с целью узнать про это она ехала из такой дали, боялась из-за детей выходить замуж.

Еще случай. Мать моя, вернувшись от обедни, стала рассказывать нам, как батюшка горячо на коленях молился в алтаре за царя. Он положил голову на престол и громким, от сердца идущим голосом молился. Это было перед Херувимской. Сила и интенсивность этой необычайной молитвы передалась и наэлектризовала всю толпу. Все, как один, молились на коленях.

В тот же вечер мы узнали от полковника Блока, дежурившего во дворце, что утром того дня должно было состояться освящение заново отреставрированного Николаевского собора, на котором должен был присутствовать Государь и вся Императорская Фамилия. Освящение собора, к удивлению собравшихся, было внезапно от-

ложено. Стало известно о готовящемся покушении на царя, и он вовремя был предупрежден не иначе как по молитвам отца Иоанна, который прозорливо предузнал о грозящей опасности».

Отец Иоанн неоднократно предсказывал смерть людей.

Так, однажды, присутствуя на обеде богатого фабриканта Максимова в Петербурге, батюшка обратился к хозяйке дома со словами: «Тебе, матушка, остается жить три дня, не больше, так поторопись устроить свою больную дочь на постоянное жительство в Успенский монастырь».

Госпожа Максимова удивилась такому предсказанию, потому что чувствовала себя прекрасно. Но сам фабрикант, почитая батюшку за прозорливца, послушался его и отвез свою дочь-идиотку в Успенский монастырь, сделав большой туда вклад. Когда он вернулся, то не застал в живых свою жену. Она перед смертью не болела, а умерла от разрыва сердца, успев только произнести: «Мне что-то воздуху не хватает».

Отец Иоанн очень любил кронштадтского городского голову Ф. С. Степанова, с которым случился удар, после чего он был десять лет разбит параличом и ничего не говорил, только на приветствие отца Иоанна всегда отвечал: «Слава Богу». В последний раз отец Иоанн приехал на Пасху и сказал: «Я потерял свой алмаз». Незадолго пред этим батюшка получил от Государя наперстный крест, посередине которого был большой бриллиант. Все подумали, что он говорит про этот бриллиант, но камень был на месте. Отец Иоанн стал обнимать Филиппа Степано-

вича, прижимал его голову к своей груди, ласково трепал по щеке, потом сказал: «Ну что ж, на все воля Божия...» Через две недели старик умер. Только тогда близкие поняли слова отца Иоанна.

Известно много случаев, когда кронштадтский прозорливец предсказал священническую стезю мужчинам, не помышлявшим о таком поприще; тем не менее предсказание осуществлялось. Один из таких иереев, у которого к тому же отец Иоанн исцелил по телеграмме парализованную мать, называл батюшку за все благодеяния его семье «вторым Николаем-чудотворцем». Этот иерей рассказал о чуде Иоанна Кронштадтского, о котором тот при своей жизни рассказывать не велел.

«В 1916 году меня пригласили причастить на дом одну болящую даму. Увидев на ее руке странный шрам наискось верхней стороны кисти, я удивленно полюбопытствовал:

— Что это у вас было?

— Это дорогой батюшка Иоанн исцелил мою разрубленную руку.

— Да как же это вы...

— Да как... Однажды за два месяца до своей кончины в 1908 году он за ранней обедней объявил, что никого из кронштадтских причащать не будет, а только приезжих. Не знала я, как тяжело он болел перед смертью... Я собиралась ехать к себе на родину и с сильной досадой подумала: «А я все равно причащусь, и другой священник такой же, как и ты!» С этой мыслью Я пошла в морской собор и причастилась.

Придя домой, взяла полено и топор, чтобы приготовить щепок. Как махнула топором, так прямо и разрубила левую кисть очень глубоко. В больнице мне сказали, что разрублены жилы и завтра надо отрезать кисть, иначе будет заражение. Я почувствовала, что наказана за мысленный укор святого нашего батюшки, и, представьте, смирилась со своей ужасной потерей. Родные же мне посоветовали пойти в Андреевский собор и просить помолиться отца Иоанна.

Я долго не решалась, но все же на следующее утро пошла в храм с перевязанной рукой. Попросила старосту и полицмейстера провести меня к алтарю, но собор, как всегда, был полон и к батюшке не пробиться.

И вдруг раздается его голос:

— Пропустите сюда женщину с больной рукой.

А руки он и видеть не мог, потому что повязка была скрыта под ротондой.

Я вынула руку с повязкой, и толпа, как по взмаху волшебной палочки, раздвинулась передо мной, и я свободно прошла к амвону, с которого батюшка причащал народ.

Когда я подошла, он вынул из Чаши частицу и сказал:

— Ну, прими.

Я в трепете причастилась. Батюшка сразу же ушел в алтарь, думаю, он молился за меня.

Тут же из алтаря вышел псаломщик и сказал мне:

— Идите во двор к алтарной двери, батюшка вас благословит.

Я вышла и стала ждать батюшку. Когда он

появился, то сразу схватил меня за руку, и так больно, что я вскрикнула.

— Что это у тебя? — спросил батюшка.

— Разрубила...

— Христос исцелит тебя.

Он взял в руки свой наперстный крест, перекрестил меня и сказал, указывая на Спасителя:

— Вот этот Христос, который за нас умер и воскрес, тебя исцелит. Иди и усни.

Я вернулась домой, легла и уснула. Меня разбудили в двенадцать часов дня, чтобы идти на отсечение кисти в больницу. Но я почувствовала, что никакой боли в руке нет. Когда же в больнице развязали повязку, то так и ахнули: «Да кто же это вам так сделал? Ведь рука-то будто месяц как зажила». Я и ответила правду: «Это дорогой батюшка наш исцелил». Восемь человек медицинского персонала соглашались подписать мою корреспонденцию в журнал, что явное чудо совершилось по молитвам отца Иоанна.

Я спросила батюшку, можно ли написать. Он ответил:

— Не надо»...

Можно до бесконечности рассказывать о случаях прозорливости кронштадтского пастыря, когда он одновременно и назидает, и увещевает, и утешает. Однако из всех этих историй напрашиваются два главных вывода. Отец Иоанн никогда не приписывал *себе* заслуги явных чудес, но только Богу. И еще. Каждому человеку давалось по вере его, а если чудеса происходили с неверующими или иноверцами, то все случалось к большей славе Господа, Который Един животворит. Об этом последний рассказ.

«Воспоминания относятся ко времени моей юности и пребывания в Киеве в левашовском интернате, — повествует вдова протоиерея С. Якшич. — В 1893 году начальницей была графиня Н. Ф. Апраксина, которая получила извещение, что отец Иоанн посетит наш интернат. Невозможно рассказать, какое неописуемо радостное волнение охватило и воспитанниц, и служащих.

Меня связывала тесная дружба с одной из классных дам, К. А. Вельской, ревностной почитательницей отца Иоанна, исцелившего ее за несколько лет перед этим от мучительного душевного недуга (умопомешательства). После какого-то потрясения она стала психически больной. Несмотря на лечение у лучших врачей-специалистов, недуг ее принимал все более и более опасные формы. Она совершенно перестала принимать пищу, совсем не спала и постоянно пыривалась покончить с собой. Одним из пунктов помешательства был какой-то религиозный вопрос, неотступно ее преследовавший. Не получив помощи от врачей, мать ее решила обратиться к отцу Иоанну, послала ему телеграмму с оплаченным ответом.

Главное содержание ответа сводилось к следующему: «Чего вы ищете? Царство Божие внутри нас: уединитесь, молитесь, и Бог пошлет вам исцеление».

Уже за несколько часов до получения ответа больная почувствовала облегчение и после долгих мучительных бессонных ночей заснула тихим, спокойным сном. Ее отвезли в ближай-

ший женский монастырь, и, пробыв в нем месяц, она настолько оправилась от своей болезни, что могла снова начать свою педагогическую деятельность.

И вот долгожданный батюшка в нашем зале. Сколько бодрости и свежести отражалось в ясных голубых глазах отца Иоанна! Сколько в них было ласки и простоты!

— Здравствуйте, сестры! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, милые классные дамы! — обратился он к нам. — Христос воскрес, мои родные! Дайте оглядеть всех вас! А как у вас хорошо! Какой чудный вид! Все зелено, все распускается и цветет. И вы представляете из себя весну, и души ваши, подобно природе, должны цвести добрыми делами! Ну а теперь помолимся...

Прочитав молитвы, батюшка стал благословлять нас и окроплять святой водой. Я стала рядом с отцом Иоанном, держа чашу со святой водой... Внизу за чаем одна дама спросила отца Иоанна:

— Батюшка, почему вас все так ищут и ждут?

— Это значит, что велика вера у них, — ответил он. — Не меня они ждут, а благодати Божией, которая им подается через меня.

От волнения я не могла запомнить всего, что говорил батюшка. Стоя за его креслом, я подумала: «Какое было бы счастье получить что-нибудь из его рук». Батюшка мгновенно обернулся назад и, давая мне свое блюдо с чаем, сказал: «На, пей». От счастья я не помнила, как уезжал

отец Иоанн, как я передала ему огромную пачку писем от наших...

Скоро я кончила курс, и судьба забросила меня в Петербург, где я имела возможность еще четыре раза близко видеть отца Иоанна, получить его благословение и убедиться в его прозорливости. И каждый раз после встречи с ним надолго оставалось чувство какой-то внутренней озаренности, согретости его лаской, какого-то особенного нравственного подъема.

Бывая у своей тетки Елизаветы Алексеевны Б., служившей в больнице св. Марии Магдалины, у нее на квартире я встретила с одной дамой, испытавшей на себе и прозорливость отца Иоанна, и его необыкновенное милосердие к несчастным. Одно время она очень сильно бедствовала. Долго хворавший и лишившийся места муж ее умер, оставив с четверьмя малолетними детьми. Квартирная хозяйка, сама небогатая женщина, требовавшая тщетно уплаты за квартиру, угрожала судом и гнала на улицу. Голодные и оборванные дети просили есть, не было дров, не было работы.

Несчастливая уже думала, что лучше покончить с собой, тогда осиротевших детей скорее пристроят. Она в отчаянии решила пойти еще в один дом попросить работы и в случае неудачи уже не возвращаться домой. Ничего не получив и на этот раз, шатаясь от утомления, холода и голода, она бесцельно шла, еле передвигая ноги, как вдруг внимание ее привлекла кучка бедняков, толпившихся у одного подъезда. У нее мелькнула мысль: «Не отец ли Иоанн?»

Она остановилась, ворота тут же распахнулись, и показался кронштадтский пастырь. Мгновенным взором окинул он толпившихся людей и вдруг через всю толпу передал кошелек, набитый деньгами, стоявшей поодаль измученной женщине. «Не знаю, как неслась я домой, как влетела в свою квартиру», — вспоминала дама, каждый раз плача от пережитого. Денег было столько, что хватило на оплату квартиры, на покупку провизии и дров. Через день или два был получен благоприятный ответ на давно посланное прошение в приют о принятии туда двоих детей, а вскоре вышло и место кастелянши...»

О триумфальном посещении Киева отцом Иоанном в 1893 году сохранилось множество воспоминаний. На Киевском вокзале встретил его генерал-губернатор. При выходе отца Иоанна народ бросился за благословением и чуть не сбил с ног пастыря и генерал-губернатора. Только благодаря усилиям полиции батюшку провели в царские комнаты. С вокзала кронштадтский батюшка поехал в генерал-губернаторский дворец. Множество народу повсюду сопровождало его. В окно кареты сыпались письма с деньгами. График посещения страждущих и болящих был расписан по часам.

После литургии, совершенной в домовой церкви супруги Великого Князя Николая Николаевича, отцу Иоанну был вручен пакет с деньгами. Батюшка тут же передал его стоявшей рядом молодой девушке. Та смутилась, сказала: «Я пришла за благословением к вам, а не за деньгами». На это отец Иоанн ответил: «Возьми,

скоро тебе понадобятся». И действительно, вскорости девушка эта была объявлена невестой, деньги весьма пригодились.

Получив еще от одной дамы пакет с деньгами, отец Иоанн передал его находившейся тут же женщине. Барыня ужаснулась и воскликнула: «Отец Иоанн! Ведь там большая сумма!» Он ответил: «Ты дала мне, а я даю, кому хочу. Если тебе жалко, возьми свой пакет обратно и уходи!» Дама рассыпалась в извинениях, страшно было вызвать недовольство батюшки. Сам Господь был Судией таким поступкам.

Так случилось с начальником почтово-телеграфного округа Бобырем. В тот же приезд он через своих высокопоставленных знакомых пригласил отца Иоанна к себе... Когда батюшка приехал, спросил: «Где больной?» Жена Бобыря бросилась на колени и сказала: «Больного нет, а просим за нас помолиться». Отец Иоанн покинул дом очень недовольный. Через десять дней после отъезда отца Иоанна из Киева Бобырь скоропостижно скончался от азиатской холеры.

У одра умирающего Императора

Много уже рассказано о том, как чтит своего «пасхального батюшку» православный русский люд и соотечественники духовного звания. Сам Император Александр III, прозванный Миротворцем, глубоко доверял всенародной славе кронштадтского молитвенника. В историю вошли Государевы слова,

сказанные чудотворцу: «Я знаю, кто вы и что вы!» Как знак высочайшего почитания явился вызов отца Иоанна в Ливадию во время предсмертной болезни Александра III.

С именем этого Императора связана не только увенчавшаяся успехами миротворческая внешняя и внутренняя политика Российской державы, но и светлая страница истории Православной Церкви. Велики были его заслуги в улучшении быта священства, в религиозном просвещении народа через возродившиеся церковно-приходские школы, которые стали открываться во многих местах. Их число в период царствования Александра Александровича возросло с 4 тысяч до 31 тысячи. Церковно-приходские школы были единственным источником просвещения для русского народа. Для заведования школами при Святейшем Синоде создали особый училищный совет, который издавал множество книг. Государственная казна стала выделять большие средства на содержание школ и духовенства, которое — не секрет — во многих епархиях перебивалось с хлеба на воду.

Александр III щедро жертвовал из личных средств на постройку новых и восстановление старых церквей, подавая пример благотворителям. За тринадцатилетнее царствование было возведено до 5 тысяч церквей — по одной на *каждый день* царствования.

Политика восстановления старых монастырей была направлена на поддержание в народе православия, того «русского духа», о котором сложены былины. Император любил все русское:

русскую речь, одежду, песню, которая вышла при нем из забвения. Сам он был похож на былинного русского богатыря — высокий, могучий, с величественной осанкой и твердой поступью, спокойный, воздержанный, миролюбивый. Семейная жизнь его складывалась счастливо. Он был отцом последнего царя-мученика Николая II, принесшего себя в жертву за грехи России.

Одним словом, Александр III обеспечил могущество, богатство и благосостояние державы. Но не дал Бог Государю Миротворцу долгой жизни, как прообраз того, что и Святой Руси жить осталось недолго. Уже через четверть века после его смерти бывшие подданные уничтожали те самые церкви, расстреливали «врагов народа» священников, затеяли братоубийственную Гражданскую войну...

Роковая болезнь обнаружилась и обострилась у Императора за год до смерти. Врачи предписали ему изменить режим, но это было не в характере Александра III. Он по-прежнему очень много работал. В конце концов Александру III врачами было предписано ехать на остров Корфу в Ионическом архипелаге. Но мысль расстаться с Россией была тяжела для больного. 21 сентября 1894 года царская семья прибыла в Ливадию, а 5 октября по телеграфу на всю Россию разнеслось зловещее сообщение: «В состоянии здоровья Государя Императора замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличиваются».

8 октября в Ливадию приехала греческая ко-

ролева Ольга Константиновна и ее мать Великая Княгиня Александра Иосифовна, которая и привезла с собой кронштадтского пастыря. На военном корабле прибыли они в Ялту, и отец Иоанн сразу же отправился в малую церковь при дворце служить заздравную литургию. Весть о пребывании в Крыму отца Иоанна мгновенно распространилась по всей округе, и дом, где он жил, стал осаждать народ. Толпа начинала собираться с трех часов ночи и дежурила до шести, когда батюшка появлялся в подъезде. Первыми подходили к нему русские, последними — инородцы и смиренно преклоняли головы.

Здесь отец Иоанн исцелил парализованного татарина, которого привезли на арбе. После того как батюшка помолился с его женой, сказав ей: «Будем молиться вместе: ты молись по-своему; а я по-своему», татарин встал и сам пошел...

10 октября Император встретился с отцом Иоанном. «Я был позван в 11 часов утра, — записал батюшка. — Идучи к Высокому Больному, я думал: как бы мне лучше, сердечнее приветствовать царя, тяжело больного? А незадолго пред этим я читал Послание св. апостола Павла к ученику его Тимофею, и в нем особенно мне показались пригодными в моем положении для первого приветствия царю слова, выражающие величие Господа — Царя царей, от Которого все цари получают свою державу и власть над народами. Я и запомнил эти слова. Вхожу в кабинет Его Величества. Государь встретил меня стоя, в шинели, хотя сильный отек в ногах не позволял ему стоять. Я приветствовал его... После этого

благодарил Государя, что он удостоил меня пригласить в Ливадию и лицезреть его особу. Он изволил сказать, что он «не смел сам пригласить в такой далекий край России, но когда Великая Княгиня Александра Иосифовна предложила мне пригласить вас в Ливадию, я с радостью согласился на то и благодарю, что вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю». Я отвечал, что «считаю потребностью сердца молиться о Вашем драгоценном здравии, особенно в нынешние дни Вашей болезни. О Вас молится вся Россия». Затем он перешел в другую комнату, пригласил меня помолиться с ним и стал на колена. Я прочел три молитвы. Его Величество молился с чувством, склонив голову и углубившись в себя. Когда я кончил, он встал, поблагодарил меня и просил впредь молиться».

После этого посещения Александру III стало настолько лучше, что начали надеяться если не на полное выздоровление, то на улучшение, которое позволило бы больному прожить при строгом соблюдении советов врачей еще годы. 17 октября Ялта с утра особенно оживилась: улицы запестрели флагами, отовсюду неся колокольный звон, призывая всех к молитве за царя. Гражданские и военные власти, чиновники разных ведомств в праздничной форме и оживленные обыватели спешили в храмы, которые были переполнены в тот день. Русские люди, вспоминая чудесное спасение царя с семьей в этот день в 1888 году, молились и теперь о спасении его от новой грозной опасности — от тяжкого недуга. Отслужили и панихиду по убиенным во

время того страшного крушения, когда царский поезд сошел с рельсов. Крыша вагона, в котором во время обеда находилась царская семья, стала проваливаться, и Император принял на свои могучие плечи падающую крышу и держал ее до тех пор, пока его жена и дети не выбрались живыми и невредимыми из-под обломков.

И все же могучий, почти двухметровый великан утасал. «Я не считал свою миссию выполненной, доколе сам не причащу Высокого Больного...» В день памяти о чудесном спасении отец Иоанн причастил Императора — второй раз за время болезни.

18 октября началось резкое ухудшение самочувствия, хотя Государь не жаловался и не терял самообладания, зная, что умирает.

В роковой день 20 октября Император пожелал еще раз причаститься из рук своего духовника протопресвитера Янышева, после чего стал прощаться с членами Императорской Фамилии. В одиннадцать часов утра положение больного резко ухудшилось. Он пожелал встретиться с отцом Иоанном. «Я поспешил явиться, — записал батюшка, — тотчас по совершении литургии и оставался в Высочайшем присутствии до самой блаженной кончины Государя. По желанию Государыни Императрицы я прочитал молитву об исцелении болящего и помазал его елеем из лампы от чтимой чудотворной иконы, доставленной усердствующими чрез одного из ялтинских священников. Приняв с искренней верой это благочестивое усердие, Государь Император выразил желание, чтобы я возложил мои руки на

главу его, и я долго держал их. Государь находился в полном сознании, просил меня отдохнуть, но я сказал, что не чувствую усталости, и спросил его:

— Не тяжело ли Вашему Величеству, что держу долго руки мои на голове Вашей?

— Напротив, мне очень легко, когда Вы их держите, — сказал он. Потом ему угодно было сказать: — Вас любит русский народ.

— Да, — отвечал я. — Ваш народ любит меня.

— Любит...»

Незадолго перед кончиной Государя отец Иоанн снова молился. Императрица ни днем ни ночью не покидала супруга, до последней минуты была непоколебимо верна своему долгу и чувству. В течение 28 лет она служила образцом и примером супруги русским женщинам.

«Он тихо скончался, — свидетельствовал отец Иоанн. — Вся Семья Царская безмолвно, с покорностью воле Всевышнего, преклонила колена. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы его, на которой выступил холодный пот. Мир душе твоей, Великий Государь и верный слуга Царя царствующих! Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты и не вымолила у Бога исцеления своему Царю, но вымолила за то тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную его жизнь, а это дороже всего!» Императору было всего 49 лет...

Отчего же столь великий чудотворец, как отец Иоанн, не мог исцелить царя, хотя в то же

время исцелил больного магометанина?.. Напомним, что Господь не всегда исполнял молитвы даже Первоверховного апостола Своего Петра, и дело не в силе молитвы. Смысл всего надо искать на путях неисповедимого Промысла Божия, где смерть Императора была предрешена, и ничто не могло изменить его судьбы. Отец Иоанн писал в одной газете: «Я мертвых воскрешал, а Батюшку-Царя Александра III не мог у Господа вымолить. Да будет на все Его Святая воля».

20 октября 1894 года в четыре часа пополудни на площади перед Малой церковью Ливадии протопресвитер Янышев прочитал Высочайший Манифест, в котором Император Николай II возвестил народу своему о кончине царя Миротворца и о вступлении своем на прародительский престол. Потом он привел к присяге на служение новому Государю России особ Царской Фамилии, чины двора и войска. Началась недолгая, двадцатидвухлетняя эпоха последнего российского Императора, Царя-Мученика Николая II, которого его великий отец Александр III в своих заветах предупреждал: «Помни, у России нет друзей. Нашей огромности бояться».

Действительно, Россия превратилась к концу XIX века в мощнейшую мировую державу, равную «1/6 части света», как торжественно провозглашали коммунисты, имея в виду СССР, будто им принадлежала честь собирания стольких земель. Ф. Энгельс утверждал: «Ни одна революция в Европе и во всем мире не может

достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство».

Отчего же так? На это недвусмысленно отвечает святой Иоанн Кронштадтский: «Да, чрез посредство державных лиц (царей, помазанников Божиих. — Н. Г.) Господь блюдет благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее. И величайший злодей мира, который явится в последнее время, антихрист, не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников».

Идеолог уже победившего марксизма Лев Троцкий в своих воспоминаниях признавал, что больше всего Советы боялись, чтобы не был провозглашен царь, ибо тогда было бы неизбежно падение советской власти.

«Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь Самодержец, удаления которого домогается определенная публика...»

Множилось число внешних врагов самодержавной России, однако самый главный враг таился в душе народа. О нем пророчествовали все святые XIX века: преподобный Серафим Саровский, святители Филарет (Дроздов), Игнатий (Брянчанинов), Феофан (Затворник). Емко и образно сказал об этом замечательный русский писатель М. М. Пришвин. В своем дневнике (21 февраля 1918 г.) он пишет о расстреле 27 октября (3 ноября ст. ст., еще до октябрь-

ского переворота) пустого Московского Кремля. «В чем же оказалась наша самая большая беда? Конечно, в поругании святынь народных: неважно, что снаряд сделал дыру в Успенском соборе, — это легко заделать. А беда в *том* духе, который направил пушку на Успенский собор. Раз он посягнул на это, ему ничего не стоит посягнуть и на личность человеческую».

Десятью годами раньше отец Иоанн Кронштадтский писал: «А теперь исчезла правда, и повсюду неправда и в печати, и в жизни... Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие? Снова ли приходить на землю Христу? Снова ли распинаться и умирать за нас? Нет, полно глумиться над Богом, полно попирать Его святые законы!»

Речь идет все о том же *духе антихриста*, который уже поразил русский народ, и наказание за это неминуемо приближалось в виде «Великой Октябрьской социалистической революции».

«Незадолго до блаженной кончины отца Иоанна он часто любил служить обедню в подворье Леушинского монастыря, — вспоминал И. К. Сурский. — Мы с женой постоянно посещали эти службы, и многократно отец Иоанн в проповедях своих грозно пророчествовал и громогласно взывал:

— *Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!*

Он не говорил, а кричал, поднимая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствующими, и в храме раздавались плач и рыдания. Мы с женой недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Однако, по силе слов пророка, мы понимали, что будет много ужаснее, и высказывали предположение, что перевернется ось земная. Игуменья же Таисия, восьмидесятилетняя старика, спросила отца Иоанна:

— Когда же, батюшка, это время будет?

— Мы с тобой, матушка, не доживем, а вот они, — он указал на монахинь, — доживут.

Теперь же все, конечно, понимают, про какое время говорил отец Иоанн».

Еще одно свидетельство от 1934 года белоэмигранта П. М.

«В 1900—1903 годах учился я в Ораниенбауме в Офицерской стрелковой школе, куда часто приезжал покойный протоиерей Иоанн Кронштадтский, который говорил, что уже близко время, что разделится народ на партии, восстанет брат на брата, сын на отца и отец на сына и прольется много крови на русской земле. Часть русского народа будет изгнана из пределов России, изгнанники вернутся в свои родные края, но не так скоро, своих мест не узнают и не будут знать, где их родные похоронены. Я покойному протоиерею не верил. Но теперь вспоминаю его слова».

Пророк никогда не запутывает народ. Указывая на грядущие бедствия, он вызывает к совести

всех и каждого и пробуждает в людях страх Божий, который есть начало покаяния.

И время появления пророков никогда не бывает случайным. Что касается праведного Иоанна Кронштадтского, то замечательно сказал современник батюшки протоиерей Павел Лахотский:

«В отце Иоанне была нужда именно в наше время. Неверие, кощунство, издевательство над всем святым, наглая ложь обрушились на Христа Бога и на Церковь. И вот как бы для того, чтобы подготовить верующий народ выдержать этот страшный натиск сил ада, Господь воздвиг отца Иоанна, чтобы он стал народной верой и народной совестью, собрал и сосредоточил в нем все лучшие черты православной народной души; наградил его обильными благодатными дарами, даже — до великого дара чудотворений, чтобы он был оплотом немощных в вере, защитой слабых, прибежищем колеблющихся, подкреплением малодушных. По огромному влиянию, какое имел отец Иоанн на народ, можно решительно сказать, что весьма многие устояли в вере, не изменили ей потому, что заимствовали твердость веры от его силы; не отдали своего сердца врагам Христовым, потому что спасла их любовь к отцу Иоанну, в котором, видимо, жил Христос».

Возвращаясь к кончине Александра III, отметим, что «верующий народ» не разочаровался в своем пастыре-молитвеннике, осознавая, что чудо выздоровления Императора не зависело от воли отца Иоанна. Проявленное же царем внимание к батюшке стало сигналом для усиленного

чествования и признания заслуг уже чтимого на-
родом чудотворца. Удивительно, но образцовый
пастырь, вполне достойный занимать кафедру
патриарха, был до сих пор только служащим
протоиереем при скромном провинциальном
кронштадтском соборе. И лишь в год смерти
Александра III, через сорок лет после принятия
священства, отец Иоанн Ильич Сергиев стал на-
стоятелем кронштадтского Андреевского собора.
Но он остался так же кроток и смирен сердцем.
И все так же не переводились люди, даже и из
ближайшего окружения пастыря, которые не ви-
дели нового пророка в своем Отечестве.

Грустно и смешно читать о споре настоятеля
и псаломщика Андреевского собора, про которо-
го батюшке сообщили, что тот зарабатывает ог-
ромные деньги от посетителей отца Иоанна и
платит за образование дочери восемьсот рублей,
а между тем получает всего двадцать рублей
официального жалованья. Лучше бы эти деньги
отдать действительно нуждающимся. Эта мысль
понравилась отцу Иоанну, и он распорядился,
чтобы двадцать рублей получал другой человек.
Псаломщик, узнав об этом распоряжении, явил-
ся к своему настоятелю и стал грубо кричать,
требуя возвращения денег. В тот момент вошел
другой псаломщик, Киселев, из образованных, и
сказал буянившему: «Как ты смеешь так оскор-
блять своего настоятеля!» Тогда только отец
Иоанн вспомнил, что он настоятель, и повторил
слова своего защитника: «Да, в самом деле, как
ты смеешь оскорблять своего настоятеля?» Кон-
чилось все тем, что батюшка распорядился оста-

вить обиженному псаломщику двадцать рублей жалованья...

Воистину от царя до последнего подданного повидал праведный Иоанн Кронштадтский, со всеми находил общий язык. С сотнями тысяч людей повидался и переговорил пастырь, много дорог исколесил, изъездил — на паровозе, пароходе, в коляске. В каких только обществах не был принят. Несомненно, он *знал* Россию. И знание это не было утешительным...

Царство сие не устоит...

Современное отцу Иоанну общество являло печальное зрелище. Губительней всего был разлад между простым народом и образованным классом, так называемой интеллигенцией, порвавшей почти все связи с прошлым и сделавшейся в русском народе как бы юродом, не помнящим родства.

«Современное русское общество превратилось в умственную пустыню, — писал Б. Н. Чичерин. — Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли, всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем, умение связать свои мысли отошло в область предрассудков, никогда еще легкомыслие и невежество не выставлялись так беззастенчиво. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже и не понятые и не переваренные, смело выдаются за

последнее слово европейского просвещения. Современный образованный человек потерял свое равновесие. Нигде он не находит опоры. Среди бесконечного множества частных у него исчез общий взгляд. Никогда еще не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью...»

Справедливо сказано, что если захочет Господь наказать человека, то прежде всего отнимет у него разум, так что человек видя не видит и слыша не слышит, окруженный великой опасностью, не сознает ее. Так случилось с целой Россией. Безверие, нигилизм, беспринципность, отрицание каких бы то ни было религиозно-нравственных устоев — и тут же нездоровое увлечение крайними сектами — пашковщиной, толстовством, штундой, лжеучениями, спиритизмом, оккультизмом, теософией, черными мессами. Русское общество болело, зараженное тяжелым, трудно исцелимым недугом, переживало мучительный нравственный кризис. Это был наш серебряный век. Собственно, все «химеры спящего разума» ярко обрисованы поэтами и писателями этого века.

Существо русского кризиса метко определил Федор Тютчев:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует,
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и тоскует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит;

И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... Но о ней не просит.

Безверие — вот корень всех зол, вот что привело образованных русских людей к шатанию умов и сердец, к гнетущему духовному кризису.

Отец Иоанн Кронштадтский всегда смотрел в самый корень происходящего, справедливы были его твердые слова посреди потерянного общественного равновесия.

«Отчего многие русские интеллигенты ненавидят Россию? И желают ей зла и злорадствуют о ее неудачах? Оттого, что они отвергли учение Матери своей Церкви».

«Только Царство Божие на земле обладает всегдашним миром и будет обладать до скончания века, а мир прелюбодейный и грешный, отступивший от Бога и Его праведных законов, мятется и будет до конца своего смущаться от своих заблуждений, от своих всезаразительных пагубных страстей, от бесчеловечных браней и внутренних крамол, от своего безумия. Дерево познается по плодам. Смотрите же на плоды нынешней цивилизации. Кому они приятны и полезны? Отчего гордые интеллигенты стремятся в опекуны народа, не понимая этого народа и его действительных нужд и не любя его? Оттого, что у всех оскудела вера в Бога...»

«По причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, — русское царство есть не Господне царство. И

потому смотрите, что творится в нем: повсюду забастовки учащихся и рабочего — в разных учреждениях — люда; шум партий, имеющих целью ниспровергнуть настоящий, установленный Богом, монархический строй, повсюдное распространение дерзких, безумных прокламаций, неуважение к авторитету власти, Богом поставленной, ибо «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлень»¹; дети и юноши вообразили сами себя начальниками и вершителями своей судьбы; браки потеряли для многих всякое значение, и разводы по прихоти умножились до бесконечности; многие дети покинуты на произвол судьбы неверными супругами; царствует какая-то бессмыслица и произвол. Это ли царство православное? Наконец, допущен безнаказанный переход из православия в какую угодно веру.

«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»², — говорит Господь. *Если в России так пойдут дела дальше, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от многих плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония (Вавилонское, Ассирийское, Египетское, Греческо-Македонское)».*

¹ Послание к Римлянам св. апостола Павла, гл. 13, ст. 1.

² Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 25.

Начиная с русско-японской войны, тревога за Россию, которую отец Иоанн ощущал и прежде, например при распространении в обществе идей нигилизма, при частых покушениях на Императора Александра II, во время русско-турецкой войны и особенно после злодейского убийства царя Освободителя, стала возрастать все сильнее. Как русско-турецкую, так и русско-японскую войну отец Иоанн воспринимает как кару Божию.

«Еще только начинается война, а что будет впереди — одному Богу известно. Нужно для России немедленно покаяние всех сословий, исправление нравов, отрешение от безумного безбожия, смирение и благоговейное отношение к заповедям Божиим и тщательное исполнение их, милосердие и сострадание к обиженным и бедным. Нынешняя японская война вызвана тяжкими грехами России...»

«Полтора года Россия ведет страшно кровопролитную и разорительную войну, и при всей изумительной доблести и храбрости наших войск мы еще не победили язычников, вероломно нападающих на нас. И не мы их, а они нас побеждают. Где обычная в прежние времена помощь Твоя, Господи? Ныне и Ты против нас. Ты оставил нас за беззакония наши...»

Русско-японская война окончилась унижительным Портсмутским миром. Многие патриоты спрашивали у батюшки, отчего неудачи. Он неизменно отвечал, что виноваты безверие и толстовство, которое проповедует непротивление злу насилием. Следуя этой ереси, капитулировал

Порт-Артур, а военные суда попали в постыдный плен вместе со всем инвентарем.

В эти тревожные месяцы отец Иоанн часто вспоминал благоверного князя Александра Невского с его знаменитым «Не в силе Бог, а в правде», победившего, казалось, непобедимых шведов. На Бога и святых Его и Заступницу Усердную Богоматерь прежде всего надеялся искуснейший Невский военачальник. Но потомки святого князя уже не полагались на Бога, а лишь на свою военную силу. Сильно скорбел неустанный молитвенник Кронштадтский, что Порт-Артур так и не увидел на своих стенах посланный его защитникам образ Царицы Небесной «На двух мечех»¹. «Страшный урок дан Богом рус-

¹ Икона была написана в Киеве на пожертвования верующих в «благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России» и весной 1904 года доставлена в Петербург. Одному из монахов было видение, в котором Богородица повелела доставить икону в Порт-Артур, пообещав в этом случае победу русской армии. Вопреки ясно высказанной воле Божией Матери, в Порт-Артур доставляли копии иконы, боясь подвергнуть опасности образ, который находился во Владивостоке. Наконец в Петербурге объявился доброволец, вызвавшийся доставить икону в Порт-Артур, — ветеран русско-турецкой войны 1877—1878 годов ротмистр Н. Н. Федоров. Но он не смог добраться до Порт-Артура. В конце концов икона попала к генералу Куропаткину. «Вождь нашего воинства А. Н. Куропаткин, — писал отец Иоанн Кронштадтский, — оставил все поднесенные ему иконы в плену у японцев-язычников, между тем как мирские вещи захватил все. Каково отношение к вере и святыне церковной! За то Господь не благословляет оружия нашего и враги побеждают нас. За то мы стали в посмеяние всем врагам нашим!»

ской интеллигенции, не верующей в Бога и себя боготворящей. Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мужеству и мудрости».

Тщетны во многом были пламенные проповеди отца Иоанна. Неудачная русско-японская война стала толчком к первой русской революции — генеральной репетиции 1917 года. Россия сплошь запылала страшным революционным пожаром. «Веришь ли, дорогая Е. В. Духонина (духовная дочь отца Иоанна. — Н. Г.), где я только ни бываю, почти везде царят несогласие, раздор, неверие, ссоры или полный разлад, совсем нет прежней патриархальной жизни, нигде нет ничего отрадного, — по всему видно, что близок конец. Ужасно это тяжело», — сетовал в эти дни кронштадтский батюшка и, провидя своим прозорливым оком государственные катастрофы недалекого будущего, взывал:

«Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то уже не будешь Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помни слова Христа неверным чудеем: «Отнимется у вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его»¹.

¹ Евангелие от Матфея, гл. 21, ст. 43.

Терроризм приобретал в России невиданный размах. Подобно Ф. М. Достоевскому, праведный Иоанн Кронштадтский в террористических актах видел проявления прямого беснования, страшную беду России. Уже в проповедях времен царствования Александра II он говорил, что из числа этих бесноватых нигилистов некоторые «бывают столь злы, что задаются целью ниспровергнуть престолы царей и землю обратить в ад, в место слез и стенаний... Бесы потопили свиное стадо. А что, если было бы дозволено поступать так с людьми? Свиней же допустил Господь погубить для того, чтобы показать лютость и свирепость их».

Должности министров и губернаторов, вообще начальнические посты и даже посты полицейских были в буквальном смысле «голгофою», ибо по преимуществу сюда направляли свои бомбы и пули террористы. «Где наши беснующиеся? Они столько пролили крови за эти годы, разрывая людей бомбами на куски, вырывая у государства лучших людей, не жалея сотни жертв и неповинных детей ради своего адского замысла, уничтожая и себя самих, если это неизбежно, и кончая свою судьбу отвержением Креста Христова перед казнью. Кто не видел беснующихся в селах и деревнях и помещичьих усадьбах, когда они создавали потрясающие зрелища, сжигая вековые постройки, выкидывая имущество в окна опоенным крестьянам, истязая топором и вилами лошадей и животных, пьянствуя и веселясь на пожарищах и под конец оскверняя храмы? Не они ли вовлекли в беснование

фабричную и деревенскую молодежь, которая продолжает наводить ужас на население поджогами, воровством, ночными разгулами, угрозами, местью, отвержением Бога, всего священного и дорогого русским людям?!»

Неустанно пророчествовал отец Иоанн:

«Если не будем неустанно вооружаться против живущих в нас страстей, то общее беззаконие вызовет гнев Божий, и Бог повелит грозному мечу своему посекать нас, повелит действовать смертоносным орудиям брани: из тысячи жерл полетит смерть на людей... Долго ли существовать этому миру грешному, этой земле, жилищу греха, обогранных кровью невинных жертв, этому скопищу всяких мерзостей? Не наступает ли уже время всемирного очищения огнем? Да, оно, конечно, уже близко...»

Такое духовное понимание земной истории позволяло отцу Иоанну становиться выше политических страстей и быть совершенно трезвым даже тогда, когда страсти, волновавшие русское общество, носили возвышенный характер. Во время войны с турками за освобождение славян он предостерегал с церковного амвона как против завоевательских настроений, так и против славянского шовинизма. Отец Иоанн не одобрял агрессивных военных союзов и утверждал, что «миролюбивая Россия никогда не устраивала таких воинственных народных соединений. Мы хотим только упрочить между собой мир, единомышленники, свойственное братьям, сделать более общими интересы просвещения, наук и искусств.

Мы должны желать, чтобы племена и народы составляли единственное словесное стадо, единую истинную Церковь Христову».

17 апреля 1905 года был издан Высочайший Манифест о веротерпимости, а 17 октября — Манифест о гражданской свободе. К несчастью, русские люди уже настолько жили по своим прихотям, без страха Божия, что многие превратно поняли благодеяния, даруемые этими манифестами, думая, что дан сигнал к небывалой вседозволенности. Отец Иоанн конечно же не замедлил и высказаться, к чему ведет подобный образ мыслей, во многом смягчая свои пророчества жалостью и любовью к людям, которые не сознают своего отпадения от Божественных заповедей.

«Ни одна страна в мире никогда в таких широких размерах не испытывала такого огульного, всеобщего вреда от безвластия и неповиновения властям, не несла таких материальных, политических и нравственных убытков и застоя в торговле, промышленности и образовании, как Россия... Когда вследствие общего неповиновения властям и бездействия подчиненных членов общества, и при этом бездействии, властей деятельность прекращается, словно в органическом теле прекращается кровообращение, — тогда все в обществе замирает, падает, разрушается, общественная безопасность исчезает и члены общества идут одни против других, дозволяются полный разгул воровства, хищений, вражды, убийства. Так было на днях в России, когда всюду перестали работать учебные заведения, мастерские с рабочими, железные дороги, почты, теле-

графы... Подлинно Россия пришла в состояние хаоса».

«Всеми теперь овладела горячка и жажда свободы. Но свобода большинством понимается неправильно, не по Божьему разуму, а по человеческому, слепому, понимается, как повод к угождению плоти, в которой не живет доброе. «Ибо все, что в мире, есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего»¹, она вражда против Бога.

Возьмем для примера свободу печати, представители которой в шутку или всерьез называют ее шестой великой державой... Всеми силами они добивались от правительства этой свободы и — добились! Но что же это за свобода? Свобода иных скорописцев писать и печатать все, что ни попало на глаза, что только пришло на ум, или то, чем бы можно напакостить ненавистному человеку или обществу, и — свобода обливать литературной грязью свою же пишущую братию, братию добросовестную, верующую, разумную, искреннюю, патристическую, — истинно соль, *цвет* литературы. Что же это за свобода? Это чернильный поход против истинной свободы, попытка уничтожить в печати все, что есть истинного, прекрасного, разумного, идеального, твердого в вере, политике, общежитии, в семье, в воспитании, в домашних и общественных работах, в государственном управлении; отвратительно читать в некоторых

¹ Первое Соборное послание апостола Иоанна Богослова, гл. 2, ст. 16.

мелких газетах, а иногда и крупных, ругательные выходы против газет серьезных...

Возьмем еще свободу политическую. Печать дождалась от правительства и этой свободы. Что же вышло? Все газеты и журналы заговорили о политике — на сотни ладов, кто во что горазд и кто чем, каким складом мысли богат. Все высшие, даже иные и средние учебные заведения ринулись в политику, до понятия которой не доспали, и, задавшись политикой, забыли, что они воспитанники, забыли свои книги, свои специальности, критикуют и дразнят своих профессоров, потребовали себе автономии, как мужи зрелого возраста, устранили начальство и провозгласили безначалие. И в Государственную думу они залезть не прочь. А там что будут делать? Нетрудно догадаться... А что, если и простой народ от сохи и косы пойдет заниматься только политикой? Кто будет пахать и сеять?

А что такое свобода в вере, которая допущена даже правительством? Свобода исповедовать веру, какую кто хочет; при этом даже православным не возбраняется оставлять свою веру и идти хоть бы в магометанство и идолопоклонство; свобода в вере по-нынешнему допускает хулить всячески — кто только захочет — и свою веру православную, потому что исповедники других вер уважают и хвалят свою веру или иноверие. Писатели неблагонамеренные, по крещению православные, действительно свободно, без зазрения совести дурно отзываються о православной вере и о ее Церкви, о пастырстве ее. В особенности в хулении православной веры превзошел

всех граф Лев Толстой, совершенный отступник от Бога, поклонник своего «я» и слепого разума человеческого... Это ли свобода, чтобы вконец убить веру и надежду народа? Грешили наши предки, но грех грехом называли, а нынешние либералы, согрешая, стараются грех оправдать, как бы законное дело. Грехи похоти плотской, по их учению, не только простые слабости человеческой природы, но и законы природы, ее требования. Находятся между ними такие, которые боготворят и самую страсть плотскую, как в древности поклонники Артемиды, устраивающие оргии с незаконными смешениями. И вся эта мерзость печатается, и ее читают, и о ней рассуждают без омерзения, без отвращения, как будто о достойном внимания! Это ли свобода? *Нет, это не свобода, а ужасное рабство греху и страстям, имеющее последствием страшную казнь Божию, истребление рода и муку вечную».*

Праведный Иоанн Кронштадтский неоднократно упрекал царское правительство за то, что оно не принимает решительных и суровых мер к пресечению разного рода зла, влекущего русский народ в погибель. Требования самоуправства выражались свободно, явив новую дьявольскую подтасовку обезверившегося сознания. В первую русскую революцию открыто заговорили о перемене образа правления государством и об отмене самодержавия. Батюшка считал: без самодержавия нет Святой Руси. И в 1905 году он говорил: «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него бла-

гочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами». Но к тому времени партий было уже множество, их многочисленные вожди рвались к власти не ради блага народа, а ради власти, как таковой.

Первые две Государственные думы оказались бесплодными. Перед созывом 3-й Думы кронштадтский пастырь выразился нелестно: «Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентареры! Отойдите вы, противящиеся Божью велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных. Прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но *пререкающиеся* друг с другом и *ничего существенного* для России не сделавшие. От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость Царю управлять своими подданными. Но да приблизятся к Престолу достойные помощники, имеющие Божью, правую совесть и страх Божий, любящие Бога и Церковь Его, которую Он Сам основал на земле. И да бегут от Престола все, у коих сожжена совесть, в коих нет совета правого, мудрого, благонамеренного, как это было еще недавно с первым министром-предателем.

Вникните в слова пророка и царя Давида вы, особенно собирающиеся в третью Государственную думу и готовые быть советниками Царю, держава которого занимает шестую часть света, и изучите всесторонне ее потребности и нужды, болезни и раны родины, ее бесчисленные сокровища земли и воды, коими так много пользуются *иностранцы*, по непредприимчи-

вости русских, и будьте правою рукой его, очами его, искренними и верными, деятельными доброжелателями и советниками его, и при этом богобоязливými и неизменными веро и отечеству».

Прошло почти сто лет с тех пор, теперь Бог судья всем творившим своей властью неправду. Однако слова предостережения отца Иоанна Кронштадтского «неправым советникам» остаются в силе. Господь и до сих пор терпит. Но не бесконечно. Приблизились к нам те сроки, о которых пророчествовал святой Иоанн Кронштадтский.

«Мы переживаем ужасные времена, по-видимому, последние, и хотя день и час будущего Страшного суда никому из людей не известны, однако есть уже признаки приближения его, указанные в Евангелии. Поэтому всем надо быть готовыми ко всеобщему суду и жить в покаянии, любви и добрых делах».

Предсказанная отцом Иоанном в 1908 году Первая мировая война внезапно грянула: «Господи, что замышляют против России и против Твоей Святой Церкви немцы, поляки и финляндцы, исказившие Евангелие Твое... Скоро война опять будет, избави нас, Господи, от всего».

Отец Иоанн пророчествовал, ему были открыты судьбы России — грядущее ей наказание за богоотступничество. Но Господь милостив и гнев Свой преломляет на милость, когда видит покаяние человека или народа. В надежде на эту милость праведный Иоанн Кронштадтский неустанно призывал всех и каждого к покаянию. Ибо

и разбойник покаявшийся, висящий на кресте по правую руку Христа распятого, был помилован. Но Россия упорствовала в своих грехах и в полном духовном ослеплении совершила свой самый страшный грех.

Еще в Ветхом Завете Бог через Своего пророка сказал: «Не прикасайтесь к помазанникам Моим». Это есть повеление Бога к подданным царя оградить его власть от всего, что колеблет и даже уничтожает, повеление, чтобы она была неприкосновенна от недовольства и осуждения с их стороны, так как это колеблет авторитет царской власти, расшатывает ее, а вместе с ней — и государство. «Прикосновение» к помазаннику Божию — самодержцу происходит и через ограничение самодержавной, данной от Бога, власти царя в пользу народоправства. И с каким же неистовством перед революцией люди русские домогались из-за рабского подражания Западу, европейским народам этого ограничения! В результате либеральные домогательства стали также одной из причин гибели России. Преступно было русским православным людям стремиться к устройству своего государственного правления по образцу конституционных республик «просвещенной Европы», отошедшей от православия еще в XI веке.

Как же тогда назвать то ужасное «прикосновение» к помазаннику Божию, когда подданные низвергают своего царя? Так называемое отречение Николая II было спровоцировано, и народ не встал на защиту самодержца. В таком случае нарушение заповеди достигло в своей

преступности высочайшей степени и повлекло за собой разрушение самого царства.

В 1908 году, незадолго до кончины, отец Иоанн говорил:

«Царь у нас (Николай II. — Н. Г.) праведной и благочестивой жизни, Богом послан ему тяжкий крест страданий, как Своему избраннику и любимому чаду, как сказано тайновидцем судеб Божиих: «Кого люблю Я, тех обличаю и наказываю».

Утихают многие страсти вокруг имени царственных мучеников, и оказывается, что определение праведника Кронштадтского есть тоже пророчество. Семья последнего Императора была с самой мученической своей кончины почитаема верующим народом. Им молились, как святым, и теперь уже известно множество случаев чудесной помощи от Царя-Мученика Николая II.

И еще один тяжкий крест предвидел русский пророк последнего столетия. Иоанн Кронштадтский знал в душе, чем закончится последнее царствование.

В 1890 году одно благочестивое купеческое семейство из города Кунгура Пермской губернии приехало в Кронштадт за благословением к отцу Иоанну. Во время собеседования батюшка, узнав, что они приехали к нему из Пермской губернии, сказал им: *«Над Пермью висит черный крест»*, уклонившись при этом от всяких объяснений сих таинственных слов. Кунгурские паломники поняли слова отца Иоанна в том смыс-

ле, что городу Перми угрожает какое-то тяжкое бедствие. Но после тех ужасных событий, которые произошли на Урале в 1918 году, когда крест тягчайших, воистину Голгофских страданий и мученической кончины приняли царь Николай II со своей семьей и членами Императорской Фамилии, стало ясно: отец Иоанн предвидел небывалое преступление, совершенное в пределах Пермской губернии...

Невозможно не остановиться на пророчествах, относящихся непосредственно к нашим дням, а именно к факту захоронения в 1998 году в Санкт-Петербурге якобы «останков» убиенного императорского семейства.

В святоотеческом предании есть немало пророчеств последним из дома Романовых. Из высказываний преподобного Серафима Саровского, праведного Иоанна Кронштадтского, старца Нектария Оптинского, юродивой Марфы Царицынской и других подвижников веры для православного человека становятся ясными и непреложными три вывода: вся царская семья была расстреляна, никто из ее членов не спасся; тела царственных мучеников были сожжены; обрести их мощи невозможно с «санкции земных властей», то есть мирским способом, без участия Церкви и молитвы верующих.

Земные власти отвергли пророчества Иоанна Кронштадтского, наша Церковь отказалась участвовать в захоронении лжемощей. Патриарх отслужил панихиду по убиенным в Успенском соборе Московского Кремля.

Приводим часть известного пророческого видения святого Иоанна Кронштадтского, в котором показаны были ему судьбы грядущей России:

«В ночь на 1 января 1908 года после вечерней молитвы я сел немного отдохнуть у стола. В келье был полумрак, перед иконой Божией Матери горела лампада. Не прошло и получаса — я услышал легкий шум, кто-то легко коснулся моего правого плеча, и тихий, легкий, ласковый голос сказал мне: «Встань, раб Божий Иван, пойдем со мною». Я быстро встал. Вижу: передо мной стоит дивный чудный старец (именем Серафим, сопровождавший отца Иоанна по местам мытарств русских людей после революции. — Н. Г.)... Но вдруг старец оборотился к северной стороне и указал рукой: «Смотри». Я взглянул и вижу: царский дворец, а кругом бегают разной породы животные и разной величины звери, гады, драконы, шипят, режут и лезут во дворец и уже полезли на трон помазанника Божиего Николая II — лицо бледное, но мужественное, — читает он Иисусову молитву. Вдруг трон пошатнулся, и пала корона, покати́лась. Звери ревели, бились, давили помазанника. Разорвали и растоптали, как бесы в аду, и все исчезло.

Ах, Господи, как страшно, спаси и помилуй от всякого зла, врага и супостата. Я горько заплакал; вдруг старец взял меня за плечо: «Не плачь, так Господу угодно. Смотри!» "Вижу, показалось бледное сияние. Сперва я не мог различить, но потом стало ясно: предстал помазанник невольный, на голове у него из зеленых лис-

тьев венец. Лицо бледное, окровавленное, золотой крестик на шее. Он тихо шептал молитву. Затем сказал мне со слезами: «Помолись обо мне, отец Иван, и скажи всем православным христианам, что я умер как мученик: твердо и мужественно за Веру Православную и за Святую Соборную и Апостольскую Церковь — и пострадал за всех христиан; и скажи всем православным апостольским пастырям, чтобы они служили общую братскую панихиду за всех убитых воинов на поле брани: в огне сгоревших, в море утонувших и за меня, грешного, пострадавших. *Могила моей не ищите — ее трудно найти.* Прощу еще: молись обо мне, отец Иван, и прости меня, добрый пастырь». Затем все скрылось туманом. Я перекрестился: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Николая, вечная ему память». Господи, как страшно. Руки и ноги у меня дрожали, и я плакал...»

«Зеркало русской революции» и «Черные вороны»

Зеркалом русской революции, как известно, вождь мирового пролетариата назвал писателя Льва Толстого. И это была сущая правда. Много известно про писателя Льва Толстого, но не без злого умысла умалчивается его богоборческая деятельность, за которую граф Лев Толстой в 1901 году был отлучен от Православной Церкви.

В ответ на определение Синода он писал:

«То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо... Прежде, чем отречься от церкви и единения с народом, которое было мне невыразимо дорого, я, по некоторым признакам, усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически строго следовал, в продолжение более года (!) всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь (!!), практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства (!!!), скрывающего совершенно весь смысл христианства...»

Начиная с восьмидесятых годов прошлого века Толстой не ограничился в своих заблуждениях пределами Ясной Поляны, но стал распространять свои богоборческие «открытия» в миру. Он высмеивал все таинства Церкви и особенно таинство Святого Причащения Тела и Крови Христовой. Писатель кощунственно отзывался о Божией Матери, а к Иисусу Христу питал ненависть, как к собственному врагу, и в сознании своего превосходства над Ним составил свое собственное евангелие.

В свое время об отношении Толстого к Христу писал в одном из духовных журналов кандидат богословия Добролюбов. Он посетил Толстого в Ясной Поляне и имел с ним богословский спор. «А что бы вы сказали, — спро-

сил Добролюбов Толстого, — если бы вам сейчас доложили, что к вам пришел Христос Бог?» «Я бы велел передать Ему, — ответил Толстой, — чтобы Он подождал в приемной, пока я не окончу беседы с вами».

Благодаря своему исключительному таланту Толстой имел огромное влияние на все слои населения. Отчасти поэтому толстовство распространилось очень быстро по всему миру. Писатель глубоко укоренил в своих последователях через свои кощунственные сочинения начала неверия и анархизма не только против власти Божественной, но и против власти земной, государственной, отрицая все государственные учреждения. Пагубное влияние Толстого особенно сказывалось на учащейся молодежи. Начитавшись толстовских философствований с самой гимназической скамьи, молодежь настраивалась на толстовский лад, отрицала вслед за ним веру, переставала посещать храм Божий и становилась революционной и анархической.

Все это не могло оставить равнодушным отца Иоанна. Он неоднократно в своих проповедях выступал против учения Льва Толстого, называя его одним из ересиархов современности.

«Надобно, чтобы всякий, даже неверующий во Христа и Св. Троицу и в таинства христианской веры, обращался с лицами и предметами веры честно потому, что вера есть сердечное, драгоценное сокровище бесчисленного множества людей всякого языка, наций, всякого звания и состояния, а не по-свински, как Лев Толстой, обращающийся так с неоцененным им, дражай-

шим Именем Господа Иисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери и с досточтимыми их изображениями и всех святых... Да какому бы наказанию по закону должен подлежать и богохульный язык Толстого, и его рука, пишущая богохульные словеса? По Писанию: кто чем согрешает, тот тем и мучится. Толстой же безнаказанно богохульствует, да еще и чтится как старец знаменитый, как великий писатель, как родовитый граф, и Львом Николаевичем зовется. Какой он Лев Николаевич? Он имени христианского не стоит. Потерпел бы еврей, искренно верующий в Иегову, того, кто стал бы вслух относиться недостойно к этому св. имени; или магометанин того, кто вслух стал бы поносить Магомета, хотя Магомет и не то, чем и кем его почитают? А Толстой невозбранно поносит христианскую веру и ее истинное спасительное учение, ее святы и животворящие таинства. О злодейство, достойное казни. Иудейские и римские казнили богохульников, а Толстой пред всем русским народом и пред всей христианской Европой хулит Христа... «Устами твоими буду судить тебя, лукавый раб», — говорит Господь в Евангелии. И я скажу: отрицаниями твоими отрину тебя, Лев Толстой, и хулы твои обращу на тебя».

Сейчас о дурном влиянии толстовства на умы российских граждан особо не задумываются, потому что многие преемственно, уже во многих поколениях заражены духом неверия. Пророк же Кронштадтский предвидел все последствия перерождения этой ереси в форму воинствующего социализма, в так называемое революционно-ос-

вободительное движение с лозунгами «Долой самодержавие» и «Земля и воля». Это движение разделило Россию на два главных лагеря: черносотенцев и красносотенцев, на правых и левых. Подавляющее большинство было на стороне левых, в ряды которых становились русские люди или в силу своего неверия и религиозной индифферентности, или в силу ложного стыда, так как все правое (заметьте, *правое*) в общественном мнении считалось мракобесием, глупостью и отсталостью (т. е. Христова вера с девятнадцативековой историей), или же из-за страшного насилия «неформальных лидеров» освободительного движения.

Не было тогда в России ни одного культурного дома, где бы не заходила речь о толстовстве. И на вопрос: «Может ли Лев Толстой обратиться и оставить свои заблуждения?» — отец Иоанн отвечал: «Его страшно одолела гордость, он слишком уж далеко ушел в своих лжеумствованиях, так и умрет отступником... А как он все хорошо писал, когда занимался обыкновенной литературой и не касался духовной. Вот тут-то и стал он себе противоречить, и ни одна его статья не выдерживает критики».

Батюшка предсказал, что Толстой не покается, так и умрет отреченным от Церкви, еще за шесть лет до смерти писателя. Так оно и случилось. Очень часто отец Иоанн говорил о том, что кончина писателя будет *лютой*. И это оказалось правдой.

«Верх дерзости Толстого заключается в том, что ввиду близкой смерти своей он не боится

Бога и суда Его и считает себя правым, как и своих учеников, и богохульству своему не полагает никакой меры: уж хулить, так хулить до конца, уж безумствовать, так безумствовать до конца! Геройство — чисто сатанинское, да еще и в превосходной степени, ибо и сам Сатана боится Бога и трепещет уготованных ему мучений, а ученик его превзошел и своего учителя. Вот финал «Войны и мира» и «Анны Карениной» и прочих писаний Льва Толстого».

Существует мнение, что предсмертный побег Льва Толстого из Ясной Поляны был вызван желанием «порвать со своей средой». Истинную духовную причину всегда старались замалчивать.

28 октября 1910 года Толстой тайно отправился к своей сестре, монахине Марии, в Шамордин женский монастырь, но по дороге заехал в Оптину пустынь. На всю Россию славились ее духоносные и прозорливые старцы. Побродив некоторое время около их келий в скиту, писатель зайти к ним не решился и поехал дальше.

Сестра была поражена приездом графа, несколько близких монахинь собрались в келье и слышали, какие ужасы он рассказывал. Толстой говорил, что в последнее время ему не давали покоя ни днем ни ночью какие-то страшные чудовища, которых он видел, а другие не видели. Он приглашал трех священников, но двое отказались приехать, а третьего перехватили родные, оттого он и уехал тайком.

Местонахождение его стало известным, и 31 октября Толстой сел на поезд, с которого его и сняли в Астапове, совсем больного. В Астапово

им был вызван старец Иосиф из Оптиной пустыни, но этот вызов «толстовцы» скрыли от общественности. После того как получили телеграмму, вместо отца Иосифа, который болел, решено было послать к Толстому старца Варсонофия. Конечно же он приехал затем, чтобы принять покаяние ересиарха, если он того захочет ввиду приближения смерти. Как говорил святой старец Варсонофий, «ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед всем светом. Как грешил на весь свет, так и покаяние свое принести перед всем светом».

Посольство святого старца окончилось ничем. Отчет был таков: «Ездил в Астапово, не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло. Железное кольцо сковало покойного Толстого, хотя и Лев был, но ни разорвать кольца, ни выйти из него не мог».

Религия Толстого, поставленная перед лицом смерти, не дала ему успокоения. Последние дни его были днями человека мятущегося, не знавшего, что ему делать, судя по скудным сведениям, просочившимся из его окружения во главе с Чертковым. Покаяние Толстого явилось бы смертью тех идей, которые он четверть века распространял по всему миру. Покаяния не произошло.

Одному валаамскому прозорливому старцу было видение. Однажды, когда он стоял на скалистом острове около храма, на озере поднялась страшная буря, и он увидел несущуюся по воздуху массу бесов, впереди которой находился Толстой, который стремился к церкви. Бесы ста-

рались преградить ему путь к церкви и наконец окружили его и увлекли в пучину у самого обрыва скалы, на которой стоял храм. Старец только впоследствии узнал о смерти писателя.

Отец Иоанн был страшным противником революционеров и «освободителей» и боролся с ними с глубокой убежденностью человека, сознающего их преступность пред Богом и Россией. Не замедлили появиться гнусные клеветы и угрозы расправиться с ним, вплоть до физического уничтожения. Отец Иоанн судил об этом так: «Наша интеллигенция ни к чему не годна, это безбожные анархисты, подобные Льву Толстому, которого они обожают, а я решительно осуждаю. Они поэтому меня страшно ненавидят и готовы стереть с лица земли, но я не боюсь их и не обращаю на них ни малейшего внимания. Я им бельмо в глазу».

В 1904 году семидесятипятилетний старец тяжело заболел, и все ожидали его кончины. Но он оправился и прожил еще четыре года, которые оказались для кронштадтского пастыря годами истинного исповедничества, последнего его подвига в земной жизни. Как писал батюшке один архиепископ, «участь пророков и апостолов и прочих избранников Божиих есть и Ваша участь. Враги нашей веры злорадствуют, читая издевательства над Вашей личностью в издаваемых злодеями журналах, но радуются сему и последователи веры: они видят издевательские изображения Ваши не в смешном виде, но в венце исповедника...».

Отец Иоанн крестил долгожданного наслед-

ника престола царевича Алексея, и это вызывало язвительные насмешки. В революционные годы пастырь мужественно выступал с патриотическими проповедями и напоминал власти ее долг подавлять смуту, напоминая 13-ю главу Послания к Римлянам: «Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло». И из проповедей его русское начальство с удивлением узнавало, что употреблять меч обязывает сам апостол Павел. Это ли не повод к мерзким нападкам?

Масла в огонь подливала секта иоаниток, почитавших отца Иоанна за Спасителя, пришедшего вторично на землю. Он публично обличал их в соборе и предавал отлучению, не давал им Причастия. «Проходи, проходи, — говорил он, — ты обуяна безумием, я предал вас анафеме за богохульство». Но отделаться от них было не так-то легко. Они как безумные лезли к Чаше, так что городовым приходилось силой оттаскивать их. Мало того, при каждом удобном случае они кусали его, стараясь «причаститься» каплей его крови. Иоанитки доставляли батюшке много горя и неприятностей и давали обильную пищу к несправедливому осуждению его самого. Высокомерная и невежественная публика с осуждением распространяла мнение, что вокруг отца Иоанна не все благополучно, потому что он окружен какими-то кликушами, от него «попахивает изуверами и изуверками».

В чем только не обвиняли великого старца! Обвиняли в том, что он ездит к богатым, что ездит в карете, а то и в отдельном вагоне, что

ходит в дорогих рясах и носит кресты, украшенные драгоценными камнями. Да, отец Иоанн нес свой подвиг не в пустыне и даже не в монастыре, а в самом водовороте мирских страстей и горя — подвиг несравненно более тяжкий и великий. Много среди его духовных чад и спасенных им было богатых людей, которые не знали, чем и отблагодарить батюшку... Один купец даже соткал на своей фабрике кусок особого бархата и сшил для отца Иоанна рясу.

Кронштадтский старец не отказывался принять искреннее приношение, чтобы не обидеть или не оттолкнуть благотворителя. Некоторые экзальтированные особы, особенно женщины, беспрерывно домогались встречи с ним и говорили: «Если ты меня прогонишь, я снова начну свою дурную жизнь и пропаду!» Батюшка, как самый любящий отец, дрожал над каждой вверенной ему душой...

Часть духовенства смотрела на отца Иоанна с оскорбленной завистью, чувствуя, что она несравнимо ниже кронштадтского пастыря в глазах народа. О них за год до смерти отец Иоанн говорил: «Господь преимущественно назирает за поведением архиереев и священников, за их деятельностью просветительною, священнодейственною, пастырскою... Нынешний страшный упадок веры и нравов весьма много зависит от холодности к своим паствам многих иерархов и вообще священнического чина». Священническая зависть к отцу Иоанну была одним из основных козырей желтой прессы.

Обезверившиеся священники жаловались на

него митрополиту Исидору. Однажды он вызвал отца Иоанна и сделал замечание по поводу его дорогой муаровой рясы. Отец Иоанн молча снял дорогую рясу и оставил у митрополита. В другой раз был донос на батюшку, что он служит в чужих приходах и что у него якобы есть нарушения церковного Устава. Митрополит Исидор прочитал письменную жалобу, запер ее в свой письменный стол и вызвал к назначенному времени отца Иоанна и жалобщиков.

Когда все собрались, митрополит вынул жалобу из стола и, к своему великому изумлению, увидел, что на листе бумаги ничего не написано. То же самое увидели и жалобщики. Митрополит в недоумении спросил у отца Иоанна, что бы это значило? Батюшка помолится, и по молитве его текст жалобы снова появился на листке. Пораженный чудом, митрополит разорвал жалобу и сказал: «Служи, батюшка, где хочешь».

Живя в миру, овеванный необыкновенной славой, святой Иоанн Кронштадтский до конца дней своих оставался девственником, великим постником. Говорили, что он носил на груди вериги, спал не больше трех-четырёх часов в сутки, все остальное время отдавая своей пастве. Но для глумителей и это было поводом к кощунствам. Левая пресса издевалась над патриотизмом и великой любовью кронштадтского пастыря к своей Родине и к русским людям, над его чудесами, раздачей милостыни и благоговением его почитателей. Воистину ничего святого не оставалось в душах готовящих революцию...

Апофеозом травли отца Иоанна стала пьеса «Черные вороны», которую состряпал в Вологде некий Протопопов. Материалом для нее послужили газетные клеветнические статьи, направленные против кронштадтского пастыря. Протопопов собирал эти статьи и в конце концов склеил из них «пьесу». В театр повалила молодежь, пьеса победно шествовала, правда не очень долго, по театрам страны. «Еврейская печать с восторгом приветствовала эту пьесу, раскричав повсюду, что она из жизни иоанитов, при этом снова начала травить достоуважаемого кронштадтского пастыря».

Кошунственные выходки в Петербурге были, в конце концов, прекращены благодаря энергичным действиям специально прибывших в столицу епископа Саратовского Гермогена и епископа Орловского Серафима. Однако в провинциальных театрах «Черные вороны» каркали довольно продолжительно.

Какой человек, если он не святой, выдержит подобные океаны лжи и ненависти! Митрополит Серафим Чичагов, духовный сын святого старца в течение тридцати лет, сподобившийся, вслед за учителем, канонизации в числе новомучеников российских, писал:

«Дорогой батюшка отец Иоанн переносил все гонения с удивительным смирением. За тридцать лет я не слышал от него ни слова упрека врагам, ни слова обиды на кого бы то ни было как при первом преследовании еще в молодых годах, так и теперь, в жестокие годы его предсмертного испытания. На все это он смотрел истинно ду-

ховным взором, считая всегда виновником составившееся древнее зло на земле. Борьба его с духом злобы в молодых годах была поразительная: сотни раз я видел, как враг связывал его невидимо у Престола Божия, и он не был в силах сделать шагу по несколько минут, а потом резкими движениями после горячей молитвы освобождался от посрамленного его верой князя мира сего. По окончании подобных искушений он начал подвергаться совершенно неожиданно насилиям изуверов: его душили, и кусали, и били, и злословили некоторые в припадках исступления. Чего только он не перенес! Поэтому воздвигнутый ему позор в печати, позор в театрах, позор между людьми, даже им благодетельствованными, во время безумной революции — это было оскорбление не ему, конечно, великому всероссийскому молитвеннику, догоравшему еще яркой свечой за Святую Русь пред небесным алтарем Всемогущего Бога, но невыносимым оскорблением нам, православным русским людям всей России, которая имела право считать свою веру, свое Православие, своего дивного богомольца и праведника неприкосновенными.

Болезнь его быстро развивалась в последние месяцы вследствие влияния на него испытаний Родины. Один Бог свидетель его пламенной мольбы, стенания, бесконечных слез и дерзновенных молитв за царя и Россию, за спасение Русской Православной Церкви, которые он возносил со одра болезни или сидя уже в кресле с Евангелием в руках, преследуемый жестокими болями, воспламененный лихорадкой и изможденный и высохший от подвигов и страданий.

Православие — вот о чем он говорил больше всего последний год, завещая нам защиту этого великого сокровища русского и вознося еще последние мольбы за всех нас, оставшихся для продолжения его святого дела... Страшно за будущее. Он так долго и много учил, но все ли его слушали? Он просил, молил. Отчего же не исполнили?..»

Да, угасал праведник, к обличениям и пророчествам которого за пятьдесят три года его пастырского служения привыкла Россия. Ее действительно уже через десять лет настиг гнев Божий. Отец Иоанн никоим образом не предполагал, что гнев этот — слепой и бессмысленный. «Господь, как искусный врач, подвергает нас различным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото, в горниле. Душа, закосневшая в грехах разного рода, не легко поддается чистке и лечению, но с большим принуждением и терпкостью и только чрез долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погруженному в нечестии и пороках. Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не желающий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле».

Так проповедовал святой Иоанн Кронштадтский. Имеющий уши — услышит...

Эпилог

В начале декабря 1908 года болезнь обострилась. После того как отец Иоанн отслужил последнюю свою литургию в Андреевском соборе 9 декабря, он окончательно слег и больше никого не принимал. До самой смерти его причащали ежедневно. Вместо лекарств батюшка пил только воду из источника преподобного Серафима Саровского, ничего не ел, употреблял лишь миндальное молоко. По временам испытывал жесточайшие страдания от застарелой болезни мочевого пузыря, но духом не падал.

Лишь за неделю до смерти было получено извещение из Синода об осуждении иоанитов, и отец Иоанн сказал удовлетворенно, что теперь может умереть спокойно. Он сделал все приготовления на случай смерти, подписал духовное завещание, по одному из пунктов которого на содержание престарелой супруги, верной помощницы, пережившей мужа всего на полгода, оставлялось 10 тысяч рублей. Остальные средства и все принадлежавшие отцу Иоанну ценности завещались Иоанновскому монастырю на Карповке.

За день до своей смерти он сделал последнее распоряжение, благословив игуменью Ангелину освятить в Иоанновском монастыре храм-усыпальницу, который был давно готов, но ждал своего часа, чтобы принять мощи своего основателя.

Отец Иоанн *точно* знал время своей кончины и предсказал его несколько раз. Еще за пятнадцать лет до смерти, присутствуя на закладке нового Морского собора в Кронштадте, в конце приветственного слова отец Иоанн сказал:

— А когда стены нового собора подведут под кровлю, то меня не станет.

Слова эти исполнились буквально.

За месяц батюшка отправил поздравительные рождественские открытки своим корреспондентам, сказав: «А то вовсе не^н получают».

18 декабря, очнувшись от забытья, отец Иоанн поинтересовался, какое число. Ему ответили. «Ну хорошо, значит, еще два дня».

В последнюю ночь праведник особенно страдал, около него оставался священник Орнатский, некоторые родственники и восьмидесятилетняя кухарка. Облегчить страдания было невозможно, от всякой врачебной помощи отец Иоанн давно отказался. Зная тяжелое положение своего настоятеля, началась раньше обычного литургия — в три часа утра, а около четырех батюшку последний раз причастили. Он впал в забытье, и священник стал читать Канон на исход души и отходную. Когда подошел к одру умирающего, он лежал неподвижно, скрестив на груди руки. Глаза, до того закрытые, вдруг приоткрылись, и из них выкатились две чистые, как хрусталь, слезы. 20 декабря (2 января по н. ст.) тихо предал дух свой Господу семидесятидевятилетний старец, великий труженик на земле. Эта траурная весть мгновенно облетела Россию. О кончине пастыря было немедленно сообщено по

телеграфу в Царское Село, Гатчину, митрополиту Петербургскому Антонию, обер-прокурору Синода. Император Николай II скорбел вместе со своими подданными: «Со всеми почитавшими усопшего протоиерея отца Иоанна оплакиваю кончину его».

В тот же день весь Петербург знал о случившемся, и по всем церквам начались панихиды. Утром 21 декабря на Балтийском вокзале неслетные толпы народа брали любые билеты, чтобы добраться до Кронштадта. В Ораниенбауме спрос на извозчиков был огромный: все, что только могло перевозить пассажиров, двигалось по льду непрерывной вереницей.

После последней панихиды на квартире гроб с телом почившего пастыря был перенесен в Андреевский собор. Его несли начальник Кронштадта генерал-лейтенант Артамонов, военный губернатор контр-адмирал Григорович, комендант крепости, городской голова, соборный староста. Вдоль улиц стояли сухопутные войскашпалерами, сдерживая многочисленную толпу. Окна, заборы и крыши домов были усеяны народом. Для того чтобы проститься с почившим, люди на морозе стояли по многу часов. После заупокойной Всенощной народ до самого утра шел прощаться с любимым батюшкой. В семь часов утра 22 декабря началась литургия, после которой священник отец Павел Виноградов произнес: «Мы ничем другим не можем отблагодарить нашего дорогого усопшего, как земным поклоном». И все, как один, опустились на колени.

Рыдания слышались отовсюду, скорбь безутешная отразилась на лицах...

Траурное шествие растянулось по всему городу. Около всех православных церквей Кронштадта служились литии — особые моления. И лютеранская кирка у моря встретила погребальную колесницу долгим звоном... Три часа процессия шла по льду Финского залива — более 20 тысяч человек провожало в последний путь дорогого батюшку. Везде по дороге от Ораниенбаума до Балтийского вокзала тысячи и тысячи людей стояли вдоль железной дороги и коленопреклоненно встречали и провожали специальный поезд. Сколько раз за свою долгую жизнь отец Иоанн спешил по этой дороге к своим страдальцам!

В Петербурге по Обводному каналу и по всему Измайловскому проспекту с трех утра густой стеной стояли и стояли люди. Траурный поезд прибыл к пяти вечера. У вокзала ждали исаакиевские хоругвеносцы. Митрополит, архиепископы и епископы, монашеский чин, священство почти всех петербургских храмов встало во главе процессии. Движение по улицам было перекрыто. Стотысячное людское море с рыданием, пением, молитвами двигалось медленно и торжественно к Иоанновскому монастырю. Дубовый гроб покоился на траурной — с серебряным верхом, увенчанной митрой, — колеснице. Снова у всех храмов служились литии, все новые и новые священники присоединялись к процессии. Подобного размаха шествий и сплоченности людей в общей горе старожилы не помнили...

По особому повелению царя процессия двинулась по набережной Невы, мимо Зимнего дворца, в котором даже открывались окна.

У Синода — снова лития. Эту остановку преуказал отец Иоанн за три недели до смерти. В беседе со знакомыми купцами Круговым и Забелиным, между прочим, сказал: «Ведь в монастыре-то меня ждут, и сестры хотят причаститься, ну да к празднику-то (Рождеству, 25 декабря ст. ст.) я соберусь, только причастить, пожалуй, не придется. Просят меня также побывать в Святейшем Синоде. Побываю и там, хотя на полчаса или на несколько минут. Только ведь я там никогда не бывал, не знаю, как войти, впрочем, покажут». (Отца Иоанна незадолго до смерти избрали членом Святейшего Синода, однако по немощи он уже не смог побывать ни на одном заседании.)

Многочисленное духовенство, несмотря на дождь и длинный путь, шло в полном облачении: от Андреевского собора, по льду Финского залива и до Карповки в Петербурге — 25 верст с семи утра. Иоанновского монастыря процессия достигла в половине девятого вечера. Сразу началась зауспокойная Всенощная, на которой сослужили около сорока священников. С полуночи до шести утра был открыт доступ к почившему. Рыдания не смолкали. Первыми прошли монахи-ни обители, горе их было неописуемо — они лишились общего отца, какого больше никогда не будет... Многие теряли сознание.

Отпевание произошло в верхнем храме Иоанновского монастыря, где кроме архиереев

присутствовало шестьдесят священников и двадцать дьяконов при стечении множества высокопоставленных лиц.

23 декабря гроб с мощами праведника был опущен в мраморную гробницу в нижнем храме, где они и теперь почивают под спудом. Исцеления у гробницы начались сразу же, как только усыпальница стала доступна для поклонения.

Андреевский собор в Кронштадте, всегда при жизни батюшки ломившийся от народа, стал вдруг пуст: за поздней обедней собиралось человек сто — двести. В городе закрылись все странноприимные квартиры.

Не стало отца Иоанна среди кронштадтцев. Жаль и нам расставаться с удивительной личностью праведника Кронштадтского...

Но для верующего человека разлуки с ним нет. Он и до сих пор подает надежду тем, кто желает ее получить...

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу, крепкая своей верой во Христа Бога и Святую Троицу! И будет по завету св. князя Владимира — как единая Церковь! Перестали внимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский...»

Но не сложа руки ожидать нам этого восстановления. «Возвратись, Россия, к святой, не-

порочной, спасительной, победоносной вере своей и к Святой Церкви Православной — матери своей — и будешь победоносна и славна, как и в старое верующее время. Полно надеяться на свой кичливый, омраченный разум. Борись со всяким злом данным тебе от Бога оружием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью твоих сынов».

Содержание

Всероссийский батюшка	4
Духовные таинства	65
Пророк в своем Отечестве.	133

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально воровавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

**Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.**

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королей" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкойнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Майна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные куклы-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины
издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Наталья Борисовна Горбачева

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Редактор *Л. К. Тихонова*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Компьютерный дизайн: *И. А. Герцев*
Технический редактор *Н. Г. Новак*
Корректор *Г. И. Иванова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.11.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Академическая». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 10,92.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2169.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

«Олимп».
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
Лицензия ЛР № 066236 от 22.12.98 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: AST@POSTMAN.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

15

Истинные пророки предсказывают будущие события с целью назидания или предостережения. Именно таким пророком в XX столетии стал отец Иоанн Кронштадтский. Духовное понимание земной истории позволило ему предсказать Первую мировую войну, мученическую смерть Николая II, тяжкую кончину Льва Толстого, объяснить причины многих проблем России заканчивающегося тысячелетия.

ISBN 5-237-01652-9

9 785237 016529

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО